Шкафъ 12
Полка 5
№ 575.
Проверено 1964 г.
-- МАЙ 2008

ЮРИДИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

1872

КНИЖКА ШЕСТАЯ И СЕДЬМАЯ

ІЮНЬ и ІЮЛЬ

МОСКВА
Типографія Московскаго Университета (Катковъ и К°)
На Страстномъ бульварѣ.

КНИЖКА ШЕСТАЯ и СЕДЬМАЯ—ІЮНЬ и ІЮЛЬ 1872.

I. — ОБСУЖДЕНІЕ ЮРИДИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ ВОПРОСА:

Разъясненія Кассаціонныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената обязательны-ли безусловно для судебныхъ мѣстъ, при разрѣшеніи сими послѣдними однородныхъ дѣлъ? 3

II. — УПРАВЛЕНІЕ ПРОМЫШЛЕННОСТЬЮ МАНУФАКТУРНОЮ, ГОРНОЗАВОДСКОЮ И ТОРГОВОЮ ВЪ РОССІИ ОТЪ ПЕТРА В. ДО НАСТОЯЩАГО ВРЕМЕНИ. — **А. Богословскаго.** 17

III. — ОБЪ ОХРАНИТЕЛЬНОМЪ СУДОПРОИЗВОДСТВѢ. *(Окончаніе).*—**А. М. Хоткевича.** 73

IV. — НѢКОТОРЫЯ УКАЗАНІЯ СЛѢДОВАТЕЛЮ КЪ РАСПОЗНАВАНІЮ ДУШЕВНАГО РАЗСТРОЙСТВА ОБВИНЯЕМЫХЪ. *(Съ нѣмецкаго. Крафтъ-Эбинга).* — **А. Ш.** . . 134

СОВРЕМЕННЫЙ ОТДѢЛЪ.

V. — НЕЗЫБЛЕМОСТЬ СУДЕБНЫХЪ РѢШЕНІЙ ПРЕДЪ УГОЛОВНОЮ КАССАЦІОННОЮ ПРАКТИКОЮ СЕНАТА. — **А. Жемчужникова.** 1

VI. — ВОЕННЫЕ СУДЫ ВЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ДРЕВНОСТИ И ВЪ НОВѢЙШЕЕ ВРЕМЯ. *(Съ нѣмецкаго. Зильбершлага).* — **Л. А. Куперника** 12

VII. — СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА:

1) Полученіе залогодержателемъ, по просроченной закладной, условленныхъ процентовъ впередъ, имѣетъ силу и значеніе отсрочки въ удовлетвореніи по обязательству. 17

(см. на оборотѣ).

ЮРИДИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

МОСКОВСКИМЪ ЮРИДИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ.

1872

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

ІЮНЬ и ІЮЛЬ

МОСКВА.
Типографія Московскаго Университета (Катковъ и К°),
на Страстномъ бульварѣ.
1872.

ЮРИДИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

МОСКОВСКИМЪ ЮРИДИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ.

1872

ІЮНЬ. ІЮЛЬ.

МОСКВА.

Типографія Московскаго Университета (Катковъ и Ко).

1872

ПРОТОКОЛЫ ЗАСѢДАНІЙ

МОСКОВСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

17 января 1872 года.

Юридическое Общество имѣло обсужденіе по вопросу, предложенному дѣйствительнымъ членомъ А. Ф. Марконетомъ.

6) „Разъясненія Кассаціонныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената обязательны ли безусловно для судебныхъ мѣстъ, при разрѣшеніи сими послѣдними однородныхъ дѣлъ“?

А. Ф. Марконетъ. Необходимость верховнаго судебнаго установленія, которое, не составляя само собою судебной инстанціи и не разсматривая судебныхъ дѣлъ по существу, сосредоточивало бы въ себѣ надзоръ за порядкомъ судопроизводства и правильнымъ толкованіемъ законовъ, вызвала у насъ къ жизни учрежденіе кассаціоннаго суда, верховнымъ органомъ котораго представляются кассаціонные департаменты правительствующаго сената. Благотворная дѣятельность этого судилища, имѣющаго своею задачею водворить по возможности единство въ нашей судебной практикѣ, представлявшей до сего времени чистый хаосъ, уже успѣла снискать общественное сочувствіе и приковать къ себѣ его вниманіе. Сборники кассаціонныхъ рѣшеній становятся настольною книгою каждаго занимающагося судебною практикою. Мало того въ большинствѣ юристовъ сложилось даже убѣж-

деніе о безусловной обязательности сенатскихъ толкованій по всѣмъ однороднымъ дѣламъ. Но правильно ли это и не можетъ ли такой взглядъ затормозить дальнѣйшее развитіе права? Такой вопросъ еще и потому важенъ, что онъ прямо касается характера верховнаго судебнаго установленія, власть котораго, по основнымъ началамъ нашего судопроизводства, должна быть строго отдѣлена отъ законодательной. Будучи обязанъ, по установленному въ нашемъ Обществѣ обычаю, высказать мое мнѣніе по предложенному мною вопросу, я прихожу къ отрицательному разрѣшенію послѣдняго, по слѣдующимъ соображеніямъ. Ст. 930 уст. угол. судопр. и 813 уст. гражд. судопр. выражено только одно безусловное правило: „что судъ, въ который обращено дѣло для новаго рѣшенія, обязанъ, въ изъясненіи точнаго разума закона, подчиниться сужденіямъ правительствующаго сената". 933 ст. уст. уг. суд., по которой „рѣшенія сената печатаются во всеобщее свѣдѣніе, *для руководства* къ единообразному исполненію и примѣненію законовъ", сопоставленная съ предыдущими, нисколько не распространяетъ ихъ смысла. Наконецъ ст. 12 того же уст. и 9 уст. гр. судопр. подтверждаютъ вполнѣ свободу суда при обсужденіи и примѣненіи закона къ обстоятельствамъ дѣла и въ этихъ узаконеніяхъ ничего не сказано о рѣшеніяхъ кассаціонныхъ департаментовъ правительствующаго сената.

В. В. Давыдовъ. Отсутствіе общихъ началъ въ сводѣ законовъ и его казуистическая система и обширность значительно затрудняютъ изученіе отечественнаго законовѣдѣнія и правильнаго примѣненія законовъ къ дѣлу. Поэтому нельзя не желать, чтобы рѣшенія кассаціонныхъ департаментовъ правительствующаго сената все болѣе и болѣе пріобрѣтали значеніе въ нашей судебной практикѣ. Единство, самостоятельность и достоинство судебной власти мыслимы только при единообразномъ примѣненіи и исполненіи законовъ. Довѣріе народное къ суду должно ослабѣвать по мѣрѣ умноженія случаевъ разнообразнаго разрѣшенія однородныхъ дѣлъ. Обращаю вниманіе Общества, что

правило о публикованіи кассаціонныхъ рѣшеній во всеобщее свѣдѣніе, для руководства къ единообразному истолкованію и примѣненію законовъ, помѣщено въ видѣ примѣч. къ 69 ст. основ. зак. (по прод. 1868 г.), но при этомъ нельзя не принять въ соображеніе, что помѣщеніе такого примѣчанія именно подъ 69 ст. осн. зак. вводитъ невольно въ сомнѣніе относительно силы и значенія самаго примѣчанія.

Д. П. Суходольскій. Законами не могутъ быть предусмотрѣны всѣ случаи, встрѣчающіеся въ жизни. Нормы, создаваемыя правомъ, болѣе или менѣе общи. Задача суда, главнымъ образомъ, заключается въ охраненіи права и въ возстановленіи нарушеннаго права. Судъ имѣетъ цѣлью не установленіе какихъ либо общихъ правилъ, но разрѣшеніе конкретнаго случая. Кассаціоннымъ департаментамъ правительствующаго сената принадлежитъ власть судебная, а потому и постановленія должны имѣть только силу судебнаго рѣшенія, которое по 69 ст. основ. зак. не можетъ имѣть общей силы въ опредѣленіи разума законовъ. На этомъ основаніи я также прихожу къ отрицательному разрѣшенію предложеннаго вопроса.

В. И. Кохновъ. Желая высказать свое мнѣніе по вопросу: „безусловно ли обязательны для судебныхъ мѣстъ разъясненія кассаціонныхъ департаментовъ правительствующаго сената, при разрѣшеніи судами однородныхъ дѣлъ,“ я остановлюсь прежде всего на уясненіи общаго вопроса о томъ, что такое кассаціонный судъ вообще? Раскрывая судебные уставы 1864 г., мы дѣйствительно видимъ, что по 1 ст. учр. суд. уст. „власть судебная принадлежитъ,“ между прочимъ, и „правительствующему сенату, въ качествѣ верховнаго кассаціоннаго суда.“ Такимъ образомъ съ перваго взляда сенатъ есть судъ. Но такой ли это судъ, какимъ мы привыкли его считать съ точки зрѣнія нашихъ „процессовъ“ и „дѣлъ,“ или это судъ особой организаціи, судъ, если позволено такъ выразиться, надъ самимъ судомъ? Задаваясь такимъ вопросомъ, мы, само собою разумѣется, хотимъ прійти не къ тому общеизвѣстному положенію, что „правительству-

ющій сенатъ, въ качествѣ верховнаго кассаціоннаго суда, не рѣшая дѣлъ по существу въ общемъ порядкѣ судопроизводства, по 5 ст. учр. суд. уст. наблюдаетъ только за охраненіемъ точной силы закона и за единообразнымъ его исполненіемъ всѣми судебными установленіями Имперіи." Но мы хотимъ уяснить себѣ самую природу этаго учрежденія, скрытую подъ только что приведенной формулой. Что значитъ „охраненіе точной силы закона," что слѣдуетъ понимать подъ „единообразнымъ исполненіемъ его?" Два понятія эти, „охраненіе" и „единообразіе", характеризующія цѣль и назначеніе сената, соотвѣтствуютъ ли тому понятію, какое мы обыкновенно соединяемъ съ судомъ?

Судъ, въ простѣйшемъ пониманіи этаго слова, есть *примѣненіе* закона къ нарушенному праву. Вся дѣятельность суда опредѣляется этимъ принципомъ *примѣненія*. Въ извѣстномъ смыслѣ судъ есть какъ бы посредникъ между дѣйствующимъ въ странѣ закономъ и нарушеннымъ въ жизни правомъ. Тамъ, гдѣ достаточно зрѣло понятіе о правѣ, гдѣ сознательно живо представленіе о законѣ, тамъ судъ является благодѣтельнымъ звѣномъ, связующимъ эти двѣ великія силы въ обществѣ. Законъ есть тотъ источникъ, изъ котораго судъ черпаетъ свою силу; право тотъ матеріалъ, который подъ воздѣйствіемъ этой силы получаетъ въ рукахъ судьи ту или другую форму. Законъ служитъ для суда точкой отправленія, право — конечною цѣлью его поисковъ. Гражданинъ взываетъ къ суду, на основаніи своего права, во имя закона; судъ рѣшаетъ дѣло, на основаніи закона, во имя этаго его права. Право и законъ, это тѣ крайніе пункты, отправляясь отъ которыхъ власть и сила—законъ и право сходятся на конкретной почвѣ даннаго дѣла. Имѣя своимъ назначеніемъ такъ или иначе рѣшить это послѣднее, судъ располагаетъ всѣмъ фактическимъ матеріаломъ, всею документальною обстановкою дѣла, не пренебрегая никакою мелочью (612 ст. уст. уг. суд.), не отвергая ни одного доказательства (454 ст. уст. гр. суд). Уяснивъ себѣ *право* того или другаго лица изъ ряда представленныхъ доказательствъ, сообразивъ это право съ тѣмъ или другимъ *закономъ*, при-

мѣнимымъ къ данному случаю, судья выслушиваетъ затѣмъ объясненія сторонъ, имѣющія цѣлью предрасположить умъ и совѣсть его къ справедливому взгляду на дѣло. Такимъ образомъ *фактъ* и *право, законъ* и *мысль*, — вотъ тотъ кругъ понятій, обсудивъ каждое изъ которыхъ съ одинаковымъ вниманіемъ, судья можетъ сказать съ чистою совѣстью, что онъ исполнилъ волю законодателя, „*рѣшилъ данное* дѣло *по* точному *разуму* существующихъ *законовъ*.“ (9 ст. уст. гр. суд.).

Но затѣмъ по мѣрѣ восхожденія дѣла изъ одной инстанціи въ другую, дѣятельность суда, съуживаясь все болѣе и болѣе съ фактической, внѣшней стороны, въ то же время сосредоточивается на сторонѣ чисто юридической, внутренней. Право и фактъ, въ тѣсномъ смыслѣ этихъ словъ, отходятъ мало по малу на задній планъ, уступая мѣсто мысли и закону. „Палата входитъ въ разсмотрѣніе *тѣхъ только* частей рѣшенія, которыя обжалованы“ (773 ст. уст. гр. суд). Фактъ, очевидно, съуживается въ своихъ размѣрахъ передъ судомъ палаты. „Отсутствіе тяжущихся при докладѣ *не останавливаетъ* постановленія рѣшенія безъ выслушанія ихъ словесныхъ объясненій (770 ст. того же уст.). Процессуальное право стороны обусловливать своимъ присутствіемъ рѣшеніе суда 1 степени, очевидно, не имѣетъ безусловной обязательности для палаты. Законъ и истолкованіе его тѣмъ въ большей мѣрѣ выступаютъ здѣсь на первый планъ. Фактъ разсматривается постольку, поскольку сторона считаетъ его невѣрно понятымъ. Законъ напротивъ уясняется настолько, насколько сила мысли тяжущагося способна развить его. При дальнѣйшемъ переходѣ дѣла въ кассаціонный судъ умъ юриста достигаетъ въ этомъ направленіи своего крайняго выраженія. Фактъ здѣсь совсѣмъ перестаетъ существовать, законъ поглощаетъ собою все. Подобно тому какъ судъ, какъ мы выше сказали, есть тотъ-же посредникъ между дѣйствующимъ въ странѣ закономъ и нарушеннымъ въ жизни правомъ, такъ здѣсь сенатъ является какъ-бы живымъ проводникомъ между вѣчно движущеюся впередъ наукою и исторически сложившимся въ странѣ закономъ. Разумъ закона ста-

новится единственною и конечною цѣлью всѣхъ усилій ума судьи-сенатора. Проникая въ самую глубь мысли законодателя, восходя къ самымъ высшимъ обобщеніямъ закона рѣшеніе кассаціоннаго департамента нерѣдко раскрываетъ передъ нами величавую картину судьи, стоящаго на высотѣ юридическаго мышленія. Научная мысль становится здѣсь тѣмъ могучимъ орудіемъ, которое проливаетъ широкій свѣтъ на такъ нерѣдко встрѣчающееся у насъ узкое пониманіе буквы закона. И поскольку этотъ разумъ закона, вскрытый сенатомъ, не опровергнутъ болѣе высшею силою ума, постольку, само собою разумѣется, и „разъясненія кассаціонныхъ департаментовъ безусловно обязательны для судебныхъ мѣстъ при разрѣшеніи судами однородныхъ дѣлъ.“ Но тамъ, гдѣ умъ человѣка способенъ восходить на болѣе высшую точку зрѣнія, тамъ, мы полагаемъ, и самъ сенатъ не станетъ настаивать на обязательности своихъ рѣшеній, ибо какъ вполнѣ разумно говорится во „Вступленіи“ къ Судебнымъ Уставамъ, изданнымъ государственной канцеляріей: „время безконечно, и потому мысль сковать значеніе закона и остановить его дальнѣйшее развитіе была бы столь же неосновательною, какъ и намѣреніе остановить теченіе времени.“

П. Н. Обнинскій. Не подлежитъ сомнѣнію, что кассаціонныя рѣшенія сената безусловно обязательны для суда, въ который обращено дѣло для новаго разсмотрѣнія (ст. 813 уст. гражд. суд.); что же касается до обязательности ихъ для всѣхъ прочихъ судебныхъ мѣстъ, то въ законѣ имѣется въ этомъ отношеніи одно только указаніе: на основ. 932 ст. уст. угол. суд. и 815 ст. уст. гражд. суд. рѣшенія сената печатаются во всеобщее свѣдѣніе *для руководства* къ единообразному истолкованію, примѣненію и исполненію законовъ. Статьи эти разъяснены, затѣмъ, въ трехъ кассаціонныхъ рѣшеніяхъ (№ 519—67 г. гр. д., № 31—68 г. и № 443—69 г. уг. д.) въ томъ смыслѣ, что „опредѣленія сената, *разъясняющія истинный смыслъ и разумъ законовъ*, должны служить *обязательнымъ* руководствомъ для судебныхъ мѣстъ, которыя должны „*сообразоваться*“ съ ними по „*совершенно однороднымъ* дѣламъ“. Для обязательнаго руководства

сенатскими рѣшеніями требуется, слѣдовательно, наличность двухъ условій: 1) чтобы ими разъяснялся истинный смыслъ законовъ и 2) чтобы содержаніе ихъ совершенно совпадало съ даннымъ разсматриваемымъ дѣломъ.

О *безусловной* обязательности, такимъ образомъ, не можетъ быть и рѣчи. Если же мыслимъ въ этомъ отношеніи какой либо вопросъ, то о томъ только: насколько и въ какой степени рѣшенія эти могутъ быть обязательны для суда, и въ какомъ взаимномъ отношеніи къ нимъ явится самодѣятельность суда, призваннаго закономъ рѣшать дѣла по внутреннему своему убѣжденію, по точному *разуму* существующихъ законовъ, а въ случаяхъ неполноты ихъ, неясности и противорѣчія руководствоваться единственно ихъ общимъ смысломъ (12, 13, 766 и 804 ст. уст. угол. суд. и 9 и 10 уст. гр. суд). Понятно, что если Уставы 20 ноября требуютъ отъ суда не абсолютно подчиненнаго, но сознательнаго, разумнаго, а въ извѣстныхъ случаяхъ и критическаго отношенія къ положительному законодательству, то тѣмъ болѣе въ подобномъ же отношеніи долженъ стоять судъ и къ кассаціоннымъ рѣшеніямъ сената. Иныхъ отношеній и быть не можетъ съ тѣхъ поръ какъ судебная дѣятельность стала неразрывно связанною со всѣми мыслительными способностями и съ убѣжденіемъ совѣсти судьи, рѣшающаго дѣла. Безусловно обязательнымъ можетъ быть только законъ, а не его толкованіе, всегда зависимое отъ тѣхъ или другихъ условій дѣла, къ которому требуется его примѣненіе; оттого одинъ и тотъ же законъ можетъ подлежать различнымъ толкованіямъ, смотря по этимъ условіямъ, всегда безконечно разнообразнымъ, а потому всякое апріористическое толкованіе закона можетъ быть принимаемо къ руководству лишь при крайней осмотрительности подъ опасеніемъ грубыхъ ошибокъ вслѣдствіе неправильной оцѣнки отношенія фактическихъ данныхъ разсматриваемаго дѣла къ имѣющемуся уже толкованію.

Наибольшая часть наличныхъ кассаціонныхъ рѣшеній по природѣ своей казуистична до высшей степени; ими толкуется извѣстная статья закона лишь отчасти и притомъ въ тѣхъ границахъ, какія даны разсматриваемымъ дѣломъ. Для безо-

шибочнаго руководства ими сперва необходимо разрѣшить вопросъ, на сколько и „совершенно“ ли совпадаютъ обстоятельства даннаго дѣла съ обстоятельствами дѣла, по которому имѣется уже кассаціонное рѣшеніе, и въ какомъ отношеніи представляется разъясненная часть статьи къ ея общему смыслу. Итакъ, практическое приложеніе этого кассаціоннаго рѣшенія потребуетъ извѣстной самодѣятельности, извѣстнаго критическаго отношенія суда.

Понятно, что всѣ подобные пріемы при пользованіи ежедневно возрастающею массою кассаціонныхъ рѣшеній потребуютъ отъ судебныхъ установленій самостоятельной, усидчивой и внимательной работы. Это одно уже исключаетъ возможность видѣть въ кассаціонныхъ рѣшеніяхъ нѣчто непреложное, неподлежащее обсужденію и толкованію, безусловно обязательное и во что бы ни стало примѣнимое, сохраняя, однако, за ними всю великую пользу, какъ необходимаго для суда пособія и руководства въ встрѣчаемыхъ имъ на практикѣ затрудненіяхъ и недоразумѣніяхъ.

Учрежденіе нашего кассаціоннаго суда преслѣдуетъ двойственную цѣль: 1) примиреніе двухъ противоположныхъ взглядовъ на смыслъ и примѣненіе законовъ въ каждомъ данномъ случаѣ и 2) единообразное исполненіе законовъ. Вполнѣ достижима только первая задача; вторая же представляетъ одинъ изъ источниковъ, какимъ могутъ располагать суды въ этихъ видахъ. Цѣль эта столько же достижима обмѣномъ юридическихъ воззрѣній, равностепенностью юридическаго образованія будущихъ судебныхъ дѣятелей, знакомствомъ съ иностранною судебною практикою, литературною разработкою юридическихъ вопросовъ, изданіемъ сборниковъ такихъ вопросовъ, разрѣшенныхъ опредѣленіями судебныхъ мѣстъ и тому подобными путями. И чѣмъ шире и свободнѣе откроются они, тѣмъ единообразнѣе и безошибочнѣе будетъ примѣняться и исполняться законъ.

Большаго значенія отъ этой второй цѣли кассаціоннаго суда нельзя и требовать, не посягая на умственную самостоятельность и жизненное значеніе судебныхъ установленій, образованныхъ по уставамъ 20 ноября. На такое зна-

ченіе кассаціонныхъ рѣшеній указываетъ и комментарій къ 815 ст. уст. гражд. суд., гдѣ именно сказано, что „учрежденіе кассаціоннаго порядка имѣетъ *между прочимъ* цѣлью обезпечить *по возможности* правильное и единообразное примѣненіе законовъ", вслѣдствіе чего всѣ приговоры сената должны печататься во всеобщее свѣдѣніе.

При неминуемо казуистическомъ происхожденіи кассаціонныхъ рѣшеній сената, отвлеченіе, отдѣленіе тезиса отъ той оболочки даннаго дѣла, изъ которой онъ возникъ, и обобщеніе его, какъ безусловно обязательнаго для всѣхъ совершенно однородныхъ случаевъ,—задача почти безошибочно невыполнимая. Съ другой стороны въ распоряженіи суда въ данную минуту будетъ всегда находиться лишь извѣстный запасъ такихъ обобщеній, разрѣшенныхъ и установленныхъ предшествовавшею кассаціонною практикою и притомъ запасъ всегда не полно систематизированный; между тѣмъ суду всегда придется встрѣчать на практикѣ затрудненія, не восходившія еще на разсмотрѣніе сената.

Поэтому сфера, предполагаемая подлежащею обязательному вліянію кассаціонныхъ рѣшеній, будетъ на дѣлѣ представляться всегда ограниченною, а рядомъ съ этимъ жизнь не перестанетъ вырабатывать для суда тѣ или другія сочетанія, непредусмотрѣнныя положительнымъ закономъ, съ которыми придется ему раздѣлываться при единственномъ руководствѣ 9-ю и 12-ю статьями уст. гражд. и угол. суд.

Съ другой стороны, извѣстно, что чѣмъ болѣе сжаты, кратки и общи и чѣмъ менѣе казуистичны законоположенія, которыми обязанъ руководствоваться судъ безусловно, тѣмъ болѣе обезпечены какъ правильность примѣненія закона, такъ и справедливость рѣшенія; а потому принимаемое нерѣдко въ нашей судебной практикѣ мнѣніе о безусловной для нея обязательности кассаціонныхъ рѣшеній, о законодательномъ значеніи кассаціоннаго сената не можетъ не отзываться вредно въ дѣлѣ правосудія. Мнѣніе это образовалось несмотря на то, что самъ сенатъ призналъ нужнымъ положительно отвергнуть всякое значеніе свое, какъ законодательнаго учрежденія. Поводомъ къ такому мнѣнію послужило отчасти и неправиль-

ное толкованіе тѣхъ трехъ кассаціонныхъ рѣшеній, которыя мы означили въ началѣ.

А потому будетъ нелишнимъ разсмотрѣть ихъ историческое происхожденіе и тѣ отношенія, какія могутъ имѣть они къ остальной группѣ обнародованныхъ рѣшеній и къ практикѣ прочихъ судебныхъ установленій.

Въ рѣшеніи по дѣлу Рогова (№ 31, 68 г.), сенатъ *во второй разъ* указываетъ на допущенное судомъ *явное нарушеніе* закона, состоящее въ томъ, что при опредѣленіи наказанія по 169 ст. мир. уст. оно было понижено по степенямъ уложенія, вслѣдствіе чего былъ нарушенъ *„буквальный смыслъ 1656 ст.* этого уложенія; сенатъ такое упущеніе поставилъ на видъ суду, не принявшему въ руководство рѣшенія сената по совершенно однородному дѣлу. Очевидно, слѣдовательно, что такое рѣшеніе не толковало законъ, не изъясняло его и безъ того совершенно яснаго смысла, а лишь указало на прямое отступленіе отъ закона; очевидно, что всѣ подобныя рѣшенія сената, какъ *повторяющія* собою прямо выраженныя требованія закона, столько же обязательны, какъ и самъ законъ и очевидно, наконецъ, что значеніе такихъ рѣшеній невозможно распространять на всѣ остальныя.

Въ такомъ же исключительномъ отношеніи стоитъ и кассаціонное рѣшеніе № 443, 69 г., говорящее о примѣнимости 128 ст. уложенія къ укрывателямъ по родству лишь при сокрытіи ими самого преступника, что совершенно ясно изъ буквальнаго текста этой *также двукратно* нарушенной судомъ статьи.

Наконецъ рѣшеніе сената по гражд. деп. № 519, 67 г., установляетъ порядокъ производства дѣлъ по безспорнымъ векселямъ и послѣдовало по представленію Губернскаго Правленія о распространеніи существующихъ о томъ правилъ на г. Москву.

И вотъ, именно, *по этимъ только тремъ исключительнымъ случаямъ* сенатъ нашелъ нужнымъ напомнить объ обязанности

суда руководствоваться и сообразоваться съ его рѣшеніями при разсмотрѣніи совершенно однородныхъ дѣлъ.

Это, полагаемъ, всего лучше подтверждаетъ все, высказанное нами.

Что-же касается до 5 ст. уст. угол. суд., на основаніи которой правительствующій сенатъ наблюдаетъ за охраненіемъ точной силы закона и за единообразнымъ его исполненіемъ всѣми судебными установленіями, то ея значеніе и смыслъ относительно разсмотрѣннаго нами вопроса достаточно разъяснены кассаціоннымъ рѣшеніемъ № 877, 69 г., изъ котораго видно, что сенатъ въ качествѣ „верховнаго *судилища*“ предупреждаетъ *нарушенія* указаніемъ *ошибокъ*, недоразумѣній и *упущеній* и „*привлеченіемъ виновныхъ въ грубыхъ ошибкахъ и важныхъ упущеніяхъ къ отвѣтственности*, возбуждая дисциплинарное производство, или предавая суду“,— вотъ основной характеръ того „надзора“, который предоставленъ сенату 5-ою ст. учр. суд. суд.; ясно, слѣдовательно, что значеніе этой статьи, какъ стоящее внѣ цѣли единообразнаго *по возможности* *) исполненія законовъ, достигнутой, между прочимъ, мирнымъ путемъ свободнаго руководства, нисколько не колеблетъ силы высказанныхъ нами положеній.

А. М. Фальковскій. Прежнее начало, по которому никакое судебное мѣсто не можетъ рѣшить дѣло, если нѣтъ на оное яснаго закона (ст. 281, т. II, Общ. Образ. Управ. въ Губ.), отмѣнено судебными уставами. Новое правило заключается въ томъ, что рѣшеніе дѣла не можетъ быть остановлено подъ предлогомъ неполноты, неясности, недостатка или противорѣчія законовъ. Противное сему считается отказомъ въ правосудіи (ст. 10 уст. гражд. судопр.). По сей же 9 ст. этого же уст. и 12 ст. уст. угол. судопр. право въ опредѣленныхъ случаяхъ основывать рѣшеніе на общемъ смыслѣ законовъ предоставлено всѣмъ судебнымъ установленіямъ. По-

*) См. коммент. къ 815 ст. уст. граж. суд. по изд. Гос. Канц. и 933 ст. уст. угол. суд.

становленные во главѣ судебныхъ установленій кассаціонные департаменты правительствующаго сената, *въ качествѣ верховнаго кассаціоннаго суда*, призваны наблюдать неустанно за охраненіемъ точной силы и разума законовъ. Авторитетъ ихъ, главнымъ образомъ, въ отношеніи изъясненія силы и разума законовъ, имѣетъ великое значеніе для всѣхъ судебныхъ установленій Имперіи уже и потому, что въ личномъ составѣ кассаціонныхъ департаментовъ правительствующаго сената сосредоточены лучшія силы. Олицетворяя въ себѣ верховное единство власти судебной, это судилище вполнѣ отдѣлено отъ власти законодательной и административной. Его рѣшенія, о которыхъ здѣсь рѣчь идетъ, не суть дѣло *его собственной инициативы*. Дѣятельность эта, въ установленномъ порядкѣ, возбуждается только или протестами прокурорскаго надзора или жалобами частныхъ лицъ объ отмѣнѣ рѣшеній, вошедшихъ въ законную силу. Слѣдовательно, какъ справедливо было здѣсь высказано, постановленія кассаціонныхъ департаментовъ правительствующаго сената имѣютъ значеніе судебныхъ рѣшеній, а не актовъ законодательныхъ. Окончательное судебное рѣшеніе имѣетъ силу закона для того дѣла, по коему оно состоялось (Основ. Зак. ст. 68). Судебныя рѣшенія дѣлъ частныхъ *хотя могутъ быть приводимы въ поясненіе въ докладахъ*, но не могутъ быть признаваемы закономъ общимъ, для всѣхъ обязательнымъ, *ниже служить основаніемъ окончательныхъ рѣшеній по дѣламъ подобнымъ* (тамъ же ст. 69). Слѣдовательно примѣчаніе къ этому узаконенію (по прод. 1868), содержащее въ себѣ правило, выраженное въ 815 ст. уст. гражд. судопр., никакого сомнѣнія не возбуждаетъ, а напротивъ того вполнѣ разрѣшаетъ намъ вопросъ въ смыслѣ отрицательномъ, т.-е. что кассаціонныя рѣшенія не безусловно обязательны, а могутъ быть приводимы *въ поясненіе*, какъ это и выражено въ 69 ст. Основ. Зак. Разъясненія силы и разума закона въ кассаціонныхъ рѣшеніяхъ неразрывно связаны съ частными случаями и обстоятельствами дѣлъ. Разсматривать ихъ какъ неизмѣнныя нормы юридической интерпретаціи

невозможно. Необходимо предоставить наибольшую свободу въ этомъ отношеніи, такъ какъ оно касается свободы мысли.

В. Н. Лешковъ. Значительное число судебныхъ инстанцій, рѣшающихъ дѣло по существу, было всегда причиною медленности судопроизводства. Судебными уставами установлено общее начало, по которому каждое дѣло рѣшается не болѣе какъ въ двухъ судебныхъ инстанціяхъ. Слѣдовательно учрежденіе кассаціоннаго суда и самая кассація окончательныхъ рѣшеній, принадлежатъ къ чрезвычайнымъ средствамъ охраненія права. Поэтому и власть призванная къ тому сосредоточена въ единомъ и верховномъ судебномъ мѣстѣ. Съ учрежденіемъ его должна была пасть возможность перехода дѣлъ въ государственный совѣтъ и къ Монарху, кромѣ случаевъ, предусмотрѣнныхъ уст. угол. судопр.

Но это сосредоточеніе высшей судебной власти должно служить и средствомъ къ единообразному примѣненію и толкованію законовъ. Нельзя не пожелать, чтобы кассаціонные департаменты правительствующаго сената своими рѣшеніями прекратили по возможности произволъ, установивъ своею практикою общія начала, въ которыхъ такъ нуждается наша юриспруденція. Къ сожалѣнію, какъ мы неоднократно имѣли случай убѣдиться, въ практикѣ кассаціоннаго суда еще не установилось единомыслія, чѣмъ значительно подрывается и авторитетъ его толкованій. Наука одна въ состояніи установить единство началъ. Итакъ практика только въ тѣсномъ союзѣ съ наукою можетъ положить предѣлы разнообразному толкованію законовъ, и тѣмъ установить непоколебимость правъ. Что касается до самаго вопроса, предложеннаго намъ, то мнѣ кажется, что разъясненія кассаціонными департаментами правительстяующаго сената точной силы и разума законовъ не должно смѣшивать съ рѣшеніями, въ которыхъ эти разъясненія находятся. Рѣшенія эти имѣютъ предметомъ обсужденіе обжалованнаго въ кассаціонномъ порядкѣ судебнаго рѣшенія. Постановленіе сената по этому предмету заключается или въ оставленіи обжалованнаго рѣшенія въ силѣ

или въ отмѣнѣ и передачѣ дѣла въ другой судъ для постановленія новаго рѣшенія. Поэтому право кассаціонныхъ департаментовъ правительствующаго сената изъяснять силу и смыслъ законовъ не есть вторженіе въ законодательную область и 69 ст. Основ. Зак. тутъ не имѣетъ примѣненія. Но я раздѣляю мнѣніе о не безусловной обязательности разъясненій сената о силѣ и разумѣ законовъ.

Большинствомъ 18 противъ 1, вопросъ разрѣшенъ отрицательно.

УПРАВЛЕНІЕ ПРОМЫШЛЕННОСТЬЮ

мануфактурною, горнозаводскою и торговою въ Россіи отъ Петра Великаго до настоящаго времени.

(Историческая записка).

Исторію администраціи промышленной и торговой мы раздѣляемъ на шесть періодовъ; *первый* изъ нихъ обнимаетъ царствованіе Петра I; *второй*—царствованія Екатерины I, Петра II и Анны Іоанновны; *третій*—царствованія Елизаветы Петровны и Петра III; *четвертый*—царствованіе Екатерины II; *пятый*—царствованіе Павла I и *шестой*—царствованія Александра I, Николая I и нынѣшнее благополучное царствованіе.—Основаніемъ къ такому дѣленію служитъ самая хронологическая послѣдовательность перемѣнъ въ управленіи промышленностью, по которой или каждая отрасль промышленности въ отдѣльности (мануфактурная, горнозаводская и торговая) вѣдалась особымъ высшимъ учрежденіемъ—мануфактуръ-коллегіею, бергъ-коллегіею и коммерцъ-коллегіею, или всѣ они относимы были къ вѣдомству одного учрежденія коммерцъ-коллегіи, или же наконецъ всѣ они вступили въ управленіе высшихъ правительственныхъ органовъ—*министерствъ* (въ частности: сперва министерства внутреннихъ дѣлъ и министерства финансовъ, а потомъ одного министерства финансовъ), которымъ ввѣрены были разныя отрасли исполнительной власти.

ПЕРІОДЪ ПЕРВЫЙ.

(1712—1727).

Время основанія въ Россіи особыхъ высшихъ правительственныхъ учрежденій для завѣдыванія каждою отраслью промышленности въ отдѣльности (горнозаводскою, мануфактурною и торговою) совпадаетъ съ временемъ ея преобразованія. Желая дать Россіи могущество прочное, основанное на собственныхъ ея силахъ, независимое отъ другихъ державъ, и сознавая, что „силу и изобиліе государства составляетъ свободная торговля и искусное рукодѣліе,"—Петръ, убѣдившійся опытомъ, что его подданные „ни во что сами не пойдутъ, ежели не приневолены будутъ" [1], и „яко дѣти, неученія ради, которые никогда за азбуку не примутся, когда отъ мастера не приневолены бываютъ, которымъ сперва досадно кажется, но когда выучатся, потомъ благодарятъ» [2]), сдѣлалъ промышленность предметомъ попеченія общественной власти, предметомъ дѣятельности особыхъ государственныхъ учрежденій—*коллегій*. Промышленность мануфактурная отнесена была къ вѣдомству *Мануфактуръ-Коллегіи*; горнозаводство—къ вѣдомству *Берг-Коллегіи*, а торговая—къ вѣдомству *Коммерцъ-Коллегіи*.

I.

Промышленностью мануфактурною во времена Петра завѣдывала *Мануфактуръ-Коллегія*.—Впервые упоминается о ней подъ 1718 годомъ—въ именномъ указѣ, объявленномъ изъ сената 12 декабря [3]). Предметы вѣдомства ея обозначены здѣсь такъ: „ремесла и рукодѣлія и заводы оныхъ и размноженіе." Первоначально мануфактуръ-коллегія была соедине-

---

[1]) Полное Собраніе Законовъ №. 4540.
[2]) №. 4345.
[3]) №. 3255.

на съ бергъ-коллегіею, такъ что во всѣхъ указахъ онѣ именовались совмѣстно: *Берг и Мануфактуръ Коллегія*; но съ 1723 года завѣдываніе фабриками и ремеслами отошло въ вѣдѣніе особой мануфактуръ-коллегіи, такъ какъ стеченіе многоразличныхъ дѣлъ въ коллегіи соединенной не дозволяло ей обращать строгаго вниманія на различныя вѣтви ея управленія.

Частнѣйшія обязанности мануфактуръ-коллегіи, до изданія особаго регламента, опредѣлялись указами, издаваемыми по тѣмъ или другимъ частнымъ случаямъ. Такъ напр. безъ свидѣтельствъ, выдаваемыхъ отъ самой коллегіи или отъ опредѣленныхъ ею для того нарочно въ города лицъ, запрещено было принимать на фабрики мастеровыхъ [1]); съ ея разрѣшенія покупались къ фабрикамъ деревни [2]); сюда же поступали прошенія плѣнныхъ, знавшихъ русскій языкъ, Шведовъ объ опредѣленіи ихъ къ мануфактурнымъ дѣламъ [3]). Въ вѣдомствѣ коллегіи состояли заводы стекляные, фабрики полотняныя, овчарныя, кожевенныя [4]), стамедныя, суконныя, чулочныя, шляпныя [5]), бумажныя; сюда же переданы были клейменіе и продажа гербовой бумаги [6]).

Въ 1723 года (3 декабря) обнародованъ былъ *Регламентъ Мануфактуръ-Коллегіи* [7]). Этимъ „спеціальнымъ установленіемъ и опредѣленіемъ“ на мануфактуръ-коллегію возлагались слѣдующія обязанности:

1) Она должна была имѣть высшій надзоръ за всѣми находящимися въ Россіи мануфактурами и фабриками и за всѣми дѣлами до нихъ относящимися (ст. 1). Президентъ ея обязанъ былъ, сколько возможно чаще (и по крайней мѣрѣ раза два или три въ годъ), посѣщать ближайшія фабрики или посылать туда одного изъ членовъ для наблюденія

---

[1]) № 3142.
[2]) № 3711.
[3]) № 3778.
[4]) № 3320.
[5]) № 4227.
[6]) № 4074.
[7]) № 4378.

за ходомъ работъ и исправленія замѣченныхъ упущеній (ст. 4). Кромѣ того, надзору каждаго члена ввѣрялся особый отдѣлъ фабрикъ, о состояніи которыхъ, по востребованію коллегіи, онъ обязанъ былъ подавать ей рапортъ; сюда же на утвержденіе могъ онъ представлять и свои проекты объ улучшеніи той или другой отрасли производства По истеченіи полугода въ завѣдываніе его поступалъ другой отдѣлъ фабрикъ, чтобы онъ могъ такимъ образомъ вполнѣ ознакомиться со всѣми производствами и съ теоретической и съ практической ихъ стороны. При сдачѣ ввѣренныхъ ему доселѣ фабрикъ другому члену коллегіи, онъ снабжалъ его всѣми пріобрѣтенными имъ о нихъ свѣдѣніями (ст. 21). Заводчикамъ вмѣнялось въ обязанность подавать въ коллегію годовые отчеты о количествѣ и качествѣ ихъ издѣлій и представлять при семъ образцы ихъ (шляпъ по штукѣ, шелковыхъ матерій по полуаршину, полотенъ по аршину), для того чтобы коллегія могла судить улучшается ли или падаетъ извѣстная отрасль производства (ст. 19).

2) Она обязана была заботиться о томъ, „какимъ образомъ безубыточнѣе ввести и распространить въ Россіи курьезныя художества,“ а особенно такія, для которыхъ матеріалы находились въ Россіи (ст. 6). Съ этою цѣлью изъ имѣвшихся всегда здѣсь образцовъ вывозимыхъ изъ заграницы красокъ и другихъ фабричныхъ матеріаловъ она разсылала по нѣсколько въ разныя мѣста, побуждая отыскивать или выдѣлывать подобные же, а найденные уже свидѣтельствовала (ст. 20).

3) Заявившихъ желаніе завести фабрику коллегія обязана была руководить совѣтами (ст. 7 и 22), а фабрикантовъ поощрять денежнымъ вспоможеніемъ (ст. 9), безпошлинною на нѣсколько лѣтъ продажею ихъ издѣлій и покупкою необходимыхъ матеріаловъ (ст. 11) и привиллегіями, устраняя однакоже при этомъ монополіи, насколько это возможно (ст. 8).

4) На ней же лежала обязанность привлекать въ Россію иностранныхъ фабрикантовъ, предоставляя имъ нѣкоторыя

права и преимущества, а именно: 1) свободный пріѣздъ въ Россію и выѣздъ изъ нея по желанію съ имуществомъ (ст. 23 п. 1); 2) безпошлинная въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ продажа выдѣлапныхъ ими здѣсь вещей (п. 2); 3) право безпошлинно покупать въ Россіи и вывозить изъ за границы необходимые матеріалы и инструменты (п. 3); 4) на первое время готовое помѣщеніе (п. 4); 5) при первоначальномъ обзаведеніи денежное вспоможеніе отъ казны съ разсрочкою платежа на нѣсколько лѣтъ (п. 6) и 6) свобода отъ всякаго рода наборовъ, службъ и постоевъ и подчиненіе вѣдомству только мануфактуръ-коллегіи (п. 5).—Вызывая иностранныхъ мастеровъ, коллегія обязывала ихъ имѣть у себя нѣсколько учениковъ изъ Русскихъ (ст. 25) и обучать ихъ съ такимъ стараніемъ, чтобы сдѣланныя ими впослѣдствіи вещи „фабрикамъ нашимъ могли славу принести„ (ст. 10) и производила ученикамъ экзамены (ст. 24).

Наконецъ мануфактуръ-коллегіи присвоена была власть судебная. Ей поручено было вѣдать судомъ и расправою по всѣмъ дѣламъ (кромѣ государственныхъ и криминальныхъ) не только самихъ фабрикантовъ, но и дѣтей и братьевъ ихъ, живущихъ съ ними въ одномъ домѣ (ст. 13) и разбирать немедленно и притомъ словесно всѣ возникавшіе между мастерами и учениками „о самыхъ малыхъ дѣлахъ“ споры (ст. 26).

Этимъ то регламентомъ, а также и генеральнымъ и именными указами, и руководствовалась мануфактуръ-коллегія при отправленіи своей должности (ст. 1). Въ случаѣ вмѣшательства въ ея область другихъ коллегій, ей давалось право протестовать и даже требовать у сената указа (ст. 5).

Относительно дѣлопроизводства, въ регламентѣ узаконено было только то, чтобы засѣданіе открывалось черезъ четверть часа по собраніи большинства членовъ (ст. 2) и чтобы пакеты, поступавшіе въ коллегію, подписывались на имя ея, а не президента, а вскрываемы были самимъ президентомъ или, за его отсутствіемъ, старшимъ по немъ членомъ (ст. 3).

II.

Мысль объ учрежденіи особой коллегіи для управленія торговлею высказана была еще въ 1712 году въ именномъ указѣ отъ 16 января, котораго 22 статья содержитъ слѣдующее: „учинить Коллегіумъ для торговаго дѣла и отправленія, чтобъ оную въ лучшее состояніе привесть, къ чему надобно одинъ или два человѣка иноземцевъ (которыхъ надобно удовольствовать, дабы правду и ревность въ томъ показали) съ присягою, да дабы лучшій порядокъ устроить, ибо безъ прекословія есть, что ихъ торги несравненно есть лучше нашихъ“ [1]). Въ 1715 году (3 августа) графъ Апраксинъ подалъ Императору подъ Ревелемъ пункты „на какомъ основаніи учредить должно коммерцъ-коллегію“ [2]). Въ слѣдующемъ (1716) году 10 августа открыта была присутственная камера коммерцъ-коллегіи и началось въ ней отправленіе дѣлъ [3]).—Проэктъ устава ново-учрежденной коллегіи велѣно было (въ 1718 году 28 апрѣля) составить на основаніи Шведскаго и, за подписью президента и вице-президента, представить въ сенатъ [4]). Назначеніе ея, по силѣ именнаго, объявленнаго изъ сената отъ 12 декабря 1718 года, указа [5]), которымъ давалось во всеобщее извѣстіе знать объ ея учрежденіи, было: „смотрѣть надъ всѣми торгами и торговыми дѣйствіи“ (п. 7). Но подробнѣе и точнѣе обозначенъ былъ кругъ вѣдомства новаго учрежденія въ обнародованномъ 3 марта слѣдующаго (1719) года *Регламентъ Государственной Коммерцъ-Коллегіи, по которому оная при отправленіи своего дѣла поступать имѣетъ* [6]).

---

[1]) № 2467.

[2]) *Чулкова* Историческое описаніе Россійской Коммерціи I. IV. кн. VI стр. 461.

[3]) стр. 464.

[4]) П. С. З. №№ 3,197 и 3,207.

[5]) №. 3,255.

[6]) № 3,318.

„Дѣло и смотрѣніе“ коммерцъ-коллегіи по силѣ этаго регламента состояло „въ морскомъ хожденіи и купечествѣ.“ Отсюда вытекали частнѣйшія ея обязанности относительно: I) мореплаванія и II) торговли и притомъ внѣшней и внутренней.

I.) Коллегія должна была принимать мѣры къ оживленію судостроенія и морской торговли. Вѣдомству ея подчинены были лоцманы (ст. 7), корабельщики, штурмана, лоцмана и матросы (ст. 2); ей опредѣлено было смотрѣть за маяками (ст. 7) и строеніемъ купеческихъ кораблей (ст. 2); она обязана была въ военное время доносить государю „о конвояхъ для ходящихъ въ чужіе края купеческихъ кораблей и о ихъ инструкціи, въ чемъ оная до купечества надлежитъ, по которымъ тѣ конвои въ пути поступать имѣютъ“ (ст. 4) и всегда охранять „всѣ отъ Его Царскаго Величества къ произведенію мореплаванія данныя или впредь позволяемыя вольности, а именно: позволеніе складки товаровъ, также и провозъ безъ платежа найма нѣкотораго числа товаровъ морскимъ служителямъ“ (ст. 6).

II.) Коллегіи вмѣнялось въ обязанность „имѣть попеченіе о всемъ томъ, что къ способному учрежденію, произведенію и споспѣшеству и порядку купечества служити можетъ,“ (ст. 15) „все что купечество споспѣшествовать и въ доброе состояніе привести можетъ, не токмо въ довольномъ смотрѣніи имѣть, но и трудиться, чтобъ такое сокровище утрачено не было“ (ст. 23). Въ виду этой цѣли, ей предоставлено было право сочинять новые „добрые и полезные“ уставы, совершенствовать свой собственный, наблюдать за исполненіемъ прежнихъ, но, въ случаѣ нужды, исправлять ихъ и примѣнять къ существующимъ потребностямъ (ст. 16). Она назначала и вѣдала по торговымъ дѣламъ консуловъ (ст. 13) и собирала отъ нихъ или изъ вѣдомостей необходимыя купцамъ свѣдѣнія о повышеніи или пониженіи за границею цѣнности товаровъ, о пошлинахъ, взимаемыхъ въ иностранныхъ приморскихъ городахъ и о торговыхъ трактатахъ, заключаемыхъ между иностранными державами (ст. 27); составляла и возобновляла торговые трактаты (ст. 14);

раздѣляла купцовъ на гильдіи (ст. 19); устраняла монополіи (ст. 23 п. 6); наблюдала за правильностью вѣсовъ (п. 12), удобствами путей сообщенія и устройствомъ шлюзъ (ст. 22) пересматривала и исправляла данныя нѣкоторымъ городамъ привилегіи (ст. 17); доставляла бѣднымъ средства къ пропитанію „показывая имъ путь къ купечеству или рукодѣлію, смотря по каждаго лѣтамъ, мочи, натурѣ и удобности“ (ст. 20). Коллегіи принадлежалъ также высшій надзоръ по дѣламъ, относящимся до таможеннаго управленія. Такъ она завѣдывала таможенными яхтами (ст. 11), строеніемъ и содержаніемъ самыхъ таможень и принадлежащихъ къ нимъ анбаровъ (ст. 10), представляла сенату кандидатовъ на вакансіи таможенныхъ чиновниковъ (ст. 13), притомъ такихъ которые были бы „учтивы, искусны, добраго состоянія“ и знали бы нѣмецкій или голландскій языкъ (ст. 23 п. 2) и наблюдала, чтобы никто изъ нихъ „не дерзалъ въ покупкѣ у пріѣзжаго корабельщика предъ другими преимущества требовать или ему указывать, кому онъ прежде свои товары продать имѣетъ, или его къ какой цѣнѣ товаромъ принуждать или весьма корабельщика и его людей бранными словами и побоями на его кораблѣ касатися“ (п. 3). Коллегіи присвоена была и власть судебная. Она обязана была прекращать и разрѣшать споры между городами о ихъ торгахъ, „въ которыхъ уѣздахъ которымъ оные имѣть, о торговыхъ и ярмарочныхъ правахъ, и въ которыхъ мѣстахъ и въ какое положенное время оные отправлять“ (ст. 18). Разбирательству ея подлежали и поступки противъ должности таможенныхъ чиновъ (ст. 9), и тяжебные процессы купцовъ русскихъ (ст. 24) и иностранныхъ (подвѣдомыхъ дотолѣ Посольской канцеляріи—ст. 25), и дѣла о товарахъ, спасенныхъ съ потерпѣвшихъ крушеніе кораблей (ст. 8), и тотъ напр. случай „если купцы товары не вѣрно въ таможнѣ явятъ, или корабли въ заповѣдныя пристани ходить и свои товары выгружать будутъ“ (ст. 8).

Въ 1724 году (31 января) коммерцъ-коллегіи данъ былъ новый регламентъ [1]), предоставлявшій ей предметы вѣдом-

[1]) № 4453.

ства, во многомъ отличные отъ предоставленныхъ регламентомъ 1719 года. Дарованіе новаго регламента вынуждено было происшедшими въ этотъ періодъ времени перемѣнами въ государственномъ управленіи: окончательнымъ образованіемъ адмиралтейской коллегіи и учрежденіемъ магистратовъ и главнаго магистрата. Къ предметамъ вѣдомства магистратовъ отнесены были между прочимъ: заботливость о развитіи промышленности, испрашиваніе привилегій, представленіе главному магистрату объ учрежденіи ярмарокъ и охраненіе правъ какъ пріѣзжихъ купцовъ, такъ и торгующихъ гражданъ [1]). На главный магистратъ возложены были между другими обязанностями—обязанность размножить купечество и мануфактуры, ярмарки и торги въ мѣстахъ пристойныхъ, а особенно въ такихъ, къ которымъ „водяной ходъ есть свободный;“ заводить биржи; выбирать маклеровъ; наблюдать, чтобы поборы съ городскихъ жителей не были для нихъ обременительны, дурно между ними распредѣлены и вредны для промышленности [2]). Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ изъятіемъ изъ вѣдѣнія общихъ государственныхъ властей городскаго сословія и подчиненіемъ его главному магистрату и образованному по однимъ съ нимъ началамъ ближайшему мѣстному управленію — магистратамъ, *промышленность городская и торговля внутренняя* отошли въ вѣдѣніе новыхъ учрежденій. Очевидно, что съ тѣмъ вмѣстѣ долженъ былъ съузиться кругъ вѣдомства коммерцъ-коллегіи; составляя до 1724 года центральное учрежденіе для управленія торговлею и внутреннею и внѣшнею, съ этой поры она стала завѣдывать только *внѣшнею торговлею*. Такимъ образомъ всѣ постановленія регламента 1719 года относительно внѣшней торговли (исключая обязательства составлять торговые договоры) [3]) остались въ полной силѣ и въ новомъ регламентѣ [4]); присоединилось

---

[1]) №. 4624 ст. 31. 35 и 37.
[2]) №. 3708. главы II, XII, XIII, XVII, XVIII и XIX.
[3]) ст. 14.
[4]) ст. 8. 9. 17. 19 и 32.

и одно новое постановленіе: коммерцъ-коллегія обязана была смотрѣть, чтобы русскіе товары продавались въ послѣднія руки и съ „наивящею прибылью," а иностранные покупались дешевле, изъ первыхъ рукъ. [1]). Точнѣе опредѣлены были правила относительно возвышенія и пониженія таможенныхъ пошлинъ на иностранные товары [2]), и о томъ, къ какимъ портамъ возить какіе товары [3]). Вообще съ 1724 года предметы вѣдомства коммерцъ-коллегіи составляли: привозъ изъ за границы къ портамъ или въ пограничные города и отпускъ изъ Россіи товаровъ; сборъ таможенныхъ сухопутныхъ и морскихъ съ привозныхъ и отпускныхъ товаровъ пошлинъ и управленіе таможенными чинами [4]).

Составляли коммерцъ-коллегію: президентъ, вице-президентъ (оба русскіе; впрочемъ вице-президентомъ могъ быть и иностранецъ), 4 совѣтника (изъ которыхъ одинъ могъ быть и иностранецъ), 4 ассессора (изъ которыхъ одинъ могъ быть и иностранецъ), секретарь (которымъ могъ быть и иностранецъ) прокуроръ, нотарій, актуарій, регистраторъ, фискалы, переводчикъ и подъячіе трехъ статей [5]). Что касается до самой организаціи управленія, то входившіе въ составъ его иностранцы естественно дѣйствовали въ духѣ новаго порядка вещей, вполнѣ сочувствовали предполагаемымъ реформамъ правительства и были лучшими исполнителями его предначертаній, а русскіе въ свою очередь устраняли чрезмѣрность преобладанія чуждаго элемента. Къ сожалѣнію, это правило о равномѣрномъ составѣ коллегіи изъ русскихъ и иностранцевъ наблюдалось не очень строго; между именами совѣтниковъ коммерцъ-коллегіи, перечисляемыхъ у Чулкова, мы не встрѣчаемъ ни одного русскаго имени.

Что касается до степени власти коммерцъ-коллегіи, то (наравнѣ съ остальными коллегіями), получая указы только

---

[1]) ст. 22.
[2]) ст. 32.
[3]) ст. 31.
[4]) ст. 7 и 8.
[5]) №№. 3129. 3534. гл. XLV. 3877. ст. 4.

отъ государя и сената, она доносила имъ обо всемъ, что усматривала полезнымъ для государства съ подлинными обстоятельствами на письмѣ и съ приложеніемъ своего мнѣнія. Если же въ распоряженіяхъ сената она усматривала что-либо противное Его Величества указамъ и высокому интересу, въ такомъ случаѣ, исполняя, обязана была сдѣлать сенату письменное предложеніе, и въ случаѣ несогласія сената, должна была исполнить его предписанія, но донести о томъ государю, подъ опасеніемъ отвѣтственности. На разсмотрѣніе сената восходило дѣло въ томъ случаѣ, если коллегія не могла рѣшить его собственною властью. По дѣламъ важнымъ и труднымъ, коллегія составляла съ другими коллегіями общія засѣданія. И вообще всегда она обязана была вести дѣятельныя сношенія съ ними, а особенно съ камеръ-коллегіею, адмиралтействъ-коллегіею, бергъ-коллегіею и мануфактуръ-коллегіею.—Мѣстное управленіе зависѣло отъ коммерцъ-коллегіи только по дѣламъ ея вѣдомства [1]). Президентъ обязанъ былъ жить тамъ, гдѣ находилась самая коллегія (въ Петербургѣ или въ Москвѣ) и наблюдать за выполненіемъ въ подчиненныхъ ему конторахъ и таможняхъ предписаній регламента. За его отсутствіемъ должность его исправлялъ товарищъ его вице-президентъ. Ежедневно до и послѣ обѣда одинъ изъ членовъ коллегіи находился въ присутствіи для разсматриванія, подписыванія и разсылки дѣлъ, для немедленнаго сообщенія президенту о присылаемыхъ вѣдомостяхъ, а всей коллегіи объ особенно важныхъ и требующихъ скораго рѣшенія дѣлахъ. Когда бывали общія собранія—засѣданіе открывалось не позже, какъ черезъ четверть часа по прибытіи большинства членовъ. Пакеты надписывались на имя коллегіи, а не президента или членовъ; а распечатывалъ ихъ или самъ президентъ, или за его отсутствіемъ старшій по немъ членъ [2]).

На содержаніе коммерцъ-коллегіи опредѣлено было отпускать ежегодно 1892 рубля [3]).

---

[1]) №№. 3255. 3318. ст. 26. 3534. гл. II. и XIV.
[2]) №. 4453. ст. 2. 3. 4. 5 и 6.
[3]) Книга штатовъ (П. С. З. Т. 43) №. 4659.

Въ зависимости отъ коммерцъ-коллегіи состояла находившаяся въ Москвѣ ея *контора*, подчиненная также и сенатской конторѣ. Она рѣшала дѣла ввѣренныя ей, на основаніи именныхъ указовъ, генеральнаго регламента и особой инструкціи, но не имѣла права сама собою предпринимать какія-нибудь мѣры, дѣйствовать распорядительно и дѣла, превышающія ея власть, представляла на разрѣшеніе коллегіи. Состоявшій во главѣ ея, совѣтникъ коллегіи присылалъ въ коллегію еженедѣльно (а въ случаѣ нужды—и въ почтовые дни) „вѣдѣнія о томъ, что въ его вѣдѣніи будетъ чиниться"; а ежемѣсячно — копіи съ протоколовъ конторы; о дѣлахъ особенно важныхъ сообщенія посылались съ нарочнымъ курьеромъ. Какъ самъ совѣтникъ обязанъ былъ порученныя ему коллегіею дѣла отправлять по указамъ, съ возможною тщательностію, — такъ на немъ же лежала отвѣтственность за исправность по службѣ и подчиненныхъ ему канцелярскихъ служителей. По силѣ данной ему особой инструкціи, совѣтнику вмѣнялось въ обязанность наблюдать, чтобы таможенные служители или фискалы, „какими непотребными случаями или за взятьемъ съ найма подводъ десятой деньги и привальнаго и отвальнаго и прочаго" не задерживали купцовъ, желающихъ ѣхать съ товарами въ Петербургъ и еженедѣльно присылать въ коллегію отобранныя отъ московской таможни вѣдомости о вывезенныхъ въ Петербургъ товарахъ и заключенныхъ между русскими и иностранными купцами о поставкѣ въ Петербургъ товаровъ контрактахъ, а также вѣдомости, отобранныя отъ маклеровъ и иноземцевъ о цѣнѣ московскаго вексельнаго курса и отобранныя отъ маклеровъ же и бурмистровъ изъ таможни о цѣнѣ *главныхъ русскихъ товаровъ*: пеньки, льна, юфти, сала и воску и нѣкоторыхъ иностранныхъ (напр. суконъ, мѣди, олова и красокъ). [1])

Кромѣ московской конторы подъ вѣдомствомъ коммерцъ-коллегіи состояли: инспекторы таможень губерній Сибирской

[1]) №№. 3887 и 3976.

и Астраханской и находящихся на границахъ польскихъ и турецкихъ. Они доставляли коллегіи точныя свѣдѣнія о числѣ, состояніи и мѣстоположеніи пограничныхъ таможень, о купеческихъ корабляхъ, о путяхъ сообщенія, о томъ, какіе поступаютъ въ таможни товары изъ привозныхъ, и какіе изъ отпускныхъ; какая, и притомъ какою монетою, взимается при этомъ пошлина; какіе въ ихъ округахъ товары, и съ какого времени запрещено вывозить изъ государства и съ какими народами ведется въ тѣхъ мѣстахъ торгъ. [1]) Сообщая коллегіи такія подробныя свѣдѣнія о состояніи торговли во ввѣренныхъ имъ округахъ, таможенные инспекторы тѣмъ самымъ доставляли ей данныя, для разнаго рода мѣропріятій, напр. учрежденія компаній, наложенія запрещеній на привозъ и отпускъ товаровъ и т. п.

Вѣдомству коммерцъ-коллегіи подчиненъ былъ и членъ ея, находившійся при ревизующемъ губерніи сенаторѣ. Ему предоставлена была исполнительная власть, на основаніи именныхъ указовъ, но въ сомнительныхъ случаяхъ онъ доносилъ сенатору и исполнялъ его приказанія. Ведя подробный журналъ своему путешествію, онъ ежемѣсячно присылалъ въ коллегію копіи съ него, за собственноручною подписью, и кромѣ того рапортовалъ ей обо всемъ, что́ можетъ споспѣшествовать купечеству и что́ было возобновлено ревизующимъ сенаторомъ. Ему же поручены были надзоръ за соблюденіемъ губернаторами, воеводами и комендантами указовъ коммерцъ-коллегіи, копіи съ которыхъ выданы были ему изъ коллегіи, а таможенными чиновниками ея инструкцій, за исправностью ихъ по службѣ и разбирательство подаваемыхъ на нихъ жалобъ [2]).

III.

Горнымъ производствомъ во времена Петра завѣдывала *Берг-Коллегія.* Необходимость установленія такой формы управленія горнозаводствомъ заявлена была еще въ 1712 году.

---

[1]) №№ 4116 и 4117.
[2]) № 4404.

Въ этомъ году Бліэръ подалъ лично царю меморіалъ, [1]) въ которомъ признавалъ „весьма нужнымъ“ учредить бергъ-коллегію, вѣдомству которой были бы поручены „всѣ до сего времени обысканныя мѣста, такъ равно кои и впредь открыться могутъ, въ какихъ бы оныя губерніяхъ ни были,“ (п. 1 и 3) и куда предполагалось собрать всѣхъ русскихъ, „въ рудныхъ дѣлахъ упражнявшихся и отчасти уже искусившихся, для употребленія каждаго изъ нихъ смотря по способности къ настоящему дѣлу“ (п. 5). Составъ новаго правительства, по проэкту Бліэра должны были образовать: *бергъ-директоръ*, которому бы поручены были всѣ горныя дѣла (п. 1), *оберъ-бергъ-инспекторъ* (изъ русскихъ), *бергъ-фохтъ*; всѣ трое обязаны были заботиться о томъ, чтобы „доставить Его Величеству прибытокъ“ (п. 2). Проектировалось, чтобы губернаторы отсылали безъ замедленія въ бергъ-коллегію лицъ, нашедшихъ въ ихъ губерніяхъ „отмѣнные противу простой земли камни“ и самые минералы, а бергъ-инспекторъ въ устроенной при коллегіи лабораторіи свидѣтельствовалъ вмѣстѣ съ своими сочленами присланные минералы „тщательно стараясь обращать ихъ въ пользу“ (п. 4 и 7); чтобы изъ за границы было выписано какъ можно болѣе людей, знакомыхъ съ горнымъ дѣломъ и необходимыхъ инструментовъ (п. 6); чтобы для разработки рудъ дозволено было свободно за опредѣленую плату нанимать работниковъ (п. 9). Бліэръ полагалъ также, по примѣру другихъ государствъ, брать съ заведенныхъ уже горныхъ заводовъ на содержаніе горнаго производства десятину и поручить этотъ доходъ въ распоряженіе оберъ-бергъ-инспектора (п. 8); отдать въ бергъ-коллегію на обзаведеніе новаго дѣла прибыль, оказавшуюся за вычетомъ издержекъ, съ передѣланной въ деньги мѣди (п. 10) и признавалъ необходимымъ для успѣха вновь заводимаго дѣла ассигнованіе на первый разъ пособія отъ казны (п. 11).

---

[1]) Онъ приведенъ вполна въ сочиненіи *Германа:* Историческое начертаніе горнаго производства въ Россіи. Екатеринбургъ. 1810, стр. 11 и 12.

Представленіе Бліэра не имѣло успѣха. Управленіе горными заводами нѣсколько лѣтъ послѣ того по прежнему состояло въ вѣдѣніи *Руднаго Приказа*, учрежденнаго въ 1700 году и, по закрытіи въ 1711 году, возстановленнаго въ 1715 году. О *берг-коллегіи* впервые упоминается подъ 1718 годомъ (въ указѣ отъ 12 декабря.) [1]) Причины, вызвавшія новое учрежденіе, изложены въ именномъ указѣ отъ 10 декабря 1719 года. [2])—«Понеже мы всемилостивѣйше усмотрѣли, — говорится здѣсь, — что отъ рудокопныхъ заводовъ и прилежнаго устроенія оныхъ, земля обогатѣетъ и процвѣтетъ; также пустыя и безплодныя мѣста многолюдствомъ населятся, якоже и искуство въ различныхъ земляхъ довольно показуетъ. Наше же Россійское Государство предъ многими иными землями преизобилуетъ и потребными металлами и минералами благословенно есть, которыя до нынѣшняго времени безъ всякого прилежанія исканы; паче же не такъ употреблены были, какъ принадлежитъ, тако что многая польза и прибытокъ, которой бы Намъ и подданнымъ Нашимъ изъ онаго произойти могъ, пренебреженъ. Мы признаваемъ, что сему пренебреженію главнѣйшая причина была частію, что Наши подданные рудокопнымъ дѣламъ, и какъ со оною въ пользу Государственную и всенародную произвести не разумѣли, частію же иждивенія и трудовъ къ оному приложити отважиться не хотѣли, опасаяся дабы нѣкогда тѣ заведенные рудокопные заводы, егда съ нихъ добрая прибыль будетъ, отъ нихъ заводчиковъ отняты бъ не были. И дабы нынѣ сіи и иныя причины пресѣщися могли того ради Мы, въ пользу Государства и всѣмъ Нашимъ вѣрнымъ подданнымъ, особливой Бергъ Коллегіумъ всемилостиво учредить изволили, и по Насъ оному власть и мощь дали единымъ судіею быти надъ всѣми къ тому принадлежащими дѣлами и особами, чтобъ никакимъ образомъ Губернаторы, Воеводы, ниже прочіе поставленные начальники въ рудокопныя дѣла вступали и мѣшалися, развѣ оной Бергъ

[1]) № 3255.
[2]) № 3464.

Коллегіумъ или отъ онаго опредѣленные къ тому служители какія помощи отъ нихъ требовать будутъ. Сей Бергъ-Коллегіумъ будетъ впредь объявлять указами и учрежденіями, коимъ образомъ тѣ рудокопныя дѣла наилучше и совершенно произведены быть могутъ.»

До 1722 года бергъ-коллегія была соединена съ мануфактуръ-коллегіею по сходству ея дѣлъ и обязанностей съ дѣлами и обязанностями послѣдней. Но по мѣрѣ умноженія горныхъ заводовъ, усилившагося со времени изданія бергъ-привиллегіи, а слѣдовательно и дѣлъ по управленію ими, оказалось неудобнымъ совмѣстное управленіе горными заводами и мануфактурами; вотъ почему съ 1722 года бергъ-коллегія получила значеніе самостоятельное.

Бергъ-коллегія обязана была стараться о распространеніи горныхъ заводовъ казенныхъ и частныхъ; пробовать вновь открытыя руды; разрѣшать построеніе горныхъ заводовъ частнымъ лицамъ; помогать имъ при этомъ совѣтами и давать взаймы денегъ; покупать у нихъ золото, серебро, мѣдь, селитру и назначать всему тому цѣну; разрѣшать отпускъ за границу лишней селитры; увольнять новоучреждаемые заводы на нѣсколько лѣтъ отъ платежа требуемой изъ прибыли заводовъ на содержаніе коллегіи десятины въ томъ случаѣ, если рудоискатели вмѣсто ожидаемой прибыли потерпѣли убытокъ; отбирая заводы у лицъ несостоятельныхъ, отдавать ихъ въ содержаніе болѣе исправнымъ; снабжать заводы деньгами, людьми и всѣмъ необходимымъ; вести описи всему заводскому имуществу; принимать и предписывать къ исполненію наряды и требованія металловъ для адмиралтействъ-коллегіи; принимать и рѣшать просьбы, относящіяся до горнаго производства и апелляціи по тѣмъ же дѣламъ на рѣшенія подвѣдомственныхъ ей горныхъ начальствъ. [1]) О размноженіи горныхъ заводовъ и взятой съ нихъ десятинѣ ежемѣсячно рапортовала она сенату камеръ-коллегіи, и штатсъ-конторъ-коллегіи [2]).

---

[1]) № 3464.
[2]) № 3804.

Первоначальный штатъ бергъ-коллегіи составляли: президентъ (генералъ-фельдцейхмейстеръ Графъ Яковъ Вилимовичъ Брюсъ), вице-президентъ (Баронъ де Луберасъ) и 6 членовъ (Михаелисъ, Зыбинъ, Шлаттеръ, Райзеръ, Ліонъ де Легенъ и Тепритцкій.) [1]).

Въ 1722 году въ Москвѣ основана была *бергъ-контора*, состоявшая въ полной и тѣсной зависимости отъ бергъ-коллегіи и впослѣдствіи всегда раздѣлявшая ея судьбу,

Подъ высшимъ надзоромъ бергъ-коллегіи состояли учрежденныя, по силѣ бергъ-привилегіи, мѣстныя *горныя начальства*, особенно много споспѣшествовавшія распространенію горнаго производства, какъ начальства ближайшія, облеченныя надлежащимъ полномочіемъ, независимыя отъ властей губернскихъ и заслужившія общую довѣренность. Учрежденное въ 1723 году для управленія Сибирскими заводами Тобольское горное начальство перенесено, по причинѣ отдаленности Тобольска отъ самыхъ заводовъ, во вновь учрежденный городъ Екатеринбургъ и переименовано въ *Оберъ-Бергъ-Амтъ*. [2]) Ему подчиненъ былъ учрежденный въ 1725 году *Нерчинскій Бергъ-Амтъ*.

ПЕРІОДЪ ВТОРОЙ.

(1727—1741.)

Въ самые первые годы царствованія *Екатерины I* не произошло никакихъ существенныхъ перемѣнъ въ управленіи промышленностью противъ предшествовавшаго царствованія. По прежнему каждая изъ главнѣйшихъ отраслей промышленности ввѣрена была управленію особой коллегіи, вѣдавшей

---

[1]) Германъ, стр. 24.
[2]) № 5163.

ее исключительно. Перемѣна прежняго образа управленія вызвана была опытнымъ убѣжденіемъ въ несостоятельности коллегіальной формы. 24 Февраля 1727 года изъ верховнаго тайнаго совѣта объявленъ былъ сенату слѣдующій именной указъ: «понеже мануфактуръ-коллегія безъ сенату и Нашего кабинета ни какой важной резолюціи учинить не можетъ, того ради и жалованье напрасно получаетъ; и для того той коллегіи дѣла отдать и всѣмъ фабрикамъ вѣдомымъ быть въ коммерцъ-коллегіи, а для неважныхъ дѣлъ вмѣсто оной мануфактуръ-коллегіи опредѣлить изъ самихъ фабрикантовъ безъ жалованья, которымъ хотя на одинъ мѣсяцъ зимою для совѣту въ Москву съѣзжаться и безъ приговоровъ и протоколовъ коллежскихъ, всѣ неважныя опредѣленія чинить, а когда о какихъ важныхъ дѣлахъ указа требовать надлежитъ, о томъ имъ доносить въ коммерцъ-коллегію и для того быть у тѣхъ фабрикантовъ протекторомъ сенатору Новосильцову, къ которому бъ тѣ фабриканты могли адресоваться, а впрочемъ что до мануфактуръ надлежитъ, то разсмотрѣть учрежденной коллегіи о коммерціи.» [1]) Не позже, какъ черезъ мѣсяцъ «усмотрѣно и разсуждено, что тѣмъ дѣламъ при коммерцъ-коллегіи быть не прилично,»—и указомъ отъ 28 Марта [2]) опредѣлено: «быть тѣмъ дѣламъ, по силѣ прежняго указа отъ 8 января того же года, при сенатѣ, въ вѣдомствѣ сенатора Новосильцова, а при мануфактуръ-конторѣ оставить секретаря, канцеляриста и двухъ копіистовъ, чтобъ фабрики не пришли въ слабое состояніе своимъ дѣйствомъ.»

Въ царствованіе *Петра II* бергъ-коллегія переведена была въ Москву, въ Петербургѣ оставлена ея контора, и при ней бергмейстеръ. [3]) — Оберъ-бергмейстеръ Бліэръ опредѣленъ былъ въ бергъ-коллегію асессоромъ для перевода съ иностранныхъ языковъ на русскій книгъ, излагавшихъ теорію горнаго дѣла. [4]).

---

[1]) № 5017.
[2]) № 5052.
[3]) № 5281.
[4]) Германъ, стр. 115.

Въ царствованіе *Анны Іоанновны* высшій надзоръ за мануфактурами, торговлею и горными заводами порученъ былъ 5 департаменту сената; [1]) надзоръ ближайшій по прежнему, по крайней мѣрѣ въ началѣ ея царствованія, принадлежалъ бергъ и коммерцъ-коллегіямъ и мануфактуръ - конторѣ. Уничтожена была только, въ видахъ сокращенія казенныхъ расходовъ, находившаяся въ Петербургѣ бергъ-контора, служители и дѣла ея переведены въ Москву, а для пріема и продажи привознаго въ Петербургъ желѣза и мѣди опредѣленъ былъ сюда особый коммисаръ, которому и дана была отъ коллегіи инструкція. [2]).

Въ 1731 году уничтожены были бергъ-коллегія и мануфактуръ-контора и всѣ дѣла ихъ отошли въ вѣдѣніе коммерцъ-коллегіи. Сосредоточеніемъ разныхъ отраслей промышленности въ одной коллегіи правительство имѣло въ виду сократить какъ расходы на содержаніе коллегій, такъ и излишнюю переписку, «понеже, — говорилось въ указѣ отъ 8 октября,—сдѣланное на горныхъ заводахъ желѣзо, а на мануфактурныхъ парусныя и прочія полотна за море отпускать не надлежитъ чрезъ коммерцъ-коллегію которая по указамъ нашимъ и уставамъ должность имѣетъ смотрѣть, можетъ ли что на россійскихъ фабрикахъ и горныхъ заводахъ со удовольствіемъ на все Государство сдѣлано быть, или нѣкоторую часть, по чему бъ пошлину прибавлять и умалять, и тако одно дѣло въ разныхъ рукахъ обрѣтается.“ [3]) Сообразно увеличенію дѣлъ коммерцъ-коллегіи, измѣненъ былъ и составъ ея: она раздѣлена была на три *экспедиціи*, изъ которыхъ *первая* завѣдывала дѣлами торговыми, *вторая*—дѣлами горными, а *третья* — фабриками. Такимъ образомъ, вѣдѣнію коммерцъ-коллегіи подлежали теперь всѣ дѣла, вѣдавшіяся доселѣ въ бергъ-коллегіи и мануфактуръ-конторѣ. Ей подчинены были сибирскіе мѣдные и желѣзные заводы Демидова, [4])

---

[1]) № 5570.
[2]) № 5583.
[3]) № 5860.
[4]) № 6939.

прикащики и крестьяне заводчика Барона Строганова по горнымъ дѣламъ, [1]) она разбирала тяжбы между купцами русскими и иностранными, [2]) вѣдала судомъ и расправою мануфактуристовъ и горныхъ заводчиковъ; [3]) сюда же отсылались деньги, сборныя съ гербовой бумаги. [4]) Одинъ изъ членовъ ея состоялъ при горныхъ Сибирскихъ заводахъ для наблюденія за порядкомъ и изученія горнаго производства, [5]) а для надзора за фабриками посылались ею оберъ-коммисаръ и три коммисара, снабженные особою инструкціею и получавшіе жалованье изъ нарочнаго на этотъ предметъ сбора съ фабрикантовъ. [6]).

Для ближайшаго надзора за горными заводами въ 1734 г. отправленъ былъ въ Сибирскую и Казанскую губерніи дѣйствительный статскій совѣтникъ Татищевъ. При отправленіи, онъ получилъ инструкцію, по силѣ которой составилъ Горный уставъ и заготовилъ для его обнародованія манифестъ. [7]) Мы упоминаемъ объ этомъ обстоятельствѣ не потому, чтобы оно имѣло какое нибудь вліяніе на дальнѣйшій ходъ событій, такъ какъ манифестъ не былъ подписанъ Императрицею и уставъ остался необнародованнымъ, а потому, что въ манифестѣ указаны причины безуспѣшности прежняго управленія горными заводами, зависимаго отъ бергъ-коллегіи. Здѣсь говорилось, что горное начальство и опредѣляемыя къ его управленію лица, не имѣя полной власти, принуждены были во многомъ спрашиваться бергъ-коллегіи, а она, сносясь по этимъ дѣламъ съ сенатомъ и другими коллегіями, упускала чрезъ то время или же, по незнанію мѣстныхъ обстоятельствъ, за отдаленностію, давала рѣшенія безполезныя. Для устраненія вышеозначенныхъ неудобствъ Татищевъ по-

---

[1]) № 6938.
[2]) 5987.
[3]) 5875.
[4]) № 6787.
[5]) № 6107.
[6]) № 6546.
[7]) См. у Германа стр. 153.

лагалъ, чтобы главнымъ управителемъ всѣхъ заводовъ Уральскаго хребта опредѣлялось лице, избранное самимъ Государемъ. Но проэктъ Татищева не былъ осуществленъ, и вся дѣятельность его ограничилась открытіемъ въ Екатеринбургѣ вмѣсто Оберъ Бергъ Амта *Канцеляріи Главнаго Заводовъ Правленія* и переименованіемъ нерчинскаго бергъ-амта въ *Нерчинское горное начальство*.

Въ 1736 году (4 сентября) горное дѣло изъято было отъ вѣдѣнія коммерцъ-коллегіи и предоставлено вновь учрежденному особому департаменту подъ названіемъ *Генералъ-Бергъ-Директоріума*. [1]) Чѣмъ руководилось при этомъ правительство—съ точностію неизвѣстно. Татищевъ въ своемъ лексиконѣ объясняетъ эту перемѣну желаніемъ Бирона завладѣть доходомъ, какой получала казна отъ горныхъ заводовъ. [2]) Какъ бы то ни было, но въ сущности это была та же коллегія, съ тѣмъ же устройствомъ, съ тѣми же правами: измѣнилось одно только названіе. Президентомъ новаго учрежденія назначенъ былъ бывшій саксонскій оберъ-бергъ-гауптманъ баронъ Шембергъ. Ему подчинены были всѣ горные заводы, даже и тѣ, которыми доселѣ управлялъ почти самостоятельно Татищевъ, [3]) при чемъ губернаторы, воеводы и управители обязаны были съ своей стороны оказывать ему всякаго рода содѣйствіе. Безъ его вѣдома, члены генералъ-бергъ-директоріума не могли быть наряжаемы къ постороннимъ дѣламъ. [4]) Обязанности бергъ-директоріума были тѣже обязанности прежней бергъ-коллегіи; ему предоставлены были и ея права, и кромѣ того дано еще право производить горныхъ чиновниковъ въ оберъ-офицерскіе чины и выдавать имъ на эти чины патенты. [5]) Съ коллегіями, канцеляріями, и конторами генералъ-бергъ-директоріумъ и под-

---

[1]) №. 7047.
[2]) *Берха*. Біографія Татищева, помѣщенная въ Горномъ Журналѣ з 1828 годъ..
[3]) №. 7062.
[4]) № 7131.
[5]) № 7573.

чиненныя ему конторы, какъ состоящіе подъ вѣдѣніемъ кабинета, сносились промеморіями. [1]) Жалованье члены его получали изъ опредѣленныхъ по штату 1725 года доходовъ на бергъ-коллегію. [2]) Въ Москвѣ находилась контора генералъ-бергъ-директоріума. Посланному сюда асессору Селиверстову дана была особая инструкція и указомъ отъ 21 сентября 1736 года, предписано было принять отъ коммерцъ-конторы по описи всѣ дѣла бергъ коллегіи и ея конторы, наличные заводскіе припасы и желѣзо и вырученныя за продажу казеннаго желѣза и мѣди деньги. [3])

ПЕРІОДЪ ТРЕТІЙ.

(1741—1775).

Въ царствованіе Елизаветы Петровны и Петра III управленіе мануфактурами, торговлею и горнозаводствомъ по прежнему поступило въ завѣдываніе особыхъ коллегій.

Изданнымъ 12 декабря 1714 года, именнымъ указомъ [4]) повелѣно: „правленіе внутреннихъ всякаго званія государственныхъ дѣлъ имѣть на основаніи, учиненномъ указами Петра Великаго, и по нихъ во всѣхъ мѣстахъ поступать.“ Руководствуясь этимъ указомъ, въ слѣдующемъ же (1742) году сенатъ вошелъ къ императрицѣ съ представленіемъ, не соизволитъ ли она „вмѣсто генералъ-бергъ-директоріума быть по прежнему бергъ, такожъ и мануфактуръ коллегіямъ каждой особо, во всемъ на такомъ основаніи, какъ отъ родителя ея, государя императора Петра Великаго были учреждены.“ При этомъ сенатъ указывалъ на то, что одноличное и почти самовластное управленіе горными заводами Шем-

---

[1]) 7759.
[2]) 7935.
[3]) Германъ, стр. 175.
[4]) №. 8480.

бергомъ привело только къ тому, что на немъ числится множество недоимокъ за взятое имъ казенное желѣзо и находилъ крайне необходимымъ надзоръ за фабриками особой коллегіи, такъ такъ „коммерцъ-коллегіи за положенными на нее, что къ собственному ея правленію принадлежитъ, дѣлами того совершенно усмотрѣть и поправленія учинить не можно.“ [1]) 7-го Апрѣля императрица утвердила представленіе сената,—и такимъ образомъ преобразовала генералъ-бергъ-директоріумъ въ *бергъ-коллегію* и возстановила уничтоженную Екатериною I, *мануфактуръ-коллегію*.

Бергъ-коллегія по прежнему завѣдывала горнымъ производствомъ. Для ближайшаго надзора за горными заводами, члены ея командировались на самые заводы; соотвѣтствующіе чинамъ ихъ прогоны выдавались изъ коллегіи и впослѣдствіи взыскивались съ заводчиковъ. [2]) Для предупрежденія вмѣшательства въ дѣла бергъ-коллегіи мануфактуръ-коллегіи, постановлено было, между прочимъ, что фабриканты, выдѣлывавшіе посуду и всякія вещи или изъ своей мѣди или при самыхъ рудокопныхъ заводахъ подлежатъ вѣдѣнію бергъ-коллегіи, а выдѣлывавшіе вещи изъ мѣди покупной или не при самыхъ заводахъ подлежатъ вѣдѣнію мануфактуръ-коллегіи. [3])

Съ 1754 года, правительство стало отдавать казенные горные заводы частнымъ лицамъ. При этомъ оно предполагало, что освободясь отъ затруднявшей управленіе канцелярской обрядности, получивъ полную власть и будучи лично заинтересованы въ улучшеніи производства, заводчики приведутъ заводы въ лучшее состояніе и что, хотя казна чрезъ то и потеряетъ нѣкоторую часть своихъ доходовъ, за то государство вообще выиграетъ Къ сожалѣнію, предположеніе это оказалось рановременнымъ. Такъ какъ заводы управлялись по бо́льшей части не самыми владѣльцами, а ихъ прикащиками, не имѣвшими часто ни необходимыхъ теоре-

---

[1]) № 8543.
[2]) 10655.
[3]) № 10152.

тическихъ свѣдѣній, ни практической опытности, ни полной довѣренности отъ своихъ господъ, то они пришли въ совершенный упадокъ. Опека правительства оказалась крайне необходимою,—и вотъ, въ 1764 году отошли отъ Шувалова заводы гороблагодатскіе, за ними отходили въ казну мало по малу и остальные заводы,—и всѣ съ большими недоимками.

Заводы колыванскіе управлялись съ 1747 года *Канцеляріею колывановоскресенскаго горнаго начальства*, въ которой соединены были части правительственная, исполнительная по предложеніямъ главнаго командира, счетная и судная, а нерчинскіе—*Канцеляріею нерчинскаго горнаго начальства* подъ ближайшимъ надзоромъ Иркутскаго вице-губернатора, [1]) высшій же надзоръ за этими послѣдними заводами имѣла особая, находившаяся въ Петербургѣ и состоявшая подъ завѣдываніемъ статскаго совѣтника Шлаттера, *Экспедиція*, а съ 1760 года бергъ-коллегія. [2])

До 1760 года бергъ-коллегія находилась въ Москвѣ, куда (какъ мы видѣли) переведена была еще Петромъ II. Но въ этомъ году она переведена была въ Петербургъ, во вниманіе къ представленію вновь назначеннаго президента Шлаттера. Въ этомъ представленіи Шлаттеръ указывалъ съ одной стороны на то, что состоя главнымъ судьею монетной канцеляріи, находящейся въ Петербургѣ, онъ не можетъ часто отлучаться отсюда въ Москву, для присутствованія въ бергъ коллегіи въ званіи президента; съ другой на то, что „уповательно въ той коллегіи не безъ такихъ дѣлъ находится, кои запущены и надлежитъ по онымъ рѣшеніе чинить, а по нѣкоторымъ и правительствующему сенату докладывать, почему возможно скорѣе указы и повелѣнія получать, нежели, какъ будучи ей въ Москвѣ переписками время продолжать,“ и просилъ помѣстить бергъ-коллегію тамже, гдѣ помѣщается и монетная канцелярія—въ крѣпости или же перевести монетную канцелярію и помѣстить бергъ-коллегію туда, гдѣ помѣщался главный магистратъ или штатсъ контора,—тѣмъ

---

[1]) № 10534.
[2]) №. 11113.

болѣе, что самыя палаты эти строились на счетъ бергъ-коллегіи. 4-го Сентября послѣдовало Высочайшее соизволеніе на перемѣщеніе бергъ-коллегіи въ Петербургъ, въ крѣпости и открытіе въ Москвѣ бергъ-конторы [1]).

Мануфактурами завѣдывала въ этотъ періодъ *мануфактуръ-коллегія.* Безъ ея дозволенія никто не смѣлъ заводить фабрики и производить выработку товаровъ, подъ опасеніемъ закрытія фабрикъ и конфискаціи товаровъ. [2]) Особенно надзоръ обязана была она имѣть за тѣмъ, чтобы фабриканты суконные выдѣлывали сукна, не только сходныя съ образцами, а даже лучше ихъ. [3]) За ослушаніе ея распоряженіямъ опредѣлены были наказаніе кнутомъ и ссылка на работу въ Рогервикъ. [4])

При *Петрѣ III* послѣдовалъ было указъ о переводѣ мануфактуръ-коллегіи въ Петербургъ, [5]) но тотчасъ же, еще до приведенія въ исполненіе, и отмѣненъ на томъ основаніи, что бо́льшая часть фабрикъ находилась или въ самой Москвѣ, или въ ея окрестностяхъ, и въ случаѣ перемѣщенія коллегіи въ Петербургъ, она имѣла бы надзоръ за фабриками заочный, а фабриканты частыми поѣздками въ Петербургъ отвлекались бы отъ дѣла. [6]) По прежнему коллегія осталась въ Москвѣ, а контора ея въ Петербургѣ.

ПЕРІОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

(1775—1796).

Царствованіе Екатерины II, по крайней мѣрѣ съ 1775 года, составляетъ особый періодъ въ исторіи управленія промышленностью и торговлею.

---

[1]) №. 11097.
[2]) 9889.
[3]) №. 9168.
[4]) 9643.
[5]) №. 11433.
[6]) №. 11494.

До этого времени промышленностью и торговлею по прежнему управляли коллегіи. Въ 1763 году изданы были ихъ штаты.

Штатъ бергъ-коллегіи, мануфактуръ-коллегіи и коммерцъ-коллегіи составляли:

Президентъ (съ окладомъ въ коммерцъ и бергъ коллегіяхъ 2250 р., а въ мануфактуръ коллегіи—1875 р.), вице президентъ (съ окладомъ въ первыхъ двухъ коллегіяхъ 1875 р., а въ послѣдней 1350 р.), коллежскій совѣтникъ (съ окладомъ въ первыхъ двухъ коллегіяхъ 750 р., а въ послѣдней 600 р.), прокуроръ (съ окладомъ въ первыхъ двухъ 750 р., а въ послѣдней 600 р.), надворный совѣтникъ (съ окладомъ въ первыхъ двухъ 600 р., а въ послѣдней 450 руб.), асессоръ (съ окладомъ въ первыхъ двухъ 450 р., а въ послѣдней 375 р.), протоколистъ и переводчикъ (съ окладомъ въ первыхъ двухъ по 300 р. а въ послѣдней по 225 р. регистраторъ (съ окладомъ въ первыхъ двухъ по 225 р., а въ послѣдней 200 р.), канцеляристы, числомъ въ коммерцъ-коллегіи 7, а въ бергъ и мануфактуръ коллегіяхъ по 5 (съ окладомъ въ первыхъ двухъ по 200 р., а въ послѣдней по 150 р.), подканцеляристы, числомъ въ коммерцъ-коллегіи 13, въ бергъ-коллегіи 9, а въ мануфактуръ-коллегіи 8, (съ окладомъ въ первыхъ двухъ по 150 р., а въпослѣдней по 130 р.), и копіисты, числомъ въ коммерцъ коллегіи 13, въ бергъ коллегіи 9, а въ мануфактуръ коллегіи 8 (съ окладомъ въ первыхъ двухъ по 120 р. а въ послѣдней по 100 р.)—таковъ былъ общій составъ коллегій. Но кромѣ того полагались: въ штатѣ коммерцъ-коллегіи и бергъ-коллегіи: бухгалтеръ, (съ окладомъ 300 р.), коммиссаръ (съ окладомъ 225 р.), и секретари (въ первой 3 съ окладомъ по 540 р., а въ послѣдней 1 съ окладомъ 450 р.), въ штатѣ мануфактуръ и бергъ коллегій—архиваріусъ (съ окладомъ въ первой 300 р., а въ послѣдней 225 р.), въ штатѣ коммерцъ-коллегіи кассиръ (съ окладомъ 225 р.), въ штатѣ мануфактуръ-коллегіи 2 экзекутора (съ окладомъ по 375 р.) и въ штатѣ бергъ-коллегіи казначей и камериръ (съ окладами по 300 р.). На канцелярскіе расходы коллегій отпускалось ежегодно на коммерцъ-коллегію и мануфактуръ-коллегію по 400 р., а на бергъ-коллегію по 300 р.

Личный составъ мануфактуръ-конторы, находившейся въ Петербургѣ и бергъ-конторы находившейся въ Москвѣ, былъ слѣдующій:

Коллежскій совѣтникъ (съ окладомъ въ первой 750 р., а въ послѣдней 600 р.уб), асессоръ (съ окладомъ въ первой 450 р., а въ послѣдней 375 рублей), секретарь (съ окладомъ въ первой 540 р., а въ послѣдней 375 р.), регистраторъ (съ окладомъ въ первой 225 р. а въ послѣдней 200 р.), протоколистъ (съ окладомъ въ первой 300 р., а въ послѣдней 225 р.), канцеляристы, числомъ въ первой 4 (съ окладомъ по 200 р.), а въ послѣдней 2 (съ окладомъ по 150 р.), подканцеляристы, числомъ въ первой 6 (съ окладомъ по 150 р.), а въ послѣдней 5 (съ окладомъ по 130 р.) и копіисты, числомъ въ первой 6 (съ окладомъ по 120 р.), а въ послѣдней 5 (съ окладомъ по 100 р.). Кромѣ того въ мануфактуръ-конторѣ былъ надворный совѣтникъ (съ окладомъ 600 р.) и переводчикъ (съ окладомъ 300 р.), а въ бергъ-конторѣ счетчикъ (съ окладомъ 40 р.). На канцелярскіе расходы первой отпускалось 200 р., а послѣдней 100 р. ежегодно. [1])

Сообразно съ числомъ коллегій, распредѣлены были по департаментамъ сената подлежавшія его разсмотрѣнію дѣла, и дѣла по бергъ, мануфактуръ и коммерцъ коллегіямъ велѣно вѣдать находившемуся въ Петербургѣ 1 департаменту. [2])

Въ торговой администраціи, въ началѣ царствованія Екатерины II, были сдѣланы нѣкоторыя, небольшія впрочемъ, измѣненія. Въ 1763 году уничтожено находившееся въ Москвѣ коммиссарство коммерцъ-коллегіи, дѣла его переданы въ самую коллегію, [3]) продававшіеся здѣсь поташъ и ревень сданы были первый въ мануфактуръ коллегію, послѣдній же въ московскій магистратъ. [4]) Въ слѣдующемъ (1764) году учреждена была *Главная надъ таможенными сборами Канцелярія.* [5]) Управленіе ею ввѣрено было Миниху, который, по силѣ

---

[1]) Ом. книгу Штатовъ (П. С. З. Т. 41). № 11991.
[2]) № 11989. п. 1.
[3]) п. 21.
[4]) 12082.
[5]) 15043.

данной ему Высочайшей инструкціи, и уполномоченъ былъ: 1) „надзирать за таможенными сборами въ сохраненіи и приращеніи казеннаго интереса, 2) установить для торгопроизводства лучшія правила и къ развѣдыванію разныхъ злоупотребленій, происходящихъ отъ таможенныхъ служителей и отъ торговцевъ, посылать надежныхъ людей употребляя на то сумму изъ таможеннаго сбора и 3) таможенныхъ служителей и самихъ сборщиковъ опредѣлять въ должности, отрѣшая отъ нихъ неспособныхъ, а паче подозрительныхъ, и отсылая ихъ подъ судъ коммерцъ коллегіи". Изъ перечисленныхъ здѣсь обязанностей новаго учрежденія ясно, въ какихъ отношеніяхъ находилось оно къ коммерцъ-коллегіи. По мѣткому замѣчанію президента коммерцъ-коллегіи Соймонова, это былъ „временный отдѣленный коммерцъ-коллегіи департаментъ, хотя ей и не подсудный", или: „среднее правительство между коммерцъ-коллегіею и таможнями". [1])

Въ первую половину царствованія Екатерины II издано было нѣсколько распоряженій и относительно самаго дѣлопроизводства въ бергъ, мануфактуръ и коммерцъ коллегіяхъ. Отмѣнена была присылка изъ городовыхъ канцелярій вѣдомостей: въ коммерцъ-коллегію—мѣсячныхъ о хлѣбныхъ и фуражныхъ цѣнахъ (такъ какъ такія вѣдомости посылались въ главную провіантскую канцелярію и ея контору); а въ мануфактуръ коллегію—мѣсячныхъ о доходахъ, положенныхъ на жалованье при продажѣ гербовой бумаги и полугодичныхъ о розданныхъ на станы и фабрики билетахъ. За симъ по прежнему городовыя канцеляріи присылали вѣдомости: въ бергъ коллегію полугодовыя о ручныхъ горнахъ и мѣсячныя о ефимкахъ, получаемыхъ изъ таможень и о проданномъ желѣзѣ; въ коммерцъ коллегію мѣсячныя о таможенныхъ доходахъ, а въ мануфактуръ коллегію годовыя о состояніи фабрикъ и употребляемой на ихъ содержаніе суммѣ и третныя о проданной гербовой бумагѣ и вырученныхъ за нее деньгахъ. [2]) Кромѣ того, согласно представленію президента

---

[1]) № 17807.
[2]) № 14332.

коммерцъ-коллегіи графа Воронцова, сенатъ предписалъ губернаторамъ и главному магистрату присылать въ коммерцъ-коллегію свѣдѣнія о томъ: 1) сколько въ какомъ городѣ живетъ купцовъ, цеховыхъ, ремесленниковъ, мастеровыхъ и работниковъ, фабричныхъ, которые работаютъ на станахъ шелковые, шерстяные, бумажные или другіе какіе матеріалы; 2) какъ часто и когда именно въ городахъ бываютъ ярмарки, бываютъ ли ярмарки въ уѣздахъ, чѣмъ при этомъ производится торгъ и не пріѣзжаютъ ли сюда для сбыта товаровъ иностранные купцы; 3) сколько какихъ въ какомъ городѣ или уѣздѣ фабрикъ и заводовъ, откуда получаютъ они матеріалы; 4) купцы извѣстнаго города производятъ торгъ въ своемъ ли только городѣ и уѣздѣ или же отправляютъ свои товары къ портамъ; 5) нѣтъ ли гдѣ особенно замѣчательныхъ промысловъ; 6) сколько находится подъ вѣдомствомъ мануфактуръ коллегіи и ея конторы фабрикъ привиллегированныхъ и сколько на каждой изъ нихъ ежегодно выдѣлывается произведеній; 7) сколько и на какую сумму производится разработки металловъ и минераловъ на горныхъ заводахъ; 8) сколько гдѣ находится верфей, какого ранга суда строятся на нихъ, и куда эти суда отправляются. „Не имѣя подобнаго рода свѣдѣній, коммерцъ-коллегія не могла никогда познать прямаго существа городовъ россійскихъ, чѣмъ который меньше или больше другаго есть по своему расположенію и выгодамъ отъ торговъ и промысловъ происходящимъ“. [1]) Въ тоже время, мануфактуръ-коллегіи подтвержденъ былъ указъ отъ 31 января 1724 года объ ея обязанности дважды въ годъ (въ январѣ и іюлѣ) присылать въ сенатъ вѣдомости о числѣ фабрикъ, съ показаніемъ, сколько на какой и какихъ именно сдѣлано, продано и отъ года въ годъ осталось товаровъ, и насколько въ какой годъ противъ прежнихъ увеличилась или уменьшилась выдѣлка произведеній [2]).

---

[1]) № 14261.
[2]) № 14011.

Со введеніемъ „учрежденія о губерніяхъ“, когда стекавшіяся изъ губерній, мѣстныя дѣла отходили отъ коллегій, такъ какъ, раздробившись на палаты, эти послѣднія водворились по всей имперіи, подвинулись къ нуждавшимся въ нихъ, становилось излишнимъ сосредоточеніе ихъ въ столицахъ. Вотъ почему почти тотчасъ же всѣ они, за исключеніемъ трехъ первыхъ были закрыты.

Въ ноябрѣ 1779 года послѣдовало Высочайшее соизволеніе на докладъ сената объ уничтоженіи мануфактуръ-коллегіи съ ея конторою. Въ именномъ указѣ отъ 22 ноября, [1]) которымъ объявлялось сенату это соизволеніе, говорилось, что существованіе мануфактуръ-коллегіи, учрежденной еще тогда, „когда къ распространенію полезныхъ рукодѣлій и фабрикъ не довольнымъ побужденіемъ казался собственный каждаго въ томъ прибытокъ, но стараніе правительства простиралися и на изъятія всякихъ предупрежденій“, становится излишнимъ теперь, послѣ того, какъ манифестомъ отъ 17 марта 1775 рода и указами отъ 28 іюня 1777 и 19 августа 1779 годовъ сложены сборы съ фабричныхъ становъ и всѣмъ подданнымъ предоставлена полная свобода заводить мануфактуры, а именнымъ указомъ отъ 3 іюля того же года, даннымъ главному коммиссаріату, обезпечена поставка на армію надлежащаго количества и качества суконъ и не требуется на то особыхъ принужденій. Предназначенныя къ закрытію мануфактуръ-коллегія и мануфактуръ-контора, по силѣ вышеприведеннаго указа, должны были заканчивать уже вступившія къ нимъ дѣла въ теченіи полугода, считая этотъ срокъ отъ 10 января (1779 года). Заготовленіе гербовой бумаги передано было сенатскимъ типографіямъ, подъ надзоръ особаго, состоящаго подъ вѣдѣніемъ экспедиціи о государственныхъ доходахъ, совѣтника, а клейменіе картъ—въ полное завѣдываніе Воспитательнаго дома, въ пользу котораго и установленъ былъ этотъ доходъ. Для заведенія фабрикъ теперь не требовалось уже испрашивать дозволенія; а относительно суда надъ фабрикантами и принадлежащими къ фабрикѣ людьми опредѣлено поступать

[1]) № 14647.

„какъ установлено законами, по званію каждаго“. Ближайшимъ поводомъ къ уничтоженію мануфактуръ-коллегіи послужили, какъ полагаютъ распространившіяся въ Европѣ мнѣнія экономистовъ о безполезности такого порядка управленія, а также нѣсколько жалобъ и проэктовъ, поданныхъ императрицѣ [1]).

Таже участь постигла и бергъ-коллегію. Горные заводы съ 1782 года поступили въ управленіе казенныхъ палатъ—существованіе бергъ коллегіи дѣлалось излишнимъ. Въ 1783 году 27 января состоялся именной указъ, [2]) по которому бергъ-коллегіи назначено существовать только до 1 мая слѣдующаго (1784) года и, въ составѣ одного секретаря и нѣсколькихъ канцелярскихъ служителей, заканчивать старыя дѣла. Вѣдавшіяся въ ней дѣла распредѣлены были по разнымъ учрежденіямъ: въ завѣдываніе казенныхъ палатъ отошла собственно часть хозяйственная, споры по заводскимъ владѣніямъ вѣдались въ палатахъ гражданскихъ, часть судная по упущеніямъ чиновниковъ перешла въ палаты уголовныя, распорядкомъ полицейскимъ или благоустройствомъ гражданскимъ стали завѣдывать губернскія правленія. Обязанность, какую имѣла бергъ коллегія „въ разсужденіи генеральнаго по государству соображенія дохода, происходящаго отъ заводовъ и повѣрки онаго“ отнесена была къ вновь учрежденной при экспедиціи о государственныхъ доходахъ особливой (по примѣру экспедиціи для винныхъ дѣлъ и экспедиціи для соляныхъ дѣлъ) *экспедиціи для горныхъ дѣлъ*. По Высочайше утвержденному 23 мая 1783 года проэкту новой экспедиціи, [2]) она обязана была наблюдать за производствомъ работъ на горныхъ заводахъ, за тѣмъ, сполна ли поступаетъ въ казну доходъ съ нихъ, и, если не сполна, то по какимъ причинамъ, и устранимы ли эти причины, а также своевременно ли доставляется доходъ по своимъ мѣстамъ? Состоя при третьей экспедиціи для свидѣтельства счетовъ,

---

[1]) См. журн. Мин. Вн. Дѣлъ за 1844. ч. 5. статья Иванова. Исторія управленія мануфактурной промышленности въ Россіи.

[2]) № 15660.

(составляющей часть экспедиціи о государственныхъ доходахъ) она подчинена была управляющему третьею экспедиціею вполнѣ, не рѣшая никакого дѣла окончательно, она только подготовляла рѣшеніе, выводя разнаго рода справки и обо всемъ безъ изъятія увѣдомляла управляющаго ожидая его рѣшенія. Управляющій, смотря по важности дѣлъ, или рѣшалъ ихъ самъ, по соглашенію съ присутствующимъ въ горной экспедиціи или предлагалъ третьей экспедиціи или же требовалъ резолюціи отъ главноуправляющаго всѣми экспедиціями. Въ составъ экспедиціи для горныхъ дѣлъ входили: совѣтникъ, подлежавшій отвѣтственности за приведеніе рѣшеній въ исполненіе, столоначальникъ, бухгалтеръ и необходимое число канцелярскихъ служителей; кромѣ того, при экспедиціи состояли два горные офицера, для разсмотрѣнія плановъ заводскихъ. Такъ какъ рѣшеній окончательныхъ экспедиція не постановляла, то не велось въ ней и никакихъ протоколовъ, и все дѣлопроизводство ограничивалось тѣмъ, что за рукою совѣтника ежедневно веденъ былъ журналъ, какія дѣла вступили въ экспедицію, какое по нимъ послѣдовало рѣшеніе, и когда по тому что исполнено. Журналъ этотъ ежедневно представлялся управляющему экспедиціею, а онъ съ своей стороны доносилъ о доходѣ дѣлъ въ экспедиціи главноуправляющему.

Для ближайшаго мѣстнаго надзора за горными заводами, при казенныхъ палатахъ состояли особыя *горныя экспедиціи*: такъ напр. были экспедиціи Олонецкая, Пермская, Вятская и Уфимская. [1]) Въ дѣлахъ этихъ горныхъ экспедицій изъ членовъ казенныхъ палатъ могъ принимать участіе только вице-губернаторъ. [2])

Особая экспедиція завѣдывала и тѣми горными заводами, которые предоставлены были въ пользу и вѣдѣніе государственнаго ассигнаціоннаго банка. [3])

---

[1]) № 14740.
[2]) № 16915.
[3]) № 14481.

Къ какимъ результатамъ привела новая система управленія горнозаводствомъ,—свидѣтельство о томъ находимъ впослѣдствіи въ одномъ изъ Высочайшихъ докладовъ министра финансовъ. [1])

„Сколь мало сей образъ производства дѣлъ приличествовалъ горному управленію“,—говоритъ онъ,—„казна съ крайнимъ убыткомъ дознала то опытомъ въ теченіе немногихъ лѣтъ. Тогда начальниковъ горныхъ или слишкомъ было много или совсѣмъ никого. Генералъ-губернаторъ, губернаторъ, вице-губернаторъ, горный совѣтникъ и вся казенная палата управляли заводами, но только на бумагѣ. Никто не завѣдывалъ особливо хозяйственною и распорядительною частью оныхъ на мѣстѣ, въ надлежащей степени и съ надлежащею отвѣтственностію; а ученой части и въ виду не было. Колыванскіе заводы имѣли за себя ходатаями управляющихъ кабинетомъ. Разстроенное состояніе заводовъ (такъ что въ короткое время таковаго управленія выплавка серебра съ 1000 упала на 400 пудъ) сдѣлалось скоро извѣстнымъ государынѣ императрицѣ Екатеринѣ II. Тотчасъ горная часть была совершенно отдѣлена отъ гражданской, особенный начальникъ получилъ ее въ свое управленіе, и въ короткое время опять довелъ выплавку серебра до 1000, вмѣсто 400 пудъ“.

Коммерцъ-коллегія предназначалась къ уничтоженію позднѣе другихъ коллегій. Именнымъ указомъ отъ 16 сентября 1796 года [2]) опредѣлено ее оставить только до 1 января слѣдующаго (1797) года. Къ существованію ея не представлялось никакихъ основаній послѣ того, какъ таможни поступили въ вѣдомство казенныхъ палатъ, а торговый трактатъ съ Англіею, по силѣ котораго коммерцъ-коллегіи подчинено было по суднымъ дѣламъ производившее въ Россіи торгъ англійское купечество, замѣненъ былъ заключенною въ 1793 году новою конвенціею. Со дня изданія указа по 1 января коллегія обязана была заканчивать дѣла, рѣшенныя сдавать въ

[1]) № 21460.
[2]) № 17510.

государственный архивъ, а нерѣшенныя въ разныя мѣста куда принадлежали они по своему содержанію. Маклеровъ, находившихся въ ея вѣдомствѣ, велѣно передать въ вѣдомство казенныхъ палатъ вмѣстѣ со всѣми относящимися до нихъ дѣлами и ежегодно ассигнуемыми на ремонтировку таможенныхъ зданій суммами. Доставленіе во всѣ портовыя и пограничныя таможни штемпелей для клейменія привозныхъ и отвозныхъ товаровъ вмѣстѣ съ ассигнуемыми на заготовленіе ихъ суммами, съ 1797 года опредѣлено было передать въ экспедицію по должности государственнаго казначея, а составленіе генеральныхъ по всему государству балансовъ о таможенномъ сборѣ и о томъ, на какую сумму бываетъ въ привозѣ иностранныхъ и въ отпуску русскихъ товаровъ возложить на экспедицію о государственныхъ доходахъ.

ПЕРІОДЪ ПЯТЫЙ.

(1796—1802).

Черезъ нѣсколько дней по вступленіи на престолъ Павла I состоялся слѣдующій именной указъ: [1]) „взирая на обширную связь существующаго нынѣ правленія, усматриваемъ на первый случай крайнюю неудобность въ раздробленіи важныхъ отдѣленій государственной экономіи, каковы суть произведенія горныя, мануфактуры и коммерція на столько частей разныхъ, сколько находится губерній и въ присоединеніи ихъ къ казеннымъ палатамъ, которыя безъ того упражнены будучи многими другими дѣлами не могутъ имѣть толикаго успѣха въ распространеніи оныхъ до желаемаго совершенства, какъ подъ однимъ особеннымъ каждаго изъ сихъ отдѣленій управленіемъ, къ коему стекаясь всѣ частныя обстоя-

---

[1]) № 17567.

тельства подъ общее соображеніе оныхъ по всему государству, несравненно болѣе доставится чрезъ то способности видѣть прямое ихъ состояніе, и по тому располагать нужныя пособія и поправленія. Въ разсужденіи чего за благо признали Мы къ успѣшнѣйшему вышеизъясненныхъ отдѣленій управленію возобновить бывшія предъ симъ бергъ, мануфактуръ и коммерцъ коллегіи, соизволяя, что каждая изъ сихъ коллегій части по существу ей принадлежащія вѣдала и оными управляла на тѣхъ самыхъ основаніяхъ, законахъ и регламентахъ, на коихъ находились они до 1775 года, исключая токмо тѣ статьи, которыя состоявшимися послѣ на право вольности и преимущества дворянскія грамотою и городовымъ положеніемъ подвергнулись перемѣнѣ, и въ разсужденіи коихъ поступать надлежитъ согласно новымъ установленіямъ". Штаты возобновленнымъ коллегіямъ, мѣстопребываніе которыхъ назначено въ Петербургѣ, возстановлены изданные въ 1763 году, но при этомъ предоставлено было сенату право представлять на Высочайшее усмотрѣніе и проэкты новыхъ штатовъ, если въ измѣненіи прежнихъ была крайняя необходимость и оно могло быть произведено съ соблюденіемъ казеннаго интереса. Вмѣстѣ съ возстановленіемъ бергъ, мануфактуръ и коммерцъ коллегій предписано было упразднить состоящія при казенныхъ палатахъ таможенныя и горныя экспедиціи.

Бергъ-коллегія открыта была 14 декабря того же (1796) года, [1]) а въ слѣдующемъ году открыты были *Московская бергъ-контора* (16 апрѣля) [2]) и *Канцелярія Главнаго Заводовъ Правленія* (3 мая). [3]) Возстановлены были и тѣ самыя части вѣдомства бергъ-коллегіи, которыя существовали до 1775 года и вновь учреждена при ней *Экспедиція для рѣшенія старыхъ дѣлъ*. [4]) Въ вѣдомство бергъ-коллегіи поступили и тѣ горные заводы, которые доселѣ состояли въ вѣдомствѣ

[1]) № 16678.
[2]) № 17931.
[3]) № 18096.
[4]) № 17658.

горной экспедиціи ассигнаціоннаго банка, и за симъ, самая экспедиція была уничтожена. [1])

Для приведенія горныхъ казенныхъ заводовъ въ лучшее состояніе и по случаю поступленія въ вѣдомство бергъ-коллегіи мѣдныхъ передѣловъ, штатъ ея, согласно представленію президента, увеличенъ былъ надворнымъ совѣтникомъ, коллежскимъ асессоромъ и секретаремъ. [2])

На содержаніе бергъ-коллегіи съ ея конторою съ 1797 года отпускалась сумма изъ государственнаго казначейства, а со второй половины 1799 года производился сборъ съ заводчиковъ, получавшихъ пособіе отъ казны въ размѣрѣ 4, а съ неполучавшихъ его въ размѣрѣ 2 копѣекъ съ пуда выплавляемаго чугуна. [3])

Мануфактуръ-коллегія открыта была 16 декабря 1796 года; [4]) а *мануфактуръ-контора* (въ Москвѣ) 1 іюня 1798 года. [5]) Штатъ ихъ въ теченіи этого періода не разъ подвергался измѣненіямъ, противъ опредѣленнаго въ 1763 году. Въ 1797 году штатъ мануфактуръ-коллегіи увеличенъ былъ совѣтникомъ, асессоромъ и другими чиновниками во вниманіе къ тому, выставленному на видъ президентомъ коллегіи княземъ Юсуповымъ въ представленіи сенату, обстоятельству что со времени изданія прежнихъ штатовъ (съ 1763 года) вслѣдствіе пріобрѣтенія новыхъ земель, въ которыхъ процвѣтали мануфактуры, а также вслѣдствіе изданія граматы дворянству и городоваго положенія, предоставившихъ всякому полную свободу въ заведеніи фабрикъ, число этихъ послѣднихъ весьма умножилось, такъ что не представляется возможнымъ со стороны членовъ бдительный надзоръ за всѣми фабриками, а со стороны другихъ чиновъ—скорое вершеніе дѣлъ. [6]) Въ слѣдующемъ (1798) году, согласно представле-

---

[1]) № 17607.
[2]) № 17934.
[3]) № 17164.
[4]) № 17678.
[5]) № 18576.
[6]) 17935.

нію мануфактуръ-коллегіи, къ штату ея, въ экспедицію храненія гербовой бумаги прибавлены: секретарь, бухгалтеръ (съ жалованіемъ каждому по 600 р.), казначей (съ жалованьемъ 800 р.), канцелярскіе служители, присяжные клеймейщики, а сумма на канцелярскіе расходы увеличена на 3000 р. Это увеличеніе штата и расходовъ вызвано было громаднымъ (до 1.500.000 листовъ) требованіемъ гербовой бумаги на 1798 годъ, а потому представившеюся необходимостью скорѣйшаго заготовленія ея въ большомъ количествѣ, чего не предполагалось при составленіи штата первоначальнаго. [1]) Когда за тѣмъ, въ 1800 году изданъ былъ дополнительный штатъ коллегій и ихъ конторъ,—къ штату мануфактуръ-коллегіи прибавлены: секретарь (съ окладомъ 600 р.) и 2 инспектора для осмотра фабрикъ (съ жалованьемъ каждому по 900 р.); къ штату мануфактуръ-конторы также присоединены 2 инспектора для осмотра фабрикъ (съ жалованьемъ каждому по 700 р.), но въ то же время число секретарей уменьшено до одного. [2])

Указъ отъ 19 ноября 1796 года, возстановлявшій уничтоженныя Екатериною бергъ и мануфактуръ коллегіи, отмѣнилъ указъ отъ 17 сентября того же года, которымъ опредѣлялось оставить коммерцъ-коллегію только до 1 января 1797 года. Предметы вѣдомства коммерцъ-коллегіи остались тѣже, но кромѣ того еще къ ней присоединены: коммиссія о коммерціи, всѣ таможенныя экспедиціи, состоявшія при казенныхъ палатахъ и главная канцелярія надъ таможенными сборами. За отнесеніемъ дѣлъ этой канцеляріи къ вѣдомству коммерцъ-коллегіи,—сама она была уничтожена, такъ какъ составляя „среднее правительство между коммерцъ-коллегіею и таможнями могла въ таможенныхъ и коммерческихъ дѣлахъ причинить болѣе медленности тогда, когда оныя по существу своему требуютъ скораго рѣшенія, и всякія злоупотребленія должны быть пресѣкаемы при самомъ ихъ от-

---

[1]) № 18389.
[2]) См. Книгу Штатовъ.

крытіи". Увеличеніе дѣлъ коммерцъ-коллегіи потребовало и увеличенія штата. Къ штату 1763 года прибавлены: коллежскій совѣтникъ (для надзора за таможнями Петербургскою и Кронштадтскою), надворный совѣтникъ и коллежскій ассессоръ (для посылокъ на ревизіи отдаленныхъ таможень), 2 секретаря (изъ коихъ одинъ долженъ былъ состоять при президентѣ, а другой заниматься вновь поступившими дѣлами), гофмаклеръ (для отбиранія нужныхъ свѣдѣній отъ маклеровъ и содержанія прейсъ-курантовъ), бухгалтеръ (такъ какъ одинъ не могъ справиться съ возложенными на него обязанностями, какъ-то: повѣркою съ тарифомъ поступавшихъ изъ таможень вѣдомостей, сочиненіемъ годоваго баланса и общихъ вѣдомостей о торговлѣ), переводчикъ (такъ какъ одинъ изъ нихъ нуженъ былъ для переписки съ консулами по коммерческой части, а другой для переводовъ присылаемыхъ изъ нѣкоторыхъ таможень на иностранныхъ языкахъ вѣдомостей, объясненій и другихъ бумагъ), регистраторъ, архитекторъ, 7 коллегіи юнкеровъ, нѣсколько канцеляристовъ и копіистовъ. [1]) Въ 1799 году, при президентѣ коммерцъ-коллегіи велѣно состоять директору канцеляріи, секретарю и 2 писцамъ; жалованье имъ, въ количествѣ 2200 рублей (первому полагалось 1000 р. второму 600 р. а послѣднимъ по 300 р.), отпускалось изъ суммы доставлявшейся въ коллегію за продажу конфискованныхъ товаровъ. [2])

Въ 1797 году (5 августа) при коммерцъ-коллегіи открыта *Экспедиція для свидѣтельствъ таможенныхъ счетовъ.* [3]) Штатъ ея составляли: 4 камерира, переводчикъ (съ жалованьемъ каждому по 500 р.), помощникъ переводчика (съ жалованьемъ 300 р.), 10 канцеляристовъ (съ жалованьемъ каждому по 250 р.), 10 подканцеляристовъ (съ жалованьемъ каждому по 175 р.) и 12 копіистовъ (съ жалованьемъ каждому по 140 р.).

---

[1]) № 17807. и Книга Штатовъ № 19559.
[2]) № 19217.
[3]) № 18075.

Въ 1800 году обнародовано Высочайше утвержденное постановленіе коммерцъ-коллегіи. [1]) Коммерцъ-коллегія раздѣлена была теперь, сообразно роду ввѣренныхъ ей дѣлъ на 4 *экспедиціи*, изъ которыхъ каждая имѣла особое присутствіе и занималась ввѣреннымъ ей родомъ дѣлъ независимо отъ остальныхъ. Присутствіе 1-й Экспедиціи, *вѣдавшей дѣла по внѣшней торговлѣ*, составляли: вице-президентъ (въ отсутствіи президента заступавшій его мѣсто), совѣтникъ, асессоръ, 4 купца (2 торгующіе съ европейцами и 2 торгующіе съ азіатцами, изъ которыхъ одинъ торгующій съ Китаемъ) и повѣренный американской компаніи. Присутствіе 2-й Экспедиціи, *вѣдавшей дѣла по торговлѣ внутренней* составляли: совѣтникъ, асессоръ, 2 купца (изъ ведущихъ внутреннюю торговлю) мануфактуристъ и заводчикъ. Штатъ 3-й Экспедиціи, *вѣдавшей дѣла по внѣшней и внутренней торговой коммуникаціи* составляли, членъ Морскаго департамента, мастеръ строенія судовъ, асессоръ и 2 купца (одинъ занимающійся транспортами внутренними, другой—занимающійся транспортами внѣшними). Въ составъ 4-й Экспедиціи, *вѣдавшей дѣла таможенныя* входили: совѣтникъ, асессоръ и 2 купца (негоціантъ и ведущій внутреннюю торговлю). Такимъ образомъ, въ каждой экспедиціи засѣдали члены и по назначенію отъ правительства и по выбору отъ промышленнаго сословія, послѣднихъ изъ 23 членовъ было 13. Совѣтники и асессоры, опредѣлялись сенатомъ, членъ морскаго департамента и мастеръ строенія судовъ—по представленію адмиралтействъ-коллегіи, повѣренный американской компаніи—по представленію главнаго его управленія; а члены отъ купечества, мануфактуръ и заводовъ избирались на три года изъ купечества всѣхъ городовъ въ ратгаузахъ обѣихъ столицъ, съ приглашеніемъ на сей разъ коммерцъ совѣтниковъ, отличенныхъ особыми знаками монаршаго вниманія. Во вниманіе къ самому роду занятій этихъ членовъ, имъ разрѣшались отпуски, въ такихъ случаяхъ ихъ замѣщали въ коллегіи члены отъ ратгауза. [2]) Противъ штата 1797 года новымъ поста-

[1]) № 16554.
[2]) № 19555.

новленіемъ сдѣланы слѣдующія небольшія измѣненія: уничтожена должность надворнаго совѣтника и прибавлено по 2 асессора и по 2 регистратора. Изъ отпускаемыхъ съ 1800 года на коммерцъ коллегію 58,120 рублей производилось чинамъ, внесеннымъ въ штатъ 1797 года, жалованье, въ прежнемъ размѣрѣ. Изъ членовъ, вновь опредѣленныхъ, получали жалованье: членъ морскаго департамента по чину, мастеръ строенія судовъ и 2 асессора по 900 рублей, регистраторы по 300 рублей, а члены отъ купечества, мануфактуръ и заводовъ по 1000 рублей. [1]) Жалованье этимъ послѣднимъ отпускалось изъ особаго капитала коммерцъ-коллегіи, составлявшагося съ взимаемой (въ размѣрѣ не болѣе 1 процента съ таможеннаго рубля) съ привозныхъ и отпускныхъ товаровъ пошлины, на который кромѣ того содержались верфи и судоходная школа и заводились купеческіе банки. [2])

Ни одна экспедиція не могла издать какого-либо общаго постановленія о торговлѣ, не могла даже сдѣлать распоряженія по дѣламъ, ввѣреннымъ на ея обсужденіе, онѣ только разсматривали дѣла и, съ мнѣніемъ своимъ, представляли ихъ общему собранію коллегіи, которое и полагало рѣшеніе. Соображая сдѣланныя въ экспедиціи постановленія съ общимъ состояніемъ торговли, общее собраніе, состоявшее изъ членовъ всѣхъ экспедицій, утверждало или отмѣняло предположенія экспедиціи или же издавала совершенно новыя постановленія, обращая ихъ въ ту или другую экспедицію къ исполненію. Ограничивать распоряженія общаго собранія, тѣмъ болѣе отмѣнять ихъ, не смѣла ни одна экспедиція.

Вся коллегія подчинена была одному начальнику—*министру коммерціи*. Получая отъ коллегіи *меморіи*, по которымъ знакомился съ ходомъ въ ней дѣлъ, онъ въ свою очередь *предлагалъ* общему ея собранію свои замѣчанія, къ должному съ его стороны исполненію; въ случаѣ недѣйствительности его замѣчаній, какъ его предложеніе, такъ и опредѣленія кол-

---

[1]) См. Книгу Штатовъ къ № 19559.
[2]) П. С. З. № 19554 ст. XIX.

легіи вносились на Высочайшее усмотрѣніе, и имъ же объявлялись Высочайшія повелѣнія. Въ отношеніи къ вѣдомству таможенному, онъ дѣйствовалъ по точной силѣ данной Миниху инструкціи: опредѣлялъ, отрѣшалъ и отсылалъ къ суду въ департаменты уголовныхъ дѣлъ таможенныхъ чиновниковъ, посылалъ надежныхъ лицъ на ревизіи, не давая предварительно знать коллегіи о цѣли ихъ командировки. При немъ состояла особая канцелярія со штатомъ, опредѣленнымъ именными указами отъ 17 и 31 декабря 1799 года. [1])

Для высшаго надзора за предметами, ввѣренными бергъ, мануфактуръ и коммерцъ коллегіямъ въ разсматриваемый нами періодъ учреждена была при сенатѣ, подъ главнымъ вѣдомствомъ генералъ-прокурора, *экспедиція государственнаго хозяйства, опекунства иностранныхъ и сельскаго домоводства*, въ обязанности которой входило между прочимъ „изысканіе надежныхъ и полезныхъ средствъ для приведенія въ лучшее состояніе земледѣлія, ремеслъ, художествъ, разныхъ рукодѣлій, *фабрикъ*, *заводовъ* и вообще всего, что касается до настоящихъ выгодъ государственныхъ *по внутренней и внѣшней торговлѣ*“. [2])

ПЕРІОДЪ ШЕСТОЙ.

(съ 1802 года).

Послѣдній періодъ исторіи управленія промышленностью и торговлею обнимаетъ настоящее столѣтіе: царствованія Александра I, Николая I и нынѣшнее благополучное царствованіе.

Въ самомъ началѣ настоящаго столѣтія (манифестомъ отъ 8 сентября 1802 года) [3]) все государственное управленіе

---

[1]) ст. X, XI, XII, XIII, XV.
[2]) № 17866.
[3]) 20406.

Россіи раздѣлено было на нѣсколько главныхъ отдѣленій, изъ которыхъ каждому предоставлена особая часть: учреждены были *министерства*.

Торговля, при первоначальномъ учрежденіи министерствъ, отнесена была къ вѣдомству особаго *министерства коммерціи*. Званіе министра коммерціи, какъ мы видѣли, учреждено было нѣсколько раньше, и тогда же предоставлено было ему направленіе и руководство администраціи. Теперь, при преобразованіи коллегіи въ министерство, права министра особенно расширились. Какъ высшій управитель торговаго вѣдомства, онъ охранялъ права и преимущества купечества, [1]) представлялъ на Высочайшее усмотрѣніе дѣла о награжденіи купцовъ званіемъ коммерціи совѣтника, [2]) получалъ отъ городскихъ думъ донесенія объ открытіи новыхъ торговыхъ товариществъ, [3]) открывалъ бархатную книгу знатныхъ купеческихъ родовъ, [4]) даже назначалъ время для собранія купечества на биржѣ. [5]) Подъ личнымъ его надзоромъ издавались Санктпетербургскія Коммерческія Вѣдомости. [6]) При министрѣ состоялъ департаментъ, штатъ котораго составляли: директоръ (съ окладомъ 3000 р.), 2 экспедитора съ окладомъ 2500 р.), 5 столоначальниковъ, архиваріусъ (съ жалованьемъ каждому по 1200 р.), старшій помощникъ столоначальниковъ (съ окладомъ 1000 р.), и 6 младшихъ (съ окладомъ каждому по 750 р.). [7])

Мануфактуръ-коллегія, при первоначальномъ образованіи министерствъ, поступила въ вѣдѣніе министра *внутреннихъ дѣлъ*, получившаго въ управленіе всѣ части промышленности кромѣ горной. [8]) Изъ 4 экспедицій, составлявшихъ департаментъ этого министерства, дѣла государственнаго хозяйства и мануфактуръ вѣдала третья. Но на слѣдующій же годъ

---

[1]) № 22418. ст. 20.
[2]) № 23162.
[3]) № 22418, ст. 5.
[4]) № 22418. ст. 17.
[5]) № 21838.
[6]) № 20565.
[7]) № 20582.
[8]) № 20406.

мануфактуръ-коллегія перестала существовать, какъ учрежденіе самостоятельное, центральное, и вошло въ составъ департамента Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, образовавъ собою *1-ю его экспедицію*, подъ названіемъ *Экспедиціи государственнаго хозяйства*. Къ 1 января 1804 года коллегія съ своею конторою окончила дѣла, касавшіяся до мануфактуръ, а относившіяся до государственнаго хозяйства по описи сдала въ эту экспедицію. Между прочимъ сюда поступили неоконченные мануфактуръ-конторою счеты по казеннымъ фабрикамъ. Для окончанія этихъ счетовъ, по Высочайше утвержденному 27 февраля 1804 года докладу министра внутреннихъ дѣлъ, при вышеупомянутой экспедиціи учреждено *временное отдѣленіе*. [1]) Его составляли: начальникъ опредѣленный изъ членовъ мануфактуръ-конторы и получавшій изъ суммъ, отпускаемыхъ на 1 экспедицію окладъ столоначальника; секретарь, 2 бухгалтера и канцелярскіе чины, получавшіе содержаніе (всего въ количествѣ 3.000 р.) изъ казначейства. Аукціонная распродажа товаровъ, принадлежавшихъ Купавинской фабрикѣ, которою доселѣ завѣдывала мануфактуръ-коллегія съ своею конторою, поручена была московскому и санктпетербургскому гражданскимъ губернаторамъ; а товары Екатеринославской суконной фабрики переданы въ вѣдомство коммисаріатской экспедиціи. Въ концѣ декабря, временное отдѣленіе, за окончаніемъ дѣлъ, было упразднено. [2]) Начальникъ его опредѣленъ былъ столоначальникомъ 1 экспедиціи отдѣленія мануфактуръ и получилъ въ награду за скорое и успѣшное выполненіе даннаго ему порученія полугодовой окладъ жалованья; остальные чиновники отчислены къ сенату, для опредѣленія къ должностямъ по способности, съ производствомъ имъ въ теченіи года оклада жалованья.

Въ 1808 году, въ виду того обстоятельства, что экспедиція Государственнаго хозяйства, развлекаемая занятіями, относящимися до государственнаго народонаселенія, земледѣлія и

---

[1]) № 21185.
[2]) № 21578.

соляныхъ промысловъ, которые сами по себѣ требовали обширнаго надзора, могла имѣть за промышленностью надзоръ лишь поверхностный, ограничивавшійся одною форменною отчетностію,—завѣдываніе фабриками и мануфактурами отдѣлено было отъ нея и предоставлено вновь учрежденному на правахъ бывшей мануфактуръ-коллегіи—*Главному Управленію Мануфактуръ*. [1]) Оно состояло изъ 4 отдѣленій: *первое* завѣдывало всѣми фабриками и заводами (кромѣ принадлежащихъ вѣдомству другихъ министерствъ и кабинету); *второе* занималось дѣлами по поставкѣ суконъ на армію и флотъ; *третье* заботилось объ усиленіи въ государствѣ суконнаго производства; *четвертое* отдѣленіе было контрольное. Каждымъ отдѣленіемъ управлялъ особый совѣтникъ, на правахъ экспедитора, дѣлопроизводство лежало на обязанности столоначальниковъ, ихъ помощниковъ и другихъ канцелярскихъ чиновниковъ; въ 1 и 4 отдѣленіяхъ состояли кромѣ того бухгалтеръ съ помощникомъ. Начальникъ правленія назывался *управляющимъ*; при немъ состояли секретарь, экзекуторъ и архиваріусъ. Для разныхъ командировокъ при правленіи находились 4 инспектора. Состоя подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ министра внутреннихъ дѣлъ, главное правленіе сносилось однакоже со всѣми мѣстами и лицами не чрезъ министра, а отъ своего имени; равнымъ образомъ, и отвѣты по дѣламъ своимъ получало на свое имя. Пакеты вскрывались управляющимъ или старшимъ совѣтникомъ. Полученныя бумаги, по отмѣткѣ на нихъ для полученія, сдавались въ регистратуру для записи въ сокращенномъ видѣ во входящую книгу, затѣмъ докладывались секретаремъ управляющаго общему присутствію, а по надписаніи на нихъ резолюціи и подписаніи однаго изъ присутствующихъ, передавались секретарю, который, внеся резолюціи во входящую книгу, сдавалъ ихъ съ росписью въ регистратурѣ для исполненія въ то отдѣленіе, куда они принадлежали по содержанію. Изъ всѣхъ вхо-

---

[1]) № 23126.

дящихъ бумагъ, по которымъ было докладывано, по обработкѣ ихъ въ отдѣленіяхъ, секретарь управляющаго составлялъ ежедневный журналъ, въ которой вносилъ содержаніе бумаги, № ея по входящей книгѣ, состоявшуюся на ней резолюцію и отмѣтку, куда по ней когда писано. Скрѣпленные имъ по листамъ, журналы эти подписывались всѣми присутствующими. По всѣмъ дѣламъ, требовавшимъ рѣшенія немедленнаго, журналы составлялись на столѣ присутствующихъ, прежде возвращенія бумагъ въ регистратуру, и по нимъ въ тотъ же день изготовлялись исходящія. Бумаги исходящія подписывались управляющимъ, совѣтникомъ того отдѣленія, въ которомъ производилось дѣло, секретаремъ и столоначальникомъ, заготовлявшимъ ихъ и заносились краткимъ образомъ съ № въ заведенную при регистратурѣ, исходящую книгу. На денежныя выдачи и ассигновки дѣлались всякій разъ министру внутреннихъ дѣлъ особыя представленія, подписываемыя всѣми присутствующими правленія и скрѣпляемыя секретаремъ. Ему же на разрѣшеніе дѣлало правленіе представленія о случаяхъ сомнительныхъ или непредусмотрѣнныхъ закономъ, посредствомъ записокъ, на которыхъ онъ и отмѣчалъ свои резолюціи. Еженедѣльно получалъ онъ отъ правленія краткія меморіи о всѣхъ рѣшенныхъ дѣдахъ и вѣдомости о нерѣшенныхъ и ежемѣсячно свѣдѣнія о количествѣ выдѣланнаго сукна, о пріемѣ его воинскими чиновниками, о заплаченныхъ за него деньгахъ, а также о количествѣ остающагося къ пріему, съ обозначеніемъ, съ кого именно, и какаго сорта, ожидается оно въ поставку. Вообще, замѣтимъ кстати, главная цѣль правленія мануфактуръ была не заботливость обо всемъ, что могло содѣйствовать усиленію промышленности (что составляло цѣль учрежденія мануфактуръ-коллегіи), а чисто хозяйственное обезпеченіе обмундированія войскъ, въ виду тогдашняго военнаго положенія всей Европы.

На содержаніе главнаго правленія мануфактуръ отпускалось 13,550 рублей остаточныхъ (за обращеніемъ 3,600 руб. на содержаніе 2 экспедиціи) отъ положенныхъ по штату 1803 года на состоявшее при 1 экспедиціи отдѣленіе мануфактуръ

17,150 рублей, и кромѣ того 26,522 рубля добавочныхъ изъ Государственнаго казначейства.

Бергъ-коллегія со всѣми подчиненными ей мѣстами (а также съ состоявшею при мануфактуръ-коллегіи экспедиціею о приготовленіи и храненіи вексельной и гербовой бумаги) при учрежденіи министерствъ отошла въ вѣдѣніе министра *финансовъ*.[1]) Президентъ ея сдѣланъ былъ скоро и директоромъ вновь учрежденнаго Горнаго корпуса.[2]) Подъ новымъ управленіемъ бергъ-коллегіи пришлось существовать недолго.

Основаніями къ измѣненію системы управленія горными заводами послужили съ одной стороны поданное Императору отъ бывшаго главнаго начальника Екатеринбургскаго горнаго правленія Ярцова *Начертаніе заводовъ Уральскаго хребта*, съ другой — ходатайство главнаго начальника Пермскихъ и Гороблагодатскихъ заводовъ Дерябина о преобразованіи системы управленія этими заводами. Составленъ былъ подъ предсѣдательствомъ министра финансовъ комитетъ, состоявшій изъ товарища министра, президента бергъ-коллегіи, 3-хъ ея членовъ „извѣстныхъ и опытныхъ въ горныхъ дѣлахъ," Качки, Ярцова и Соймонова, а также Дерябина и члена Олонецкаго заводскаго правленія Полторацкаго. Недостатками прежняго управленія признаны были: 1) отдаленность высшей инстанціи бергъ-коллегіи отъ самыхъ заводовъ, а отсюда медленность рѣшенія дѣлъ, подлежащихъ ея усмотрѣнію, которыя между тѣмъ не терпѣли отлагательства; 2) слишкомъ формальный порядокъ дѣлопроизводства въ горныхъ правленіяхъ, не только отнимавшій очень много времени, весьма нужнаго между тѣмъ на устройство хозяйственной и искуственной части заводовъ, но и затруднявшій даже самую отчетность въ суммахъ; 3) частыя столкновенія горныхъ начальствъ съ гражданскими властями, приводившія даже къ остановкѣ въ дѣлахъ; 4) несоотвѣтствіе судной части по дѣламъ горнымъ самому существу ихъ и общимъ узаконеніямъ по другимъ частямъ сего рода и 5) недостатокъ опредѣленныхъ правилъ

---

[1]) № 20406.
[2]) № 21133.

относительно управленія внутренняго (полицейскаго,) вынуждавшій по всякому малѣйшему поводу обращаться за разрѣшеніемъ, недоумѣнія въ бергъ-коллегію. Въ виду этихъ недостатковъ, признано было необходимымъ произвести радикальную реформу въ горной администраціи,—и въ 1804 г. министръ финансовъ представилъ на Высочайшее усмотрѣніе главныя основанія горнаго положенія. 21 сентября Императоръ утвердилъ эти главныя черты управленія горныхъ дѣлъ и высочайше повелѣть соизволилъ составить, согласно съ утвержденными началами, проэктъ горнаго положенія. [1]) Самый проэктъ выработанъ былъ черезъ два года (въ 1806 г.) и утвержденъ 13 Іюля. [2]) При составленіи его, министръ имѣлъ въ виду: 1) основать главное горное начальство какъ можно ближе къ заводамъ, опредѣлить его обязанности по возможности точнѣе, освободить его отъ обязанностей, по существу ему не принадлежащихъ или же сопряженныхъ въ исполненіи съ непреодолимыми затрудненіями; 2) для предупрежденія столкновеній съ властью гражданскою сосредоточить высшее управленіе по частямъ гражданской и горной въ одномъ лицѣ—*генералъ губернатора*; 3) горнымъ начальникамъ въ извѣстныхъ границахъ предоставить свободу дѣйствій; 4) отдѣлить часть судную отъ распорядительной исполнительной и хозяйственной и 5) постановить точныя и подробныя правила относительно устройства какъ самыхъ заводовъ, такъ и заводскихъ селеній. Такимъ образомъ, по силѣ новаго положенія, открыты были взамѣнъ горныхъ начальствъ: Екатеринбургскаго, Гороблагодатскаго, Пермскаго и Банковскаго — два *Горныя Правленія*: *Пермское и Московское.* Заводы хребта Уральскаго отданы въ вѣдомство горнаго правленія, основаннаго въ Перми (а не въ Екатеринбургѣ, гдѣ сосредоточивалось доселѣ мѣстное ближайшее управленіе горными заводами)—какъ потому, что городъ этотъ находится среди горныхъ заводовъ губерній Пермской, Вятской, Орен-

---

[1]) № 21460.
[2]) № 22208.

бургской и Казанской, такъ и потому, что сюда еще раньше назначенъ былъ генералъ-губернаторъ, которому, по силѣ новаго положенія, должны быть подчинены горныя правленія, на одинаковыхъ правахъ съ губернскими. Пермское горное правленіе соединяло въ себѣ власть и большую часть обязанностей берг-коллегіи и горныхъ начальствъ и состояло изъ 2-хъ *департаментовъ*, изъ которыхъ въ *первомъ*, гдѣ предсѣдательствовалъ генералъ-губернаторъ, сосредоточены были части хозяйственная, распорядительная и исполнительная (полицейская), а *второму*, на который генералъ-губернаторъ не имѣлъ никакого вліянія, поручена часть судная. Горными заводами, находившимися внутри Имперіи или, какъ ихъ называли „замосковными," изъ числа которыхъ казенный былъ только одинъ (квасцовый въ Тамбовской губерніи), завѣдывало теперь горное правленіе московское, замѣнившее такимъ образомъ бергъ-контору. Къ обязанностямъ его принадлежали: 1) сборъ податей съ частныхъ заводовъ; 2) приведеніе въ извѣстность рудниковъ и заводовъ; 3) надзоръ за ними и казенными лѣсами; 4) вспоможеніе заводчикамъ и рудопромышленникамъ; 5) дозволеніе разыскивать руды и строить новые заводы; пріемъ, заявки и отводъ рудниковъ; 6) полицейскій надзоръ на заводахъ и въ селеніяхъ и 7) судъ по дѣламъ горнымъ. Канцелярскій порядокъ въ горныхъ правленіяхъ былъ одинаковъ. Правленіе получало отъ сената *указы*, а въ сенатъ представляло *рапорты*; къ министрамъ, Государственному казначею и генералъ-губернатору, а въ необходимыхъ случаяхъ и къ бергъ-инспектору, когда онъ былъ въ отсутствіи, входило съ *представленіями*, а отъ нихъ получало *предложенія;* съ коллегіями, основанными на правахъ коллегіи департаментами, губернскими правленіями, палатами и прочими мѣстами неподчиненными, а также съ горными начальниками сносилось *сообщеніями*; во всѣ мѣста подчиненныя, также въ нижніе земскіе суды, въ округѣ которыхъ имѣлись заводы и приписные крестьяне, во всѣ уѣздные суды, магистраты, и ратуши, въ которыхъ производились дѣла, относившіяся до горнаго правленія, посылало къ исполненію *указы*, а отъ нихъ получало *рапорты*.

Такъ какъ всѣ горные заводы (за исключеніемъ Олонецкихъ и Луганскихъ, состоявшихъ подъ управленіемъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Гаскойна, которымъ велѣно остаться на прежнемъ положеніи,—въ главныхъ чертахъ сходномъ съ новымъ,—а также Грузинскихъ и Польскихъ, которые еще не были приведены въ извѣстность) подчинены были вновь учрежденнымъ горнымъ правленіямъ, то за симъ дѣлалось излишнимъ существованіе бергъ-коллегіи и бергъ-конторы: дѣла первой отошли въ горное правленіе Пермское, дѣла послѣдней — въ горное правленіе Московское. Вотъ почему бергъ-коллегію предположено было уничтожить, замѣнивъ ее *Горнымъ департаментомъ министерства финансовъ*; а для рѣшенія старыхъ дѣлъ бергъ-коллегіи и составленія отчетовъ въ суммахъ по 1807 годъ предположено было открыть *Департаментъ бергъ-коллегіи.* [1]) 16 Іюля 1807 г. послѣдовало открытіе горнаго департамента, а на другой день закрыла свое присутствіе бергъ-коллегія и открылъ засѣданія департаментъ ея для рѣшенія старыхъ дѣлъ. [2]) Оба департамента по всѣмъ дѣламъ, требовавшимъ разрѣшенія высочайшаго или правительствующаго сената относились чрезъ государственнаго казначея Голубцова. [3])

Горный депаменттъ состоялъ изъ 2 отдѣленій: *Горной экспедиціи*, вѣдавшей дѣла хозяйственныя и исполнительныя и *Горнаго совѣта*, учрежденнаго для дѣлъ учредительныхъ, законодательныхъ, ученыхъ и искуственныхъ. Штатъ экспедиціи составляли: управляющій, 2 начальника отдѣленій, столоначальники, канцелярскіе чиновники, регистраторъ, экзекуторъ, архиваріусъ и маркшейдеръ (начальникъ состоявшей при департаментѣ чертежной). Горный совѣтъ составляли: управляющій горнаго экспедиціею, 2 совѣтника, 2 начальника отдѣленій горной экспедиціи, командиръ и инспекторъ горнаго корпуса. Сумма на открытіе горнаго департамента

---

[1]) № 22531.
[2]) № 22632.
[3]) № 22600.

взята была (въ количествѣ 5,000 р.) изъ экономической канцелярской суммы бергъ-коллегіи.

Штатъ департамента бергъ-коллегіи для рѣшенія старыхъ дѣлъ составляли: члены—старшій (съ окладомъ 1875 рублей), 2 младшихъ (съ окладомъ по 1200 р.), 3 столоначальника (съ окладомъ по 600 р.), ихъ помощникъ и секретарь (съ окладомъ по 750 р.), протоколистъ (съ окладомъ 500 р.), регистраторъ и архиваріусъ (съ окладомъ по 450 р.). [1])

Въ 1810 году послѣдовало „новое раздѣленіе дѣлъ въ порядкѣ исполнительномъ," совершенное двумя актами: манифестомъ отъ 25 Іюля того же года, гдѣ обозначены были только число и предметы вѣдомствъ и изданнымъ черезъ годъ (25 Іюня 1811 года) общимъ учрежденіемъ министерствъ. При этомъ „попеченіе о распространеніи и поощреніи земледѣлія и промышленности," [2]) завѣдываніе *фабриками и торговлею внутреннею* [3]) отнесено къ вѣдомству Министерства внутреннихъ дѣлъ, а «источники доходовъ,» [4]) завѣдываніе *дѣлами горными и торговлею внѣшнею* [5]) отнесены къ вѣдомству Министерства финансовъ, и такимъ образомъ уничтожено было министерство коммерціи, за отнесеніемъ предметовъ къ другимъ министерствамъ.

Сообразно съ такимъ общимъ распредѣленіемъ дѣлъ по министерствамъ, въ составъ министерства внутреннихъ дѣлъ изъ 1-й экспедиціи отошли всѣ дѣла по промышленности (за исключеніемъ соляныхъ), изъ дѣлъ 2-й экспедиціи—дѣла о торговлѣ и промышленности и вновь поступили: главное правленіе мануфактуръ и всѣ дѣла, вѣдавшіяся во 2-й и 3-й экспедиціи коммерцъ-коллегіи, какъ-то: свѣдѣнія о произведеніяхъ фабрикъ, количествѣ и качествѣ ихъ издѣлій, внутреннемъ ихъ потребленіи и избыткахъ къ отпуску; о торговыхъ путяхъ, числѣ рѣчныхъ и мореходныхъ судовъ,

---

[1]) № 22208.
[2]) № 24307. § 6.
[3]) № 24686. Глава II. § 10.
[4]) № 24307. § 8.
[5]) № 24686. Глава II. § 7.

стахъ удобнѣйшихъ къ ихъ построенію, выгоднѣйшемъ ихъ ходѣ, внутренней нагрузкѣ и складкѣ товаровъ; завѣдываніе штурманскими училищами, купеческими верфями, гостинными и мѣновыми дворами, складочными анбарами, промыслами на Ледовитомъ, Каспійскомъ, Черномъ, и Восточномъ моряхъ; компаніями торговыми, заводскими и фабричными, ярмарками; снабженіе судоходства шкиперами и матросами; изданіе коммерческихъ вѣдомостей; записываніе иностранныхъ купцовъ въ Россійское подданство и наблюденіе за силою манифеста отъ 1 января 1807 года о правахъ купечества. Всѣмъ этимъ завѣдывалъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ департаментъ мануфактуръ и внутренней торговли.

Къ вѣдомству министерства финансовъ отнесены были дѣла горныя и вѣдавшіяся доселѣ въ 1-й и 4-й экспедиціяхъ коммерцъ-коллегіи, какъ-то: 1) переписка съ агентами и консулами по предметамъ торговли, 2) свѣдѣнія о Россійскихъ промыслахъ за границею, заграничныя торговыя предпріятія и экспедиціи, 3) учрежденіе коммерческихъ банковъ, 4) надзоръ за учрежденными по торговымъ дѣламъ нейтральными и ликвидаціонными коммиссіями, 5) таможенное управленіе, ревизія книгъ и документовъ, 6) балансъ привоза и вывоза товаровъ, 7) предположеніе о перемѣнахъ въ тарифѣ, 8) дѣла по транзитной торговлѣ вообще, 9) сношенія съ начальниками портовыхъ городовъ по предметамъ внѣшней торговли и таможенъ и 10) всѣ коммерческія зданія, принадлежащія къ таможнямъ, привозу и отвозу товаровъ (исключая строенія, относящіяся къ складкѣ внутренней). Всѣ эти дѣла распредѣлены были по двумъ департаментамъ: относившіяся до внѣшней торговли переданы въ департаментъ *внѣшней торговли*, а горныя—въ департаментъ *Горныхъ и соляныхъ дѣлъ*, переименованный въ 1811 году изъ департамента *Горнаго*.[1])

Къ департаменту горныхъ и соляныхъ дѣлъ совѣтъ министерства финансовъ признавалъ необходимымъ присоединить

[1]) № 24927.

и департаментъ бергъ-коллегіи подъ названіемъ *Временнаго счетнаго отдѣленія*;—такъ какъ находившіяся въ немъ дѣла апелляціонныя были окончены, и оставались одни дѣла по распоряженію суммами и развозкѣ металловъ и денежные отчеты по 1812 годъ. Совѣтъ предполагалъ также учредить при С.-Петербургскомъ монетномъ дворѣ особую комиссію для обревизованія книгъ и счетовъ закрытаго (въ 1811 году 13 октября) монетнаго департамента съ 1796 года, и на содержаніе ея назначить сумму въ 8.800 рублей. Но министръ финансовъ графъ Гурьевъ призналъ болѣе сообразнымъ съ самымъ существомъ счетныхъ дѣлъ и полезнымъ для казны и ревизію по монетному двору возложить на временное счетное отдѣленіе и предписалъ департаменту горныхъ и соляныхъ дѣлъ составить временному счетному отдѣленію примѣрный штатъ. Во исполненіе предписанія министра, департаментъ раздѣлилъ отдѣленіе на два стола: одинъ для дѣлъ заводскихъ, другой для дѣлъ монетныхъ, составилъ ему примѣрный штатъ, по которому ежегодная на содержаніе сумма должна была отпускаться въ размѣрѣ 31.200 рублей. Министръ между тѣмъ отнесся къ Государственному контролеру съ просьбою увѣдомить его, не признаетъ ли онъ полезнымъ опредѣлить съ своей стороны во временное счетное отдѣленіе оберъ контролера съ помощникомъ. Государственная экспедиція для ревизіи счетовъ признала предлагаемую министромъ финансовъ мѣру полезною тѣмъ болѣе, что отчеты по горной и монетной частямъ должны бы были быть представлены въ Государственный контроль за 10 слишкомъ лѣтъ (съ 1812 года) и это упущеніе повлекло бы за собою въ противномъ случаѣ остановку въ текущихъ дѣлахъ контроля и породило бы громадную переписку между имъ и вѣдомствомъ горнымъ. Государственный совѣтъ, на усмотрѣніе котораго представлено было все это дѣло, согласился съ представленіемъ министра финансовъ о необходимости присоединенія къ департаменту горныхъ и соляныхъ дѣлъ подъ названіемъ временнаго счетнаго отдѣленія и мнѣніемъ своимъ положилъ утвердить представленный министромъ штатъ, но съ тѣмъ, чтобы временное отдѣленіе окончило всѣ свои

дѣла непремѣнію въ четыре года. 17 февраля 1825 года мнѣніе Государственнаго совѣта удостоено было высочайшаго утвержденія. [1]) Такимъ образомъ, штатъ временнаго счетнаго отдѣленія составляли: начальникъ отдѣленія (съ окладомъ 4000 р.), оберъ контролеръ (съ окладомъ 3500 р.), его помощникъ (съ окладомъ 2000 р.), контролеръ, бухгалтеръ (съ окладомъ каждому по 2500 р.) и 6 ихъ помощниковъ (съ окладомъ каждому по 1500 р.). Положенную на содержаніе личнаго состава, на канцелярскіе расходы, на наемъ и содержаніе дома (всего въ количествѣ 36,700 руб.) сумму составили: 1) 14,725 рублей, отпускавшіеся по штату на департаментъ бергъ-коллегіи; 2) остаточные отъ штатныхъ суммъ департамента горныхъ соляныхъ дѣлъ 4,375 руб.; 3) 8,900 рублей, положенные на предполагавшуюся особую коммиссію для образованія монетныхъ счетовъ и книгъ; 4) 2800 руб., ассигнуемые на наемъ для департамента бергъ-коллегіи дома и 5) 6000 рублей, отпускаемые изъ Государственнаго казначейства.

Но за отнесеніемъ торговли внѣшней къ вѣдомству министерства финансовъ, а внутренней къ министерству внутреннихъ дѣлъ,—еще не тотчасъ упразднена была коммерцъ-коллегія. До опредѣленія особаго порядка для дѣлъ тяжебныхъ и судныхъ по таможенной части, какія производились въ коммерцъ-коллегіи и на основаніи 238 и 239 статей общаго учрежденія министерствъ не могли принадлежать департаменту внѣшней торговли, въ 1811 году (именнымъ указомъ отъ 2 октября) учрежденъ былъ *Временный департаментъ коммерцъ-коллегіи*, на который и была возложена обязанность доканчивать дѣла нерѣшенныя, обревизовать таможенные счеты и документы по 1812 годъ и разбирать тяжебныя и судебныя дѣла, поступающія по апелляціямъ изъ инстанцій низшихъ. [2]) Онъ и открытъ былъ 9 ноября, на

[1]) № 30239.
[2]) № 24801.

другой день послѣ того, какъ упразднена была самая коллегія. [1]) Личный составъ его былъ слѣдующій: членъ старшій (съ окладомъ 1200 р.), 3 младшихъ (съ окладомъ каждому по 900 р.), 2 секретаря (съ окладомъ каждому по 600 руб.), 2 камерира, переводчикъ, экзекуторъ, казначей (съ окладомъ каждому по 500 р.), протоколистъ (съ окладомъ 400 руб.), регистраторъ (съ окладомъ 300 р.) и служители канцелярскіе .Существованіе временнаго департамента коммерцъ-коллегіи продолжалось недолго: въ 1823 году онъ былъ закрытъ, а для производившихся въ немъ дѣлъ учреждено было при департаментѣ внѣшней торговли *судебное отдѣленіе.* [2])

Еще съ 1819 года департаментъ мануфактуръ и внутренней торговли причисленъ къ министерству финансовъ [3])—и такимъ образомъ, въ вѣдѣніе этаго министерства отошли всѣ дѣла, по промышленности горнозаводской, мануфактурной и торговой.

Горнозаводствомъ завѣдывалъ *Департаментъ горныхъ и соляныхъ дѣлъ*, раздѣлявшійся на 8 отдѣленій: 1) монетное, 2) казенныхъ горныхъ заводовъ, 3) частныхъ горныхъ заводовъ, 4) частныхъ золотыхъ промысловъ, 5) добыванія солей и минераловъ, 6) продовольствія государства солью, 7) счетное и 8) судное. Но въ 1863 году повелѣно: состоявшія въ этомъ департаментѣ два отдѣленія по соляной части и столы по этой же части счетнаго отдѣленія присоединить къ департаменту разныхъ податей и сборовъ, тогда же переименованному въ Департаментъ неокладныхъ сборовъ, вслѣдствіе чего департаментъ горныхъ и соляныхъ дѣлъ и былъ переименованъ въ *Департамечтъ горный.* [4])

Мануфактурами и торговлею также завѣдуетъ министерство финансовъ, и именно: *Департаментъ мануфактуръ и внутренней торговли и Департаментъ внѣшней торговли.* Пер-

---

[1]) Собр. узак. № 258.
[2]) № 27964.
[3]) № 29717.
[4]) № 24938.

вый состоялъ изъ 3 отдѣленій: 1) мануфактурнаго, 2) внутренней торговли и 3) счетнаго; второй изъ 5 отдѣленій: 1) торговыхъ внѣшнихъ сношеній, 2) таможеннаго управленія, 3) конфискаціоннаго, 4) суднаго и 5) счетнаго. Въ 1864 году повелѣно: передать въ департаментъ мануфактуръ и внутренней торговли: а) изъ департамента неокладныхъ сборовъ дѣлопроизводство, относящееся до выдачи торговыхъ свидѣтельствъ и билетовъ и до поступающаго къ нему за оные сбора; б) изъ департамента внѣшней торговли отдѣленіе внѣшнихъ торговыхъ сношеній, за исключеніемъ той части онаго, которая относится собственно до таможеннаго и карантиннаго управленія и дѣла по завѣдыванію биржевыми учрежденіями и по надзору за бракомъ товаровъ и в) изъ особенной канцеляріи по кредитной части дѣла по части проэктовъ желѣзныхъ дорогъ,—и затѣмъ переименовать департаменты—внѣшней торговли въ *Департаментъ таможенныхъ сборовъ*, а мануфактуръ и внутренней торговли въ *Департаментъ торговли и мануфактуръ*, а распредѣленіе дѣлъ по отдѣленіямъ и столамъ въ каждомъ изъ означенныхъ учрежденій предоставить ближайшему усмотрѣнію министра финансовъ. [1])

Обозрѣвая перемѣны въ управленіи промышленностью и торговлею, мы пришли къ тому убѣжденію, что самая благопріятная для ихъ развитія пора была та, когда онѣ состояли подъ управленіемъ коллегій,—а уничтоженіе коллегій (какъ напр. уничтоженіе бергъ-коллегіи Екатериною II) вело къ результатамъ самымъ жалкимъ. Успѣхи промышленности и торговли въ настоящее время, когда высшій надзоръ за торговлею, мануфактурами и горнозаводствомъ соередоточенъ въ одномъ министерствѣ финансовъ, завѣдывающемъ при-

[1]) №№ 40862 и 41374.

томъ ими не исключительно, а совмѣстно съ завѣдываніемъ податями и сборами и надзоромъ за движеніемъ казенныхъ суммъ,—обусловливаются между прочимъ существованіемъ при министерствѣ трехъ особыхъ *Совѣтовъ*: *мануфактурнаго, коммерческаго и горнаго*, изъ которыхъ первые два вполнѣ, составомъ и родомъ ввѣренныхъ имъ дѣлъ, и совѣщательнымъ способомъ ихъ рѣшенія, и степенью ввѣренной имъ власти, напоминаютъ прежнія мануфактуръ-коллегію, коммерцъ-коллегію и бергъ-коллегію въ разные періоды ихъ существованія.

А. Богословскій.

ОБЪ ОХРАНИТЕЛЬНОМЪ СУДОПРОИЗВОДСТВѢ. *)

О ВЫКУПѢ РОДОВЫХЪ ИМѢНІЙ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Выкупъ родовыхъ имѣній по дѣйствующему уставу гражданскаго судопроизводства относится къ охранительному судопроизводству, безъ сомнѣнія потому, что законодателю казалась тѣсною связь между выкупомъ и правомъ наслѣдованія. Эта связь сознавалась въ нашемъ законодательствѣ за долгое время, предшествовавшее обнародованію уставовъ 20 ноября 1864 г. Право выкупа въ томъ видѣ, въ какомъ оно признано дѣйствующимъ, современнымъ намъ законодательствомъ появилось не вдругъ и заключаетъ въ себѣ начала сознаваемыя прежде и проводимыя памятниками законодательства въ правовое сознаніе народа. Говоря сравнительно, постановленія о выкупѣ являются довольно поздно, именно въ первый разъ о правѣ выкупа упоминается въ Псковской Судной Грамотѣ. „А кто у кого иметъ землю отымати выкупкомъ, а старые грамоты у того человѣка у кого землю отымаютъ, ино воля того человѣка, у кого старые грамоты: хочетъ на поле лѣзетъ, или своего истца къ правдѣ ведетъ, на его выкупки покуду отнимаютъ.“ По поводу этого текста памятника г. Зигельманъ (Гражд. Законы. Псковск. Судн. Грамота стран. 33)

---

*) Юрид. Вѣстн. 1871 г. №№ 4 и 7.

представляетъ слѣдующія объясненія: „особенный видъ купли-продажи составляетъ выкупъ. Въ древнѣйшія времена у насъ договоръ купли-продажи, какъ нынѣ его понимаютъ, т.-е. окончательный переходъ права собственности на вещь вмѣстѣ съ самою вещью отъ одного лица къ другому не существовалъ. При совершеніи купли-продажи всегда само собою подразумѣвалось, что продавецъ сохраняетъ право выкупа, и не онъ только одинъ, но и его законные наслѣдники. Такъ оно было безъ сомнѣнія и во Псковѣ, въ древнѣйшія времена. Но по мѣрѣ утвержденія здѣсь самостоятельности и крѣпости договора купли-продажи, право выкупа должно было терять во Псковѣ свое прежнее безусловное значеніе. Въ Псковской Судной Грамотѣ выкупъ признается уже правомъ обусловленнымъ въ формахъ своихъ временемъ. Именно постановлено, что споръ о правѣ выкупа земли, если со времени продажи ея прошло уже довольно продолжительное время, и владѣлецъ получилъ ее отъ покупщика по наслѣдству (на что указываетъ выраженіе „старые грамоты“) рѣшается по избранію владѣльца, или „полемъ“, или присягой истца желающаго выкупить имѣніе. Примѣчаніе. Вѣроятно во Псковѣ существовалъ извѣстный срокъ для выкупа земель. Если желающій выкупить извѣстное имущество не имѣлъ письменныхъ доказательствъ на свое право, то настоящій владѣлецъ имѣнія могъ требовать, чтобы онъ подтвердилъ полемъ или присягою то обстоятельство, что не истекъ еще срокъ выкупа, въ силу котораго онъ выкупаетъ у него это имущество. Но если даже и не предполагать, что существовалъ извѣстный срокъ выкупа, то показаніе подъ присягою съ какого времени выкупающій ведетъ свое право и на чемъ основываетъ его, было необходимымъ условіемъ права выкупа. При выкупѣ имущества, заложеннаго нѣсколькимъ кредиторамъ выкупная сумма раздѣляется между ними соотвѣтственно ихъ требованіямъ, которыя должны основываться на записяхъ, въ противномъ случаѣ имѣющіяся и по этимъ требованіямъ закладныя грамоты должны быть подтверждаемы присягою. Это постановленіе ничто иное, какъ примѣненіе къ частному случаю того общаго правила, что

въ случаѣ неизвѣстности, въ точности, цѣны, за которую выкупаемое имущество было продано въ чужія руки безъ совершенія письменнаго договора, цѣна эта опредѣляется по показанію владѣльца, данному подъ присягою". Мысль высказанная г. Зигельманомъ находитъ себѣ подтвержденіе въ словахъ Неволина (Исторія Россійск. Гражд. Законовъ) по предмету выкупа. „Кажется въ древнія времена недвижимыя имущества весьма рѣдко были отчуждаемы навсегда. Доказательствомъ этому можетъ служить недостатокъ у нашихъ предковъ слова, означающаго вѣчное отчужденіе имущества. Выраженія: продавать и покупать имущество, имѣли тогда, какъ мы уже объясняли, смыслъ весьма обширный и означали всякую передачу однимъ лицомъ другому своего имущества за деньги, было ли имущество передаваемо въ потомственную собственность, или только во временное владѣніе. По этой рѣдкости отчужденія недвижимыхъ имуществъ, равно какъ и по двусмысленности выраженія его означавшаго, предполагалось, что если въ актѣ продажи не были употреблены извѣстныя выраженія, которыя означали передачу имущества новому пріобрѣтателю въ вѣчное и потомственное владѣніе оно считалось уступленнымъ во временное владѣніе, впредь до выкупа его или самимъ прежнимъ владѣльцемъ или его наслѣдниками. Почему при всякой продажѣ недвижимаго имущества выкупъ его самимъ лицомъ отчуждающимъ, или, по смерти его, наслѣдниками, въ древнія времена разумѣлся самъ собою. Для уничтоженія права выкупа требовалось, чтобы отчуждающій отъ него отказался. Этотъ отказъ могъ быть сдѣланъ употребленіемъ въ актѣ разныхъ придаточныхъ и описательныхъ выраженій, какъ-то продать вмѣстѣ съ своими дѣтьми, продать такому-то лицу и его дѣтямъ, продать въ прокъ, въ вѣкъ, въ одерень. Но онъ могъ быть сдѣланъ и прямо. Дѣйствительно, въ древнихъ купчихъ на недвижимыя имущества весьма часто замѣчается, что продавецъ или покупщикъ продалъ или купилъ безъ выкупа". Сдѣланной нами выписки полагаемъ достаточно, чтобы показать коренное отличіе древнихъ понятій отъ современныхъ. Отмѣтимъ впрочемъ признаки различія. Выкупъ самъ собою предполагается

независимо отъ того, будетъ ли имѣніе родовое или благопріобрѣтенное, можно было выкупить имѣніе самому продавцу, можно было отказаться отъ выкупа за себя и наслѣдниковъ употребивъ извѣстное выраженіе въ купчей. Все вышеизложенное относится до выкупа вообще и повидимому не имѣетъ отношенія въ частности къ выкупу родовыхъ имѣній (родственному выкупу), тѣмъ болѣе, что Неволинъ перечисляя виды выкупа въ исторіи нашего права относитъ выкупъ родовыхъ имуществъ къ шестому и притомъ самому важнѣйшему виду выкупа. Но трудно себѣ представить, чтобы выкупъ, вообще признаваемый въ извѣстную эпоху за норму, не оказывалъ вліянія на одинъ изъ своихъ видовъ, къ которому относится родственный выкупъ. Ясныя и достовѣрныя свидѣтельства о выкупѣ родственниками родовыхъ имуществъ, перешедшихъ къ чужеродцамъ, не восходятъ далѣе первой половины XVI столѣтія, говоритъ Неволинъ. Сюда относятся, отпечатанная въ актахъ юридическихъ подъ № 134 выкупная грамота Петру Игумному 1547 г. апрѣля 16-го, на вотчину его, дворъ, пожни и рыбныя ловли въ Яренской волости, отчужденныя братомъ его, и отпечатанная Сондуновымъ правая грамота по дѣлу о выкупѣ производившемуся въ 1559 году, въ которой включена еще другая правая грамота по такому же дѣлу, писанная 1550 г. іюня 15-го. Первый законъ о выкупѣ родственниками родовыхъ имуществъ, перешедшихъ въ чужіе роды, находится въ Судебникѣ Іоанна IV, изданномъ въ іюнѣ 1550 г. (Неволинъ Ист. Гр. Зак.) Такимъ образомъ, если Псковская Судная Грамота, первая изъ законодательныхъ памятниковъ упоминаетъ о выкупѣ вообще, то Судебникъ Іоанна IV впервые, по удостовѣренію Неволина, заявляетъ существованіе или признаніе родственнаго выкупа. Отсюда понятно, какое важное значеніе имѣетъ для насъ Псковская Судная Грамота. Что же такое эта грамота,—познакомимся съ нею со словъ одного изъ лучшихъ знатоковъ исторіи законодательства. Псковская грамота есть сборникъ узаконеній города Пскова, начиная съ В. князя Александра Михаиловича Тверскаго и кончая узаконеніями князя Константина, сборникъ разныхъ псковскихъ

пошлинъ утвержденныхъ на общемъ Вѣчѣ города Пскова, какъ сказано въ самой грамотѣ: „Сія грамота выписана изъ великаго князя Александрова грамоты и изъ княжь Константинова грамоты и изо всѣхъ приписокъ псковскихъ пошлинъ по благословенію отецъ своихъ поповъ всѣхъ пяти соборовъ и священно-иноковъ и діаконовъ и всего Божіяго священства всѣхъ псковянъ на Вѣчѣ, въ лѣто 6905“ т.-е. 1397 (вѣрнѣе принимать 1497). До псковской грамоты ни въ одномъ законодательномъ памятникѣ мы не встрѣчаемъ закона о выкупѣ. Псковская грамота признавая помѣстное и вотчинное владѣніе землею, строго воспрещаетъ продавать помѣстныя земли, какъ не составляющія частной собственности владѣльца *). Въ грамотѣ говорится: если помѣщикъ будетъ уличенъ въ продажѣ данной ему на прокормленіе земли или сада, то долженъ выкупить ихъ, возвратить обществу и по суду лишался кормленія. Касательно поземельнаго владѣнія псковскій законъ упоминаетъ о выкупѣ земель, т.-е. о тѣхъ условіяхъ, по которымъ старый хозяинъ могъ выкупить свою землю у новаго владѣльца (продавецъ у покупщика). Для этого требовалось, чтобы предъявившій искъ на землю, имѣлъ грамоту старше, нежели владѣющій. Въ противномъ случаѣ выкупъ недопускался и если истецъ продолжалъ искъ, то предоставлялось на волю владѣвшаго или рѣшить дѣло судебнымъ поединкомъ или вести истца къ присягѣ. Вторымъ законодательнымъ памятникомъ какъ мы видѣли послѣ Псковской Судной Грамоты былъ Судебникъ Ивана IV. Въ памятникѣ этомъ впервые упоминается о родственномъ выкупѣ. Въ ст. 85 сказано: „А о вотчинахъ судъ. Кто вотчину продаетъ и дѣтемъ его и внучатамъ до тоѣ отчины дѣла нѣтъ, и не выкупити ее имъ; а братья будутъ или племянники въ тѣхъ купчихъ въ послусѣхъ и имъ и ихъ дѣтемъ и внучатамъ до тоѣ отчины потому жъ дѣла нѣтъ. А не будетъ

*) Помѣстными землями назывались тѣ, которыя князь раздавалъ дружинникамъ вмѣсто жалованья. Онѣ (земли) давались безъ права продажи или передачи по наслѣдству. Слѣдовательно въ помѣстныхъ земляхъ правъ собственности не признавалось, а только право воздѣлыванія. Въ первый разъ о помѣстныхъ земляхъ упоминается въ Исландскихъ сагахъ.

братьи въ послусѣхъ, или племянниковъ: и братья или сестры, или племянники ту отчину выкупятъ. А станетъ тотъ купецъ ту отчину продавати и тѣмъ продавцомъ ту вотчину у нихъ купити полюбовно, какъ ему тотъ продавецъ ту вотчину продастъ; а не полюбовно ему вотчины не выкупити. А судити о вотчинѣ за сорокъ лѣтъ; а далѣ сорока лѣтъ вотчичемъ до вотчины дѣла нѣтъ, и до купель дѣла нѣтъ; а кто куплю продастъ и дѣтемъ и братьѣ и племянникомъ тоѣ купли не выкупити. А кто напишетъ свою куплю дѣтемъ своимъ послѣ своего живота, имъ та вотчина: то имъ держати въ вотчину и впередъ имъ та вотчина выкупити, по тому жъ указу за вотчину. А кто вотчину свою выкупитъ въ тѣ урочные сорокъ лѣтъ и та ему вотчина держати за собою и иному ему тоѣ вотчины не продати, ни заложити въ чужой родъ; а отдати ему та вотчина въ свой родъ, по тому жъ, кого въ прежнихъ купчихъ въ послусѣхъ нѣтъ. А кто выкупитъ вотчину чужими деньгами, или заложитъ, или продастъ, а доведетъ на него продавецъ, что онъ выкупилъ чужими деньгами и держитъ ее не за собою, и та вотчина прежнему продавцу безденежно. А кто похочетъ впередъ свою вотчину, мимо вотчичевъ, заложити у сторонняго человѣка и тѣмъ стороннимъ людемъ невотчичемъ, тѣ вотчины имати въ толкѣ, чего та вотчина стоитъ. А возьметъ кто сторонній человѣкъ, а не вотчичь вотчину въ закладъ, больше тоѣ цѣны, чего та вотчина стоитъ и кто вотчичь учнетъ бити челомъ, что закладываетъ, или уже заложилъ, въ чужой родъ и тому вотчичу та вотчина въ закладъ взяти, въ мѣру, чего та вотчина стоитъ, и что тотъ денегъ въ займы далъ лишекъ, больше тоѣ цѣны, чего та вотчина стоитъ и у того тѣ деньги пропали. А кто свою вотчину промѣнитъ невотчичу, а приметъ денегъ, и кто вотчичъ учнетъ ту вотчину выкупати и тому та вотчина выкупити и земли ему оставите въ мѣру столько, сколько онъ своей земли промѣнилъ“ (Собраніе важнѣйшихъ памятниковъ по исторіи древняго русскаго права. С.-Петербургъ 1859 г. Лазаревскій и Утинъ, стран. 253—256). Это постановленіе отличается замѣчательною подробностью и ясностью изложенія. Въ немъ

опредѣляются: 1) лица имѣющія и не имѣющія права выкупа, имущества подлежащія выкупу (вотчины, а не купленыя имѣнія), случаи выкупа, срокъ выкупа, цѣна платимая при выкупѣ, обязанности лежащія на лицѣ, воспользовавшемся правомъ выкупа (выкупившій не можетъ ни продать ни заложить ее (выкупленую отчину) въ чужой родъ, а имѣетъ только право отдать ее въ свой родъ, но единственно такимъ родственникамъ, которые не значатся въ числѣ свидѣтелей на купчей. Въ періодъ времени отъ Судебника Ивана IV до Уложенія Алексѣя Михайловича, выкупъ подвергся нѣкоторымъ измѣненіямъ, которыя всѣ перечислены и приведены въ Исторіи Россійскихъ Гражданскихъ Законовъ Неволина. Уложеніе точно также какъ и Судебникъ упоминаетъ о лицахъ имѣющихъ право выкупа, имуществахъ подлежащихъ выкупу, случаяхъ выкупа, срокѣ выкупа, цѣнѣ выкупа, подсудности дѣлъ о выкупѣ, вознагражденіи за новоприбылое строеніе. Въ Уложеніи встрѣчаемъ ясно формулированное ограниченіе въ распоряженіи помѣстными землями, напр. въ ст. 9 главы 17-й сказано: „А продавати помѣстные земли въ вотчину по Государеву именному указу, кого Государь пожалуетъ, а безъ Государеви имяннаго указу помѣщикамъ помѣстныхъ ихъ земель въ вотчину никому не продавати". Ст. 27 „А кто вотчину родовую или выслуженную продастъ, или заложитъ, его дѣтямъ и внучатамъ до тое вотчины дѣла нѣтъ, и на выкупъ имъ тое вотчины не давати. А будетъ у того продавца будутъ братья или племянники, а къ купчей или закладной тѣ его братья и племянники руки свои приложатъ, и имъ и ихъ дѣтямъ и внучатамъ до тое вотчины впредь по тому же дѣла нѣтъ. А которыхъ братей и племянниковъ у купчихъ и у закладныхъ рукъ не будетъ, и тѣмъ братьямъ и племянникамъ тѣ вотчины выкупати по купчимъ и по закладнымъ, въ чемъ которая вотчина продана или заложена, а не почетвертямъ. А что сверхъ купчихъ и закладныхъ у кого въ вотчинѣ прибыло дворовъ крестьянскихъ, и въ нихъ людей и росчистные пашни и сѣнныхъ покосовъ изъ лѣсные поросли, и за то прибылое вотчинное строеніе вотчинникамъ кто учнетъ выкупати платити тѣмъ людямъ, у кого они тѣ

вотчины учнутъ выкупати по суду и по сыску за крестьянскій дворъ съ людьми 50 руб. За распашную землю, которой расчищено вновь изъ лѣсные поросли по три рубля за десятину. За сѣнные покосы, которые росчищены вновь изъ лѣсные же поросли, по два рубля за десятину. А за церковное строеніе и за боярскіе и за людскіе дворы и за мельничное и за прудовое строеніе платити деньги, смотря по строенію и по оцѣнкѣ сторонних людей". Въ ст. 28: „А въ которой вотчинной купчей или въ закладной написано будетъ, что за вотчинное строеніе тѣмъ людямъ, кто учнетъ выкупати, и по тѣмъ купчимъ и по закладнымъ за прибылое вотчинное строеніе тѣмъ людямъ, у кого тѣ вотчины учнутъ выкупати, имати деньги у тѣхъ людей, которыя у нихъ тѣ вотчины учнутъ выкупати по купчимъ и по закладнымъ". Ст. 29: „А будетъ у котораго вотчинника учнетъ кто вотчину выкупати, а въ той вотчинѣ будутъ сверхъ купчей прибылые дворы, а въ тѣхъ дворѣхъ поселятся крестьянскіе дѣти или братья или племянники, которыя въ купчей написаны, а не новоприбылые люди. А въ купчей или въ закладной написаны они со отцы своими и съ братьями или съ дядьями вмѣстѣ, а не въ раздѣли, и тѣхъ крестьянъ въ прибылыя не ставити потому что они тое вотчины старые крестьяне, а не вновь пришли". Ст. 30: „А судити о вотчинѣ за 40 лѣтъ, а которые вотчины будутъ въ куплѣ или въ закладѣ больше 40 лѣтъ а вотчинники о такихъ вотчинахъ учнутъ послѣ 40 лѣтъ бити челомъ на выкупъ, и такихъ вотчинъ послѣ указанныхъ 40 лѣтъ на выкупъ никому не давати". Ст. 38: „А будетъ кто кому вотчину продастъ, или заложитъ и просрочитъ, и купчую или закладную кабалу на тое вотчину въ книги запишетъ, и послѣ того измѣнитъ, изъ Московскаго Государства отъѣдетъ въ иную землю, и тому кто у него ту вотчину купитъ, владѣти тою вотчиною безъ выкупу, потому что онъ у того измѣнника ту вотчину купилъ до его измѣны; а роду того измѣнника той вотчины на выкупъ не отдавати". Ст. 39: „А будетъ кто учнетъ владѣти измѣничьею вотчиною, а купчей или закладной на ту вотчину не положитъ, а срокъ той вотчинѣ прошолъ, а въ книги купчая или

закладная не записана, и у него та измѣнничья вотчина взять на Государя для того, что онъ ту вотчину купя, или взявъ въ закладъ на срокъ и послѣ сроку, который срокъ въ закладѣ написанъ, за собою въ книги не записалъ". Ст. 40: „А будетъ такой измѣнникъ заложа вотчину до сроку отъѣдетъ, и та вотчина у того, у кого она будетъ заложена, взяти на Государя, а деньги ему по закладной отдати изъ животовъ того измѣнника". Важнѣйшимъ узаконеніемъ послѣ уложенія 1649 году былъ указъ о единонаслѣдіи 1714 г. марта 23: 1) выкупъ вотчинъ, помѣстій и прочихъ недвижимыхъ имуществъ долженъ быть дѣлаемъ ближайшими по линіи къ такимъ имуществамъ наслѣдниками, а не кадетами ихъ; 2) за новоприбылое строеніе слѣдуетъ платить при выкупѣ всегда по оцѣнкѣ, а законъ, которымъ, въ случаѣ постановленнаго о томъ условія, дозволялась платить за такое строеніе по сказкѣ покупщика или закладодержателя, долженъ считаться отмѣненнымъ. Историческая оцѣнка этого указа сдѣлана Неволинымъ (Ист. Росс. Гр. Зак.). Съ распространеніемъ на основаніи этого указа права выкупа на всѣ недвижимыя имущества, къ которымъ отнесены были кромѣ вотчинъ еще помѣстья, дворы и лавки, выкупъ дѣлался установленіемъ общимъ для всѣхъ сословій, которыя могли обладать тѣмъ или другимъ родомъ недвижимыхъ имуществъ. Кромѣ того, такъ какъ наслѣдство по закону теперь учреждено было на другихъ началахъ, то и къ выкупу призывались родственники по началамъ отличнымъ отъ прежнихъ. По прежнимъ законамъ нѣкоторые родственники исключались отъ права выкупа; тѣ, которымъ оно ближайшимъ образомъ принадлежало, такимъ же образомъ вмѣстѣ призывались къ наслѣдству; если бы ближайшіе наслѣдники не захотѣли воспользоваться правомъ выкупа, не было запрещено имъ воспользоваться дальнѣйшимъ родственникамъ. Законъ Петра Великаго давалъ право выкупа исключительно тому одному родственнику продавца, который былъ законнымъ его наслѣдникомъ по новому порядку наслѣдія, слѣдовательно изъ многихъ лицъ, равно близкихъ къ продавцу, старшему

между ними, а не кадету, этотъ родственникъ имѣлъ право одинъ выкупить все имущество.

Императрица Анна Іоановна указомъ 1731 г. марта 17 отмѣнила единонаслѣдіе, но ничего при этомъ не постановила о выкупѣ.

Первый законъ сюда относящійся, былъ изданъ въ 1737 году, законъ важнѣйшій въ ряду постановленій о выкупѣ. Онъ сократилъ срокъ выкупа, и, будучи вызванъ постановленіемъ Петра Великаго чтобы за новоприбылое строеніе было платимо при выкупѣ по оцѣнкѣ, а не по сказкамъ продавцевъ или закладчиковъ, смягчилъ до крайней степени силу этого постановленія. По всей справедливости онъ долженъ быть почитаемъ началомъ новаго законодательства о выкупѣ родовыхъ имуществъ. Причина, по которой признано необходимымъ сократить срокъ выкупа, изъяснена въ самомъ указѣ, которымъ это сокращеніе было сдѣлано. Законъ Петра Великаго, повелѣвшій за новоприбылое строеніе платить при выкупѣ всегда по оцѣнкѣ, а не по сказкѣ покупщиковъ, имѣлъ своимъ послѣдствіемъ раззореніе продаваемыхъ деревень. Движимыя и недвижимыя имущества были оцѣниваемы противъ настоящей цѣны въ половину и менѣе. Поэтому покупщики не только не приводили купленныхъ ими деревень въ лучшее состояніе, но, впродолженіи цѣлыхъ 40 лѣтъ опасаясь, чтобы родственники прежнихъ продавцевъ не выкупили у нихъ имѣнія, разоряли его, дабы у лицъ, имѣющихъ право выкупа отнять всякое желаніе воспользоваться этимъ правомъ. Для устраненія этаго послѣдствія въ 1737 г. назначенъ былъ для выкупа трехлѣтній срокъ. (Ист. Росс. Гражд. Зак.) Относительно выкупа заложенныхъ имуществъ банкротскій уставъ 1800 г. декабря 19 прямо дозволилъ выкупать проданныя съ публичнаго торга по просроченнымъ закладнымъ имѣнія. Въ 1815 г. было вообще и прямо постановлено: проданныхъ съ публичнаго торга имѣній на выкупъ не отдавать. Въ 1817 году относительно предмета выкупа было пояснено что запрещается отдавать на выкупъ только земли ненаселенныя, перешедшія отъ людей одного состоянія къ людямъ другаго, но никакія другія имѣнія подъ

силу сего указа не подходятъ. Что касается до лицъ допускаемыхъ къ выкупу, то онн переименованы въ указѣ 1766 года 29 сентября. Таковы историческія судьбы выкупа изложенныя нами въ краткомъ очеркѣ на основаніи и при непосредственномъ заимствованіи изъ безсмертныхъ трудовъ Неволина (Ист. Росс. Гражд. Зак.). Въ проектѣ гражданскаго уложенія находимъ слѣдующее: „О выкупѣ § 90. Проданную вещь(движимую или недвижимую) выкупить можно тогда токмо, когда въ самой купчей, или въ другой сдѣлкѣ именно то предоставлено. § 91. Срокъ для выкупа не можетъ быть свыше двухъ лѣтъ. § 92. При выкупѣ покупщикъ долженъ отдать вещи въ томъ самомъ состояніи въ какомъ были они при продажѣ, или какъ положено въ договорѣ". (Проектъ Гражданскаго Уложенія. Въ С.-Петербургѣ въ Типографіи Составленія Законовъ). Проекту, какъ извѣстно, не посчастливилось, онъ не осуществился въ дѣйствующее законодательство. Нашъ очеркъ былъ бы не полонъ еслибы къ нему не присоединить общаго возрѣнія на право выкупа съ исторнкодогматической точки зрѣнія относительно древности этого права и значенія родоваго начала. Вотъ что находимъ въ сочиненіи г. Цитовича (Исходные Моменты въ Исторіи русскаго права наслѣдованія. П. Цитовича. Харьковъ 1870 г. стран. 99). Выкупъ, чтобы ни говорили о немъ есть институтъ болѣе поздній, принадлежащій къ тому времени, когда система русскаго наслѣдованія сдвинулась съ семейнаго начала и переставилась на начало родовое, что случилось гораздо позднѣе. Выкупъ далѣе получилъ для себя поощреніе подъ вліяніемъ помѣстной системы, и очень можетъ быть, что на первыхъ порахъ выкупъ выступилъ въ видѣ спора противъ дѣйствительности продажи въ томъ случаѣ, если такая продажа была произведена однимъ членомъ семьи, хотя бы ея главой, безъ согласія на -это другихъ членовъ. Этотъ характеръ спора противъ дѣйствительности сдѣлки, выкупъ до извѣстной степени удерживаетъ и теперь. И такъ мы думаемъ, что въ Русской Правдѣ господствующимъ, если не исключительнымъ типомъ имущественныхъ отношеній предполагается семейная при-

надлежность имущества, родовыхъ имуществъ нѣтъ, а съ ними нѣтъ и благопріобрѣтенныхъ, такъ какъ тѣ и другія возможны только какъ взаимный контрастъ. Относительно родоваго начала въ томъ же сочиненіи г. Цитовича читаемъ слѣдующее: Родовая связь сознается только воспоминаніемъ, преданіемъ, переходящимъ отъ одного поколѣнія къ другому; и чѣмъ меньше поводовъ для проявленія въ сознаніи такой славы, чѣмъ меньше поводовъ для воспоминанія, тѣмъ скорѣе гаснетъ воспоминаніе объ ней, тѣмъ больше и больше она становится неопредѣленною, смутною, тѣмъ болѣе она теряетъ характеръ наглядности и точности, а только съ такимъ характеромъ та или другая связь можетъ быть взята основою какихъ нибудь юридическихъ отношеній. Нужно закрѣплять ее письменными документами, — способъ возможный гораздо позднѣе, когда въ той или другой формѣ будутъ введены родословныя книги; когда родъ станетъ генеалогической схемой. Воспоминаніе сильно лишь тогда, когда оно постоянно подновляется напоминаніемъ. У народа пока никто не додумался за него до хитрости въ родѣ родословныхъ книгъ, напоминаніемъ родовой связи можетъ быть прежде всего постоянное топографическое сосѣдство родичей; тутъ между прочимъ, получаетъ огромную важность такой памятникъ прошлаго, какъ могилы предковъ. Въ самомъ дѣлѣ, тамъ, гдѣ родовая связь сильна, гдѣ она лежитъ въ основѣ даже политическихъ учрежденій (римская gens), мы видимъ что могилы предковъ играютъ огромную роль: они возводятся на степень священныхъ предметовъ; violatio sepulcri берется подъ охрану римскаго претора (actio de sepulcro violato); извѣстно сколько спеціальныхъ нормъ для родовыхъ гробницъ дано въ германскомъ правѣ и т. д. (стран. 127). Филологическія соображенія по поводу слова „родъ“, никакъ не замѣняютъ собою отсутствіе учрежденій рода; что же касается до терминологіи разговорнаго языка, обозначающей родственную связь, то едва ли и изъ нея можно вывести рѣшительныя догадки въ пользу того, будто родственная связь сознавалась и до сихъ поръ сознается какъ связь родовая—и т. д. (ibid. стр. 129). Такимъ образомъ мы

видимъ теперь гдѣ кроется первый поводъ, исходный моментъ возникновенія и примѣненія родоваго начала. Въ особенности на этомъ исходномъ моментѣ можно наблюдать его въ Псковской Судной Грамотѣ, здѣсь оно, если можно такъ выразиться, еще колеблется въ своей самостоятельности, оно не разъ выставляется во всей фактической обстановкѣ своего повода, на который мы указали выше. Но впослѣдствіи оно достигаетъ такой силы, что развиваетъ изъ себя цѣлый институтъ выкупа, и кто знаетъ на чемъ бы остановилосьразвитіе этого института, если бы на первыхъ же порахъ онъ не былъ замкнутъ въ цѣлую систему затрудненій вмѣшавшейся въ дѣло законодательной властью. Какъ бы то ни было, но въ эпоху, которую мы разсматриваемъ здѣсь семейное начало было господствующимъ (Сергіевичъ. Вѣче и Князь. стр. 45) и т. д. (стран. 144).

Виды выкупа. Кромѣ выкупа вообще, объ которомъ было говорено выше, Неволинъ въ Исторіи насчитываетъ еще 5 видовъ выкупа включая въ это число и выкупъ родовыхъ имѣній. Такъ напр. вторымъ видомъ выкупа онъ признаетъ выкупъ вотчинъ, отказанныхъ въ церковь по душѣ. *) Третій

---

*) См. ст. 42 глава 17 Уложенія 1649 г. Въ 42 ст. Уложенія 1649 г. между прочимъ постановлено: ..... указалъ и соборомъ уложили впредь съ нынѣшняго уложенія Патріарху и Митрополитомъ, и Архіепископомъ, и Епископомъ, и въ монастыри ни у кого родовыхъ, и выслуженыхъ, и купленыхъ вотчинъ не покупать, и въ закладъ не имать, и за собою не держать. И по душамъ въ вѣчной поминокъ не имать, и за собою не держать. И въ помѣстномъ приказѣ, за Патріархомъ, и за Митрополиты, и за Архіепископы, и Епископы, и за монастыри такихъ вотчинъ не записывать. А вотчинникомъ никому вотчинъ въ монастыри не давати. А кто и напишетъ вотчину въ монастырь въ духовной, и тѣхъ вотчинъ въ монастыри по духовнымъ не давати. А дати въ монастырь родителемъ ихъ денги, чего та вотчина стоитъ, или что умершей вотчинѣ цѣну напишетъ въ духовной. А будетъ родители тое вотчины себѣ взяти не похотятъ, и денегъ въ монастырь не заплатятъ и ту вотчину прикащикамъ продать стороннимъ людемъ, а денги дать въ монастырь по умершей душѣ по духовной. А будетъ кто съ сего уложенія вотчину свою родовую, или выслуженную, или купленную продастъ или заложитъ, или по душѣ отдастъ Патріарху, или Митрополиту, или Архіепископу, или Епископу, или въ которой монастырь, и та вотчина взять на Государя безденежно, и отдать въ роздачю челобитчикомъ, кто той вотчинѣ учнетъ Государю бити че-

видъ выкупа, заключался въ томъ, что Князья московскаго дома договорами между собою обязывались не покупать земель, принадлежащихъ лицамъ извѣстныхъ нисшихъ разрядовъ, и по отношенію къ такимъ землямъ уже прежде купленнымъ боярами одного князя въ другомъ княжествѣ, давали продавцамъ право выкупа. Четвертый видъ выкупа: Въ 1653 г. Каргопольскимъ и Тургасовскимъ крестьянамъ дозволено было записанные за ними по писцовымъ книгамъ и проданные или заложенные ими также крестьянамъ деревенскіе участки выкупить по цѣнамъ значащимся въ купчихъ и закладныхъ крѣпостяхъ. Пятый видъ выкупа: По указу 1687 года, старостамъ и сотскимъ черныхъ сотенъ и слободъ и чернослободцамъ предоставлялось право выкупать въ сотни и слободы также дворы у бѣломѣстцевъ, изстари владѣвшихъ ими, если бы владѣльцы стали продавать ихъ бѣломѣстцамъ. Впрочемъ здѣсь рѣчь идетъ о правѣ преимущественной покупки (Ист. Росс. Гражд. Зак). Таковы виды выкупа относящіеся къ исторіи этого института. Всѣ эти виды не имѣя прямаго соотношенія съ нашимъ предметомъ способны были однако въ нѣкоторой степени парализовать право родственнаго выкупа. Гораздо развитѣе, законченнѣе и опредѣленнѣе обозначались виды выкупа въ исторіи права французскаго (современный кодексъ не признаетъ права родственнаго выкупа въ смыслѣ выкупа родовыхъ имѣній. Да и нѣтъ почти нужды его сохранить, такъ какъ въ code civil, art. 1659 и слѣд. продавцу можетъ быть предоставлено на

ломъ. А будетъ кто вотчинникъ какова чина нибудь, или вдова постригутся, а за ними будутъ родовые, или выслужные, или купленые вотчины и имъ тѣхъ вотчинъ въ монастыри не отдавать а самимъ тѣми вотчинами постригшися не владѣть. А отдати тѣ родовые и выслуженые вотчины вотчинникомъ по уложенію, а вотчинникомъ ихъ за тѣ вотчины кормить и одѣвать, и всякимъ покоемъ покоити до ихъ смерти. А будетъ они учнутъ Государю бити челомъ, что родители ихъ взявъ у нихъ родовые, или выслуженые, или купленые вотчины ихъ не кормятъ и никакова покоя имъ отъ родителей ихъ нѣтъ, и имъ тѣ вотчины продать родителемъ же своимъ, или и на сторону. А будетъ у нихъ будутъ купленые вотчины, и имъ тѣ свои вотчины вольно продать или безденежно отдать кому похотятъ, А постригшися будучи въ монастырѣ за собою вотчинъ отнюдь не держать.

основаніи договора право выкупа, la faculté de rachat), при чемъ условія и срокъ опредѣлены съ достаточною ясностію и полнотою; наслѣдники продавца также имѣютъ право выкупа. Въ исторіи французскаго права находимъ слѣдующее: le retrait est le droit de retirer un heritage ali ènè. Jl y en a de quatre sorte; savoir le conventionnel, le lignager le feodal, le censuel. Le retrait conventionnel est preféré au retrait lignager et au retrait feodal; parce qu'il procede de la volonté des parties sans laquelle la vente n'aurait pas èté faite. Le retrait lignager l'emporte sur le feodal, quoique le seigneur pretende etre fondé sur un aucien droit de reversion. Le retrait conventionnel est celui dont les parties son convenus par contrat de vente: ainsi c'est un faculté que le vendeur s'est reservée de retirer son heritage dans un certain temps qu iproduit l'action de rémeré. Это то любимое дитя французской исторіи retrait conventionnel сохранилось и въ дѣйствующемъ кодексѣ подъ именемъ faculté de rachat. Срокъ считался въ 1 годъ и 1 день какъ и въ германскомъ правѣ (dies termini), теченіе его распространялось и на малолѣтнихъ: Alle Veräusserungen des Grundeigenthums und der diesem gleichgestellten Rechte an Dritte, welche nicht durch den Fall echter Noth veranlasst waren, innerhalb Jahr und Tag zu vernichten und sich des veräusserten Objects in derselben Weisse zu unterwinden, als wenn es sich um die Vindication ererbter Gegenstände handelte. Wenn die Frist von Jahr und Tag seit geschehener Veräusserung ohne Widerspruch der Erben verstrichen war, so hatte der Erwerber am Gute eine „rechte Gewern". (System des Deutschen Privatrechts von Gerber. Jena. 1870. s. 210.) Мы не имѣемъ надобности входить въ подробныя указанія на исторію права выкупа по французскому и германскому праву, хотя сочиненіе Гербера и могло бы дать достаточно данныхъ.

Заключеніе. Выкупъ въ нашемъ правѣ дѣлается съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе достояніемъ исторіи. Судебныя производства по выкупу родовыхъ имѣній—явленіе до крайности рѣдкое. Между тѣмъ прагматической исторіи этого института мы еще не имѣемъ. Выкупъ тѣсно связанъ съ пра-

вовыми воззрѣніями на право собственности, родовое и благопріобрѣтенное имѣніе, степени родства, воззрѣніями, которыя подъ ферулою законодателя могутъ совершенно неожиданно видоизмѣниться. Вотъ почему самая исторія этого института такъ мало поучительна, почему всѣ метаморфозы этого института представляются то случайными, то непослѣдовательными. Безъ строго послѣдовательныхъ опредѣленій родовыхъ имѣній и степеней родства призываемыхъ къ праву наслѣдованія, безъ нормальныхъ, разумныхъ и доступныхъ для каждаго средствахъ облегчающихъ возможность доказать степень родства институтъ выкупа обреченъ на постепенные и къ сожалѣнію не органическое (объ органическомъ вымираніи нечего и жалѣть), а случайное вымираніе. А между тѣмъ это одинъ изъ самыхъ историческихъ институтовъ нашего гражданскаго права.

Современное положеніе института выкупа родовыхъ имѣній, выражаемое его опредѣленіемъ и значеніемъ. Опредѣленіе. Выкупомъ въ просторѣчіи называется право или дѣйствіе продавца по которому вещь имъ отчужденная возвращается ему обратно за вознагражденіемъ покупщика. Такое опредѣленіе годилось и для нашего древняго права выкупа: выкупъ вообще есть право лица отчужденное имущество обратить себѣ, сдѣлавши владѣльцу его подлежащее вознагражденіе Это опредѣленіе соотвѣтствовало тому состоянію общества когда допускался выкупъ вообще, въ древнія времена имущества весьма рѣдко были отчуждаемы навсегда; если въ актѣ продажи не были употреблены извѣстныя выраженія, которыя означали передачу имущества новому пріобрѣтателю въ вѣчное и потомственное владѣніе, оно считалось уступленнымъ во временное владѣніе, впредь до выкупа его или самимъ прежнимъ владѣльцемъ, или его наслѣдниками. Дѣйствующее законодательство такъ опредѣляетъ право выкупа: выкупъ есть право родственниковъ на обращеніе къ себѣ родовыхъ имуществъ, отчужденныхъ по продажамъ во владѣніе чужеродцамъ (1346 т. X. ч. I.). Такимъ образомъ это уже не право продавца, а право родственниковъ, мы могли бы предположить что это право родственниковъ имѣній если

бы возможно было допустить родство лица съ недвижимостью. Выкупъ есть право не договоромъ установляемое, и предоставляемое по силѣ закона родственникамъ, и цѣль этого права именно возвратить имѣніе въ родъ и возстановить въ этомъ родѣ родовое свойство имѣній. (Побѣдоносцевъ. Курсъ Гражд. Права ч. I. стр. 50.) Французское право знаетъ право выкупа лишь на основаніи выговореннаго условія. La faculté de rachat ou de réméré est un pacte par lequel le vendeur se réserve de reprendre la chose vendue, moyennant la restitution du prix principal, et le remboursement dont il est parlé à l'article 1673. Code civ. art. 1659. Такимъ образомъ цѣли двухъ законодательствъ не одинаковы: одно даетъ возможность продавцу возвратить себѣ имѣніе, другое не давая этаго права продавцу (по крайней мѣрѣ у насъ въ купчихъ подобныхъ условій не пишутъ), озабочено возвращеніемъ имѣнія родственникамъ можетъ быть даже противъ желанія продавца. Одно допускаетъ право выкупа лишь на основаніи договорнаго соглашенія, другое признаетъ право выкупа по одностороннему желанію родственниковъ. Познакомимся со взглядомъ Гербера. Begriff. § 175. Das Dispositionsrecht über das Grundeigenthum ist heut zu Tage jener allgemeinen Beschränkungen entledigt, welche im Mittelalter aus dem Rechte der nächsten Erben hervorgingen. Die letzteren haben dagegen ihren ganzen Gehalt nicht Eingebüst, sondern in der Form von mittelbaren Veräusserungs- und Erwerbsbeschränkungen eine neue Wirksamkeit gewonnen. Aber das deutsche Rechtsleben ist nicht dabei stehen geblieben, den Immobiliarverkehr zu Gunsten individueller Interessen dieser einen Gattung hemmen zu lassen, sondern es hat dieser Wirkung noch eine Reihe anderweiter persönlicher Beziehungen beigelegt. Die Form dafür ist das Näherrecht oder der Betrach (Losung, Abtrieb, Einstandrecht). Въ примѣчаніи Герберъ говоритъ между прочимъ, что развитіе права выкупа изъ права наслѣдованія по близости родства замѣтно въ статутахъ 16 и 17 столѣтій (System des Deutchen Privatrecht von Gerber. 462 и 463.)

Значеніе права выкупа. Обыкновенно значеніе выкупа опредѣляютъ по достоинству цѣли, для достиженія которой и признано возможнымъ удержать въ законѣ обязательный выкупъ, или, правильнѣе говоря, принудительный. Вотъ что говоритъ по этому поводу Неволинъ: Послѣ всѣхъ преобразованій, выкупъ родовыхъ имуществъ удержался въ силѣ до настоящаго времени. Два побужденія заставляютъ сохранять его въ законодательствѣ. Одно есть дѣйствующее издавна—уваженіе къ силѣ родственныхъ связей, поддержаніе семей и родовъ сохраненіемъ для нихъ извѣстныхъ имуществъ. Другое—финансовое. При отчужденіи недвижимыхъ имѣній платятся у насъ въ казну опредѣленныя пошлины съ цѣны имѣнія (въ настоящее время четыре процента.) Безъ выкупа продавецъ и покупщикъ легко могли бы показать въ купчей крѣпости меньшую цѣну, чѣмъ за какую дѣйствительно продано имѣніе, чтобы не платить большей платы. Выкупъ предупреждаетъ это злоупотребленіе, такъ какъ если бы въ купчей крѣпости была показана низкая цѣна имѣнію, родственники легко могли бы воспользоваться своимъ правомъ выкупа (Ист. Росс. Граж. Зак.). У К. П. Побѣдоносцева находимъ слѣдующее: Ограниченія въ распоряженіи родовымъ имѣніемъ, равно какъ и многія другія ограниченія вотчиннаго права (какъ-то: право выкупа, законъ о дворянскихъ имѣніяхъ, 14-я часть дочери и т. п.), имѣютъ значеніе историческое, о которомъ ни въ коемъ случаѣ не слѣдуетъ забывать, ибо историческое состоитъ большею частію въ тѣсной связи съ экономическимъ. Историческое явленіе почти никогда не бываетъ случайнымъ явленіемъ; что было, что возникло во времени (geschehenes) и во времени укоренилось, имѣетъ свою причину которой надобно искать во временныхъ экономическихъ условіяхъ быта, и потому критика всѣхъ историческихъ явленій, а тѣмъ болѣе законовъ, имѣющихъ важное историческое значеніе, невозможна безъ обстоятельнаго изслѣдованія тѣхъ бытовыхъ условій посреди коихъ возникло законное правило или ограниченіе. Мы приступаемъ иногда къ этой критикѣ слишкомъ поспѣшно, на основаніи односторонихъ впечатлѣній или на основаніи такъ называемыхъ

„общихъ началъ," придавая имъ безусловное значеніе. Но если бы всякій законъ вызывающій критику, представлялся намъ въ связи со всею бытовою обстановкою и общественною организаціей, посреди коей возникъ онъ,—тогда, прежде чѣмъ постановлять рѣшительный приговоръ о негодности его и осуждать его на отмѣну, мы непремѣнно задали бы себѣ вопросъ: дѣйствительно ли условія быта нашего, начала нашей общественной организаціи, и требованія государственной идеи нашей измѣнились на столько, что осужденное нами правило представляется уже излишнимъ и вреднымъ. Не поставивъ предъ собою и не разрѣшивъ этого вопроса, мы рискуемъ ввести въ жизнь правило, ей несоотвѣтствующее, вынуть изъ механизма общественнаго снасть, приходившуюся ко всему его строю и вставить другую, неподходящую: очевидно что покуда не измѣнится общій строй, исправлять его въ отдѣльныхъ частяхъ можно только въ ладъ а не въ разладъ, иначе весь механизмъ отъ неподходящихъ улучшеній можетъ придти въ разстройство и станетъ неспособенъ удовлетворять насущнымъ цѣлямъ, для коихъ онъ существуетъ.

Почему нельзя не пожелать, чтобы критика старыхъ нашихъ законовъ, относящихся къ недвижимой собственности, критика особенно усилившаяся въ послѣднее время, приступала осторожнѣе къ оцѣнкѣ историческихъ явленій нашей жизни. Укажемъ для примѣра на законъ о родовыхъ имѣніяхъ. Родившись первоначально въ средѣ отношеній служилаго класса, которому принадлежало исключительное право на землевладѣніе, законъ этотъ состоялъ въ связи со множествомъ разныхъ другихъ ограниченій, имѣвшихъ въ виду государственную цѣль: удержать имѣнія служилыхъ людей въ средѣ сословія обязаннаго государственной службой и поддержать значеніе и средства отдѣльныхъ родовъ служилыхъ. Очевидна съ перваго взгляда разумная идея этихъ ограниченій, вполнѣ соотвѣтствовавшая всей организаціи государственнаго быта. Чѣмъ богаче будутъ своими средствами роды, призываемые преемственно на службу, по самому своему происхожденію, тѣмъ будутъ исправнѣе на службѣ и тѣмъ меньше будутъ требовать отъ государства. Представителемъ рода и

наслѣдственнымъ державцемъ имѣнія представляется мужчина. Женщина уходитъ въ чужой родъ, садится на чужой корень— ее надобно только снарядить и отпустить. Вотъ понятія на которыхъ зиждется наше вотчинное и помѣстное право 17-го столѣтія. Въ началѣ 18-го они пошатнулись крѣпко съ реформою Петра, когда военной службѣ дано другое устройство, гражданское управленіе получило новую организацію, издана табель о рангахъ и помѣстья сравнены съ вотчинами въ одномъ разрядѣ недвижимыхъ имуществъ. Что дальше то болѣе расшатываются эти понятія подъ вліяніемъ дальнѣйшихъ преобразованій или новыхъ выводовъ изъ прежнихъ положеній. Недвижимыя имущества мало по малу сдѣлались достояніемъ другихъ сословій, и многія правила постановленныя исключительно для владѣній служилаго класса, распространились на другія сословія; въ средѣ вновь образовавшагося дворянства обособилось, правда, понятіе о дворянскомъ имѣніи, но за то другимъ сословіямъ открытъ общій путь къ дворянству — ученіемъ и выслугою. Съ дворянства снята безусловная служебная повинность, но законъ признаетъ еще службу—военную и гражданскую преимущественнымъ правомъ дворянскаго сословія и въ нравахъ остается надолго еще понятіе о томъ, что долгъ дворянина и потребность его —служить службу; понятіе, надобно сказать правду, вполнѣ соотвѣствующее состоянію общества, въ которомъ средняго сословія въ дѣйствительности нѣтъ, образованіе сосредоточивается въ средѣ высшаго сословія, отправленія государственныя крайне многосложны и разнообразны и мало оставляютъ мѣста дѣятельности частной для государственныхъ цѣлей. Наконецъ, въ недавнее время, съ освобожденіемъ крестьянъ, измѣнилось въ корню значеніе дворянства и дворянскаго имѣнія, явилось въ законодательствѣ и въ жизни новое лицо землевладѣльца, покуда еще въ смутномъ очертаніи, но уже обѣщающее намъ новый характерный типъ въ будущемъ,—и выступило на новую дѣятельнность въ новомъ сословіи земства. Все это явленія государственныя первой важности, и нѣтъ сомнѣнія что ими подготовляются значительныя измѣненія въ нашихъ законахъ о недвижимой собственности. Но насколько и въ

чемъ измѣнились, на ряду съ этими государственными перемѣнами, и тѣ условія общественной жизни, быта, нравовъ, образованія—которыя существовали прежде и которымъ соотвѣтствовали законы прежніе—это предметъ, требующій еще внимательнаго изслѣдованія и соображенія. (Курсъ Гражданскаго Права т. I. ч. I. стр. 56; 57, 58.) — Сдѣланная нами выписка конечно болѣе относится до родовыхъ имѣній, но такъ какъ выкупъ родовыхъ имѣній именно и обязанъ своимъ существованіемъ признанію различія между имуществами благопріобрѣтенными и родовыми, то намъ казалось умѣстнымъ воспроизвести слова К. П. Побѣдоносцева въ нашемъ изложеніи.

Связь выкупа съ наслѣдственнымъ правомъ. Римское право не было знакомо съ институтомъ выкупа, хотя можетъ быть и существовали зачатки этого института. Вотъ почему сложилось убѣжденіе что этотъ институтъ изъ Европейскихъ народовъ наиболѣе свойственъ германскому праву. Между тѣмъ въ Византіи были уже знакомы съ выкупомъ. Выкупъ сознавался въ той или другой формѣ въ самыя древнія времена исторіи человѣчества. Евреи знакомы были съ правомъ выкупа въ особой своеобразной его формѣ (книга Левитъ, Руфь.) Французское право знакомо съ выкупомъ (lignager, т. е. родственнымъ) съ 990 г. по Р. Х. Точно также рано сознавалась и связь съ наслѣдственнымъ правомъ (тамъ гдѣ выкупъ признавался въ пользу родственниковъ продавца, а не самаго продавца). Quicunque primus est in successione, ille quoque primus est in retractu, quia hic potius jus habet, ergo merito erit praeferendus, et quiu jus retractus per omnia fere imitatur naturam sucessionis ab intestato. Hinc igitur etiam contra remotorem agnatum jus retractus locum habet. (Barbarosse loci communes jurisprudentiae seu Thesaurus etc.). Въ исторіи нашего права эта связь выкупа съ порядкомъ наслѣдованія особенно живо сознавалась. По судебнику Ивана IV не могутъ выкупить проданной вотчины: 1) самъ продавецъ; 2) дѣти и внуки его; 3) братья и племянники его подписавшіеся въ купчихъ свидѣтелями,

а также дѣти и внуки такихъ братьевъ и племянниковъ. Но продавецъ можетъ проданную имъ вотчину купить у покупщика полюбовно, если этотъ послѣдній захочетъ продать ее. Здѣсь останавливаютъ насъ 1) запрещеніе выкупить продавцу и 2) его дѣтямъ и внукамъ. На чемъ основаны эти ограниченія? Вотъ что говоритъ Неволинъ (Ист. Рос. Гражд. Зак.): О продавцѣ въ судебникѣ прямо замѣчено, что не имѣетъ права выкупа, а можетъ только вновь купить проданное имущество по добровольному соглашенію съ покупщикомъ, — замѣчено безъ сомнѣнія потому, что по неопредѣленности смысла словъ: продать и купить, продавцы въ древнія времена всегда дѣлали притязанія если прямо не отреклись отъ этого права. Судебникъ обезпечивалъ покупщика противъ такого притязанія, хотя бы продавецъ прямо не отказался отъ права выкупа. Можетъ быть, также для устраненія дѣланныхъ притязаній, въ Судебникѣ признано было за нужное, опредѣлить, что ни дѣти продавца, ни его родственники въ боковой линіи, и подписавшіеся въ купчихъ крѣпостяхъ свидѣтелями не имѣютъ права выкупа. Послѣ сего, въ особенности, въ купчихъ не было надобности включать слова, что имѣніе куплено у такого-то лица и дѣтей его. Дѣтямъ и внукамъ продавца возбранялся выкупъ безусловно, безъ сомнѣнія потому, что они должны питать полное уваженіе къ волѣ ихъ родителей и предка. Такое устраненіе дѣтей и внуковъ отъ права выкупа могло считаться тѣмъ болѣе справедливымъ, что древнія купчія писались весьма часто отъ имени отца и дѣтей его. Къ выкупу не допускаются родственники продавца, подписавшіеся въ купчихъ свидѣтелями, безъ сомнѣнія потому, что это подписаніе ими купчей разсматривалось какъ знакъ изъявленнаго ими согласія на отчужденіе имущества и т. д. Несмотря на устраненіе прямыхъ наслѣдниковъ продавца Неволинъ видитъ прямую связь между выкупомъ и правомъ наслѣдованія покрайней мѣрѣ начиная съ братьевъ и продолжая племянниками. Къ сожалѣнію нормы установленныя судебникомъ, хороши онѣ были или дурны, постоянно колебались въ позднѣйшихъ узаконеніяхъ слѣдовав-

шихъ за Соборнымъ Уложеніемъ (1649 г). Такъ напр. въ знаменитомъ указѣ о единонаслѣдіи 1714 г. марта 23 постановлено: Выкупъ вотчинъ, помѣстій, и прочихъ недвижимыхъ имуществъ, долженъ быть дѣлаемъ ближайшими по линіи къ такимъ имуществамъ наслѣдниками, а не кадетами ихъ. Вотъ что находимъ у Неволина по поводу этого указа: Какъ прежде право выкупа соотвѣтствовало, съ исключеніями нами изложенными, вообще порядку законнаго наслѣдованія, такъ и теперь оно должно было согласоваться съ порядкомъ наслѣдства по закону. Но какъ наслѣдство по закону теперь учреждено было на другихъ началахъ, то и къ выкупу призывались родственники по началамъ, отличнымъ отъ прежнихъ. По прежнимъ законамъ нѣкоторые родственники исключались отъ права выкупа; тѣ которымъ оно ближайшимъ образомъ принадлежало, такимъ же образомъ всѣ вмѣстѣ призывались къ наслѣдству; если бы ближайшіе наслѣдники незахотѣли воспользоваться правомъ выкупа, не было запрещено имъ воспользоваться дальнѣйшимъ родственникамъ. Законъ Петра Великаго давалъ право выкупа исключительно тому одному родственнику продавца, который былъ законнымъ его наслѣдникомъ по новому порядку наслѣдія, слѣдовательно изъ многихъ лицъ, равно близкихъ къ продавцу, старшему между ними, а не кадету. Этотъ родственникъ одинъ имѣлъ право выкупать все имущество. Онъ имѣлъ на то безусловное право, по крайней мѣрѣ объ исключеніяхъ, существовавшихъ прежде въ законѣ Петра Великаго не говорится. Даже по мысли Петра Великаго, кажется ближайшій по закону наслѣдникъ продавца не только имѣлъ право, но и обязанъ былъ сдѣлать выкупъ. Установленіе такой обязанности обезпечивало силу и дѣйствительное примѣненіе закона о единонаслѣдіи. Въ п. 13 этаго указа сказано: Выкупъ вотчинъ и помѣстій и прочаго недвижимаго долженъ быть произведенъ тѣми, которые онымъ наслѣдники будутъ по линіи ближніе, а не кадетамъ ихъ. Въ 13 п. указа 1725 г. мая 28, 3 резол. Буде кто продастъ или заложитъ что изъ недвижимаго въ чужой родъ, то выкупать долженъ тотъ, кто тому наслѣдникъ будетъ по линіи ближній, а не кадетъ, однакожъ сыну отеческое выкупать

по смерти отцевой, а не при живомъ, чтобъ по такимъ продажамъ или закладамъ подложныхъ выкуповъ для раздѣла между дѣтьми или братьями не чинилось. А ежели между тѣмъ похочетъ выкупить родственникъ ближній, въ томъ дать на волю; а когда тотъ продавецъ или закладчикъ умретъ, то оставшій по немъ въ наслѣдствѣ сынъ у того родственника выкупить долженъ. Будетъ же тотъ продавецъ или закладчикъ дѣтей не имѣетъ, то выкупать братьямъ, или прочимъ наслѣдникамъ ближнимъ, и при живомъ продавцѣ и закладчикѣ. Не долго удержался порядокъ установленный указомъ объ единонаслѣдіи. Императрица Анна Іоанновна, указомъ 1731 марта 17 отмѣнивъ единонаслѣдіе прямо ничего не постановила о выкупѣ имуществъ. Конечно почти разумѣлось само собою, что съ возстановленіемъ допетровскаго порядка наслѣдія въ имуществахъ, законодательство о выкупѣ должно было во многихъ отношеніяхъ получить тотъ видъ, какой оно имѣло на основаніи Уложенія и указовъ изданныхъ въ дополненіе, а не въ противность и не въ отмѣну Уложенія; однакоже и указъ 1714 марта 23 не могъ остаться безъ важныхъ послѣдствій для выкупа. Во всякомъ случаѣ раждался вопросъ: въ какомъ отношеніи правила о выкупѣ, непосредственно заключавшіяся въ указѣ единонаслѣдіи, или тогда вытекавшія, должны находиться къ возстановленному прежнему порядку наслѣдія и къ прежнимъ законамъ о выкупѣ имуществъ? Первый законъ сюда относящійся, былъ изданъ въ 1737 году, законъ важнѣйшій въ ряду постановленій о выкупѣ, ни мало не уступающій по важности тому, которымъ опредѣлено было платить при выкупѣ вотчинъ не по четвертямъ, а по купчимъ и закладнымъ, и т. д. (Неволинъ. Ист. Росс. Гр. Зак.) Указомъ 1737 года, тѣмъ самымъ, которымъ отмѣненъ сорокалѣтній, и установленъ трехлѣтній срокъ выкупа повелѣвалось въ случаѣ просрочки заложеннаго недвижимаго имѣнія призывать закладчика или его родственниковъ, но только ближайшихъ, и именно тѣхъ, которымъ бы тѣ деревни по наслѣдству могли принадлежать, для истребованія отъ нихъ объявленія, не хотятъ ли они выкупить заложеннаго и про-

сроченнаго имѣнія. Въ подробности порядокъ въ какомъ родственники слѣдуютъ другъ за другомъ по отношенію къ праву выкупа, былъ опредѣленъ въ указѣ 1744 года мая 11. Здѣсь было поставлено: 1) Сыновья, какъ живущіе въ однихъ домахъ съ отцами такъ и отдѣленные, къ выкупу вотчинъ, проданныхъ или заложенныхъ отцами ихъ, при жизни отцевъ не допускаются, а допускаются по смерти отцевъ, если отцы ихъ умрутъ до истеченія назначеннаго трехлѣтняго срока. 2) Внуки, сыновніе дѣти мужескаго пола, посмерти отцевъ ихъ, жившихъ съ дѣтьми въ однихъ домахъ, къ выкупу вотчинъ, пока дяди живы, также не допускаются по смерти дѣдовъ ихъ, если дѣды умрутъ до истеченія назначеннаго для выкупа срока. 3) Внуки, сыновніе дѣти мужескаго пола, которыхъ отцы были отдѣлены отъ дѣдовъ и померли, допускаются къ выкупу не только по смерти, но и при жизни дѣдовъ. 4) Если послѣ кого сыновей и внуковъ такихъ, какъ выше означено, не останется, то къ выкупу допускаются и дочери дѣвицы; если дочерей дѣвицъ не будетъ, то—замужнія и вдовы, а посмерти ихъ — дѣти ихъ, сыновья и дочери дѣвицы; но внуки, дочернія дочери, замужнія и вдовы, къ выкупу не допускаются, а право это принадлежитъ роднымъ братьямъ и племянникамъ умершаго, впрочемъ только тѣмъ, которыхъ рукъ не будетъ у купчихъ и закладныхъ. 5) Если дочь дѣвица по смерти отца не захочетъ выкупить имѣнія, то право на выкупъ предоставляется и замужней или вдовѣ, которыя впрочемъ отъ сестры своей дѣвицы должны получить письменное на то дозволеніе. 6) Если означенныхъ здѣсь лицъ послѣ кого не останется, то вотчина дается на выкупъ роднымъ сестрамъ дѣвицамъ; если же дѣвицъ не будетъ то—замужнимъ и вдовамъ, ихъ сыновьямъ и дочерямъ дѣвицамъ, а замужнимъ и вдовамъ не дается, но отдается двоюроднымъ братьямъ и племянникамъ умершаго; далѣе этого и черезъ линію безъ письменнаго позволенія отъ тѣхъ, кому принадлежало право выкупа, имѣніе на выкупъ не отдается. 7) Вышеозначенные наслѣдники допускаются къ выкупу, сколькихъ бы лѣтъ и какого бы возраста они ни были. Вотъ какъ Неволинъ опредѣляетъ значеніе

этого узаконенія: не трудно усмотрѣть, какое важное измѣненіе и дополненіе сдѣлано этимъ указомъ къ правиламъ о выкупѣ, содержавшимся въ Уложеніи. 1) По Уложенію дѣти и внуки продавца или закладчика безусловно и навсегда исключались отъ права выкупа, и при томъ безъ всякаго различія между дѣтьми неотдѣленными и отдѣленными. Напротивъ по указу 1744 года не только всѣ сыновья и дѣти ихъ по смерти продавца или закладчика допускаются къ праву выкупа, но сыновья умершихъ отдѣленныхъ дѣтей допускаются къ этому праву даже и при жизни дѣдовъ. На томъ же основаніи право выкупа можетъ дойти къ дочерямъ продавца или закладчика и дѣтямъ ихъ. 2) Уложеніе не назначаетъ извѣстной линіи или степени родства, далѣе которыхъ бы право выкупа уже существовать не могло; напротивъ указъ 1744 года именно назначаетъ такую границу. 3) Уложеніе не ограничиваетъ дальнѣйшихъ родственниковъ въ ихъ правѣ выкупа необходимостью имѣть на то дозволеніе отъ родственника ближайшаго; ограниченіе этаго рода именно принято въ указѣ 1744 года. 4) Вообще указъ 1744 года даруя право выкупа потомкамъ продавцевъ или закладчиковъ, въ то же время для родственниковъ боковой линіи заключаетъ это право въ тѣснѣйшіе предѣлы. Въ этомъ предпочтеніи, оказываемомъ при выкупѣ потомкамъ предъ родственниками боковой линіи, вообще въ особенномъ предпочтеніи ближайшихъ родственниковъ передъ дальнѣйшими, въ запрещеніи выкупать черезъ линію безъ письменнаго дозволенія отъ ближайшихъ родственниковъ, едва ли еще мы не слышимъ отголосокъ закона Петра Великаго, чтобы имущества были выкупаемы ближайшими къ нимъ по линіи наслѣдниками, а не кадетами. Ограниченіе права выкупа извѣстными линіями и степенями родства, установленное указомъ 1744 года, не сохранилось въ силѣ. Какъ съ просьбами о выкупѣ вступали иногда такіе родственники продавцевъ или закладчиковъ, которые не были поименованы въ этомъ указѣ, то сенатъ въ 1755 году опредѣлилъ: по такимъ просьбамъ до сочиненія новаго уложенія никакого производства не дѣлать и денегъ на выкупъ не принимать,

а только записывать подаваемыя просьбы, чтобы просители не лишились права на выкупъ, какое можетъ быть имъ предоставлено вновь сочиняемымъ уложеніемъ, если только они подадутъ просьбы, не пропуская положеннаго для выкупа срока; между тѣмъ имѣнія проданныя, или заложенныя и просроченныя, оставлять и записывать за тѣми кому они проданы и просрочены, только съ обязательствомъ, чтобы эти лица не продавали ихъ, пока въ уложеніи, вновь сочиняемомъ, не будетъ составлено положеніе о выкупахъ, а также не закладывали ихъ до того времени, не опустошали и не разоряли.

Новое уложеніе не было сочинено въ царствованіе императрицы Елизаветы Петровны. Императрица Екатерина II приступила къ этому дѣлу съ новымъ рвеніемъ. Между тѣмъ неопредѣлительное положеніе, въ какомъ право выкупа должно было оставаться на основаніи сенатскаго указа 1755 года, требовало скорѣйшаго разрѣшенія. Это разрѣшеніе дано было Императрицею Екатериною. Въ 1766 году, она повелѣла недвижимыя имѣнія проданныя, равно какъ и по закладнымъ просроченныя въ чужіе рода, отдавать на выкупъ въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) Сыновья, какъ живущіе съ отцами въ однихъ домахъ, такъ и отдѣленные пользуются правомъ выкупа, если отцы ихъ умрутъ прежде истеченія назначеннаго для выкупа срока. 2) Сыновья и сыновніе дѣти т.-е. дядья съ племянниками, выкупаютъ на томъ же основаніи, на какомъ раздѣляются между ними наслѣдственныя имѣнія, но только въ томъ случаѣ, когда у однихъ отецъ, а у другихъ отецъ и дядя умрутъ прежде истеченія назначеннаго для выкупа срока. 3) Внуки, сыновніе дѣти мужескаго пола, которыхъ отцы, живя въ отдѣленіи отъ дѣдовъ, умрутъ, допускаются къ выкупу какъ при жизни такъ и посмерти дѣдовъ своихъ. Напротивъ 4) внуки, сыновніе дѣти мужескаго пола, которыхъ отцы не были въ отдѣлѣ, при жизни отцевъ и дѣдовъ къ выкупу не допускаются, а допускаются къ нему только въ томъ случаѣ, если отцы и дѣды ихъ помрутъ прежде истеченія назначеннаго для выкупъ срока. 5) Если послѣ кого не останется сыновей и внучатъ сыновнихъ дѣтей мужескаго пола, то къ выкупу допускаются

сыновнія дочери, которыхъ отцы померли не прежде, а послѣ своихъ отцевъ, и допускаются на томъ же основаніи, на какомъ законы повелѣваютъ дѣлить наслѣдственное имѣніе. 6) Если послѣ вотчинника останутся дочери и внуки, сыновнія дочери, которыхъ отцы померли прежде своихъ отцевъ, тогда правомъ выкупа пользуются какъ дочери, такъ и внуки, сыновнія дочери, но не при живыхъ отцахъ своихъ, а въ томъ же случаѣ, какъ сказано о вотчинниковыхъ сыновьяхъ и сыновнихъ дѣтяхъ мужескаго пола, и на томъ же основаніи, какъ законы повелѣваютъ раздѣлять наслѣдственное имѣніе. 7) Если вотчинниковыхъ дочерей и внучатъ сыновнихъ дочерей не будетъ, то къ выкупу допускаются внучата, дочерніе дѣти, сначала сыновья, а потомъ и дочери, на основаніи законовъ о наслѣдствѣ и притомъ, какъ постановлено выше въ 3-мъ пунктѣ, по смерти матерей своихъ. 8) Если не будетъ и дочернихъ дѣтей, то имѣніе отдается на выкупъ роднымъ братьямъ и племянникамъ продавца или закладчика. 9) Если не будетъ братьевъ и родныхъ племянниковъ, братнихъ сыновей, то имѣніе выкупаютъ родныя и братнія дочери, а потомъ и сестрины дѣти, сыновья и дочери, на томъ же основаніи на какомъ дѣлится между ними наслѣдственное имѣніе 10) Если не будетъ братнихъ и сестриныхъ дѣтей, т.-е. племянниковъ и племянницъ вотчинника, то выкупаютъ дядья, родные братья отца и такихъ же родныхъ дядей дѣти, т.-е. вотчинниковы братья и племянники двоюродные и другіе родственники, мужескаго пола, но только такіе, которымъ бы проданныя и заложенныя недвижимыя имѣнія по смерти продавцевъ и закладчиковъ принадлежали по наслѣдству. 11) Если ближніе родственники не пожелаютъ выкупить имѣнія то право выкупа предоставляется другимъ, если только отъ, ближнихъ родственниковъ дано будетъ имъ на то письменное дозволеніе. Но тѣ лица, которыя при живыхъ продавцахъ и закладчикахъ не допускаются къ выкупу, не могутъ и давать отъ себя другимъ дозволенія на выкупъ. Если между тѣмъ другіе родственники, состоящіе въ показанныхъ выше степеняхъ родства пожелаютъ выкупить имѣніе, то

они къ тому допускаются, и когда имѣніе будетъ выкуплено ими, то остается за ними навсегда, и хотя бы по смерти продавцевъ и закладчиковъ дѣти ихъ и внучата стали просить о выкупѣ въ положенный срокъ, имѣніе однакоже не отдается просителямъ. 12) Лица, которыя до изданія этаго указа о выкупѣ просили и въ положенный срокъ подали прошенія въ вотчинную коллегію или ея контору, но по встрѣченнымъ сомнѣніямъ не были допущены къ выкупу, если они еще живы, сами они, а въ случаѣ ихъ смерти наслѣдники ихъ должны внести выкупныя деньги съ надлежащими пошлинами въ вотчинную коллегію и ея контору, находящіеся внутри государства, кромѣ Сибири, въ теченіи года отъ распубликованія настоящаго указа, а находящіеся въ Сибири и внѣ государства въ теченіи двухъ лѣтъ. 13) Къ выкупу допускаются лица всякихъ лѣтъ и всякаго возраста. 14) Тѣ изъ лицъ не поименованныхъ въ указѣ 1744 года, которыя подали просьбы о выкупѣ, но по распубликованіи настоящаго указа въ вышеозначенные сроки выкупныхъ денегъ не внесутъ, къ выкупу послѣ того уже не допускаются, а проданныя и заложенныя недвижимыя имѣнія должны оставаться навсегда за тѣми людьми, кому они проданы и заложены. 15) Но родственники, которые вмѣсто продавцевъ и закладчиковъ къ купчимъ закладнымъ крѣпостямъ, либо при записке ихъ въ крѣпостныхъ книгахъ руки приложили или свидѣтелями подписались къ выкупу не допускаются хотябы на основаніи вышеизложенныхъ правилъ имѣли на то право. 16) Этотъ указъ имѣетъ силу только для тѣхъ лицъ, которыя внесли уже при просьбахъ деньги на выкупъ, или по крайней мѣрѣ подали просьбы о выкупѣ въ вотчинную коллегію или ея контору и т. д. Впослѣдствіи времени встрѣтилось сомнѣніе, могутъ ли пользоваться правомъ выкупа лица женскаго пола, перемѣнившія чрезъ замужество фамилію. Въ разрѣшеніе этого вопроса, согласно съ ясными словами прежнихъ узаконеній, именно указовъ 1744 и 1766 годовъ, въ 1815 г. было постановлено, что лица женскаго пола, перемѣнившія замужествомъ фамилію не лишаются черезъ это права на томъ же основаніи выкупать по нас-

лѣдству имѣнія, на какомъ это право предоставлено лицамъ пола мужескаго: ибо дѣвица, вышедшая замужъ и перемѣнившая фамилію, ни мало не теряетъ чрезъ то, вмѣстѣ и съ происшедшимъ отъ нея потомствомъ, наслѣдственныхъ правъ своего рода.

Между тѣмъ сенатскимъ рѣшеніемъ по частному дѣлу, послѣдовавшимъ въ 1806 г. было изъяснено, что изъ родственниковъ, равно близкихъ къ продавцу, каждый имѣетъ право на выкупъ всего имѣнія, безъ позволительныхъ писемъ отъ прочихъ; но сіи послѣдніе могутъ выкупать отъ него слѣдующія имъ части. На основаніи сообщенныхъ нами постановленій, послѣдовавшихъ съ 1737 года, а равно согласныхъ съ ними изъ прежняго времени, въ сводѣ законовъ изложены были статьи о лицахъ имѣющихъ право выкупа; причемъ, вмѣсто подробнаго означенія того порядка, въ какомъ родственники призываются къ праву выкупа, сообразно развитію законовъ о наслѣдствѣ, предложено слѣдующее общее начало: „Право выкупа принадлежитъ кровнымъ родственникамъ, которые продавцу имѣнія суть ближайшіе наслѣдники. Оно переходитъ отъ ближнихъ родственниковъ къ дальнимъ, согласно съ правилами законнаго наслѣдованія по линіямъ и степенямъ (Ист. Росс. Гражд. Зак. Неволина). Такимъ образомъ исторически прослѣдили мы порядокъ, въ которомъ допускаются лица къ праву выкупа. Этотъ порядокъ призыва лицъ и составляетъ ту связь между наслѣдованіемъ по закону и правомъ выкупа о которой идетъ рѣчь. Этимъ объясняется современный порядокъ, въ которомъ лица допускаются къ выкупу по дѣйствующему законодательству. Въ дополненіе сдѣлаемъ выписку изъ сочиненія г. Кохманскаго (Сводъ положеній и разсужденій Кассаціоннаго Сената (1866—1870) по вопросамъ матеріальнаго гражданскагоправа. Изданіе Романа Кохманскаго. Одесса. 1871, стран. 194). Къ ст. 1357 X т. ч. I. Можетъ ли быть предоставлено сестрѣ продавца право на выкупъ проданнаго имъ недвижимаго родоваго имѣнія по письменному дозволенію одного изъ братьевъ продавца, но безъ такого же дозволенія другаго брата его? На точномъ основаніи закона, право вывупа принадлежитъ кров-

нымъ родственникамъ, которые продавцу имѣнія суть ближайшія наслѣдники и переходитъ отъ ближнихъ родственниковъ къ дальнимъ согласно съ правилами законнаго наслѣдованія, по линіямъ и степенямъ (ст. 1355). Смыслъ этого постановленіе указываетъ на близкую аналогію допускаемаго у насъ выкупа родовыхъ имуществъ съ установленнымъ въ законахъ порядкомъ наслѣдованія, аналогію составляющую характеристическую черту всего нашего законодательства о выкупѣ. Какъ по узаконеніямъ о наслѣдствѣ такъ и по узаконеніямъ о выкупѣ, право на непосредственное пріобрѣтеніе имущества считается достояніемъ не цѣлаго рода а лишь извѣстныхъ въ семъ родѣ лицъ, именно тѣхъ, которыя по установленнымъ линіямъ и степенямъ оказываются ближайшими къ первоначальному собственнику. Если у продавца имѣнія есть два брата и одна сестра и если примѣнить къ такому случаю законы о наслѣдствѣ, то на основаніи ст. 1137, ближайшими наслѣдниками продавцу имѣнія представляются родные братья его; сестра же ихъ, за силою ст. 1135, не только не можетъ пользоваться въ семъ отношеніи правами, равными съ своими братьями, но при жизни ихъ или ихъ дѣтей не имѣетъ вовсе права наслѣдовать въ имѣніи продавца. Такимъ образомъ, по смыслу приведеннаго выше закона, предоставляющаго право выкупа ближайшимъ наслѣдникамъ, право это по отношенію къ проданному имѣнію принадлежитъ двумъ его братьямъ. Эти лица могутъ пользоваться означеннымъ правомъ, въ равной степени. Затѣмъ къ сестрѣ продавца право выкупа можетъ перейти лишь: 1) въ случаѣ смерти ближайшихъ наслѣдниковъ и 2) въ случаѣ отреченія ихъ отъ принадлежащаго имъ права. Очевидно, что въ первомъ случаѣ сестра можетъ воспользоваться означеннымъ правомъ только еслибъ всѣ предъ нею стоящіе наслѣдники продавца умерли; подобно сему и во второмъ случаѣ необходимо отреченіе не одного лишь и не нѣсколькихъ, а всѣхъ—болѣе чѣмъ она близкихъ—наслѣдниковъ. Отреченіемъ же законъ положительно признаетъ не одно молчаніе, а именно выдачу особаго письменнаго о томъ документа, называемаго позволительнымъ письмомъ. Это прямо и

ясно выражается въ ст. 1357 и несомнѣнно слѣдуетъ изъ смысла всѣхъ указовъ, послужившихъ основаніемъ нынѣ дѣйствующихъ статей свода о выкупѣ. Посему если сестра получивъ письменное дозволеніе на выкупъ отъ одного брата, отъ другаго брата таковаго не представитъ, то нельзя не признать, что право выкупа проданнаго имѣнія остается за симъ послѣднимъ и что слѣдовательно ходатайство сестры о предоставленіи ей сего права не можетъ подлежать удовлетворенію. Хотя въ ст. 1359 т. X., ч. I постановлено: что каждый изъ родственниковъ равно близкихъ къ продавцу имѣетъ право на выкупъ всего имѣнія, но въ постановленіи этомъ нѣтъ никакого указанія на то, чтобы означенное право могло быть передаваемо по произволу одного изъ сихъ родственниковъ, безъ положительно выраженнаго согласія всѣхъ прочихъ, лицу стоящему въ порядкѣ наслѣдованія на дальнѣйшей степени. Выводить законность такой передачи изъ смысла ст. 1359 невозможно. Статья эта, напротивъ, свидѣтельствуетъ, что право выкупа принадлежитъ всѣмъ лицамъ, а слѣдовательно можетъ и перейти къ дальнимъ родственникамъ не иначе, какъ съ согласія всѣхъ означенныхъ лицъ. Допущеніе противнаго сему толкованія было бы равносильно признанію, что изъ нѣсколькихъ лицъ, пользующихся извѣстнымъ правомъ совершенно въ равной степени, одно можетъ произвольно лишить этого права всѣхъ прочихъ. (Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта. Юрид. Вѣстн. 1867 — 1868 № 1). Это мнѣніе состоялось по одному частному дѣлу въ 1867 г.

Дѣйствующее законодательство по выкупу родовыхъ имуществъ.

Постановленія о выкупѣ содержатся въ X т. ч. I, Св. Зак. гражд. и въ уставѣ гражданскаго судопроизводства. «Въ X т. постановленія эти заключаются въ книгѣ III, раздѣлѣ II— «О пріобрѣтеніи имуществъ наслѣдствомъ по закону». Вся VI глава этого раздѣла посвящена выкупу: глава эта раздѣляется на 3 отдѣленія. Въ I-мъ отдѣленіи говорится о вы-

купѣ родовыхъ имуществъ, воП-мъ—о лицахъ имѣющихъ права о выкупа, въ III-мъ — о срокѣ и цѣнѣ выкупа. По уставу гражданскаго судопроизвод. 1864 г. выкупъ родовыхъ имуществъ отнесенъ къ уставу охранительнаго судопроизводства 14-го апрѣля 1866 г. Всѣхъ статей по X т. до 27 съ 1346 по 1374. Нѣкоторыя изъ этихъ статей по изд. 1857 г. отмѣнены, другія измѣнены и дополнены по продолженіямъ 1863, 1868 и частію даже 1869 г. Отказываясь отъ логическаго опредѣленія понятія выкупа мы переходимъ по заведенному порядку къ тѣмъ рубрикамъ, на которыя искони разбивалось ученіе о выкупѣ. Итакъ во первыхъ:

О лицахъ имѣющихъ право выкупа. Кто такіе эти лица. Это прежде всего ближайшіе или ближніе родственники продавца. Но и эти родственники не безусловно допускаются къ праву выкупа, а подъ извѣстными условіями. (1346—1354 ст. X т. ч. 1). Кто эти ближніе родственники? Это тѣ, которые продавцу ближайшіе наслѣдники. Понятіе о томъ, кто считается ближайшимъ наслѣдникомъ заимствуется конечно изъ наслѣдственнаго права. Шаткость и неопредѣленность началъ сего послѣдняго, если бы такая существовала, о порядкѣ законнаго наслѣдованія не можетъ не отразиться неблагопріятно и на производство по дѣламъ о выкупѣ родовыхъ имѣній. Въ постановленіяхъ о выкупѣ, сохранилось ограниченіе для дѣтей продавца и внуковъ его (дѣтей умершихъ неотдѣленныхъ дѣтей продавца) выкупать имѣніе при жизни продавца (отца и дѣда). Такимъ образомъ вносится еще неопредѣленное понятіе объ отдѣленности и неотдѣленности, которое иногда бываетъ весьма спорное. Самое существенное во всемъ этомъ—это то, что къ выкупу не могутъ быть допущены: 1) лица не имѣющія правъ наслѣдованія (ст. 1107—1109); 2) родственники, которые вмѣсто продавцовъ къ купчимъ или при запискѣ въ крѣпостныхъ книгахъ руки приложили, или же во свидѣтельствѣ подписались (ст. 1362). Это второе ограниченіе представляя въ настоящее время antiquitas juris безъ ущерба могло бы быть вычеркнуто и замѣнено прямымъ отказомъ въ нотаріальномъ порядкѣ отъ права выкупа при совершеніи купчей крѣпости. Замѣчатель-

но также, что не содержится правила о выкупѣ заложенныхъ имуществъ, изъ чего слѣдуетъ, что родственники, пользующіеся правомъ выкупа проданныхъ чужеродцу имуществъ не имѣютъ права выкупать заложенныхъ чужеродцу же имуществъ. Трудно сказать почему въ дѣйствующемъ сводѣ отвергнуто искони существовавшее право ближнихъ родственниковъ выкупать заложенное чужеродцу имущество. Подобное ограниченіе нельзя иначе разсматривать какъ стѣсненіе права выкупа. Конечно это ограниченіе образовалось исторически; но тѣмъ не менѣе представляется страннымъ удержаніе его въ дѣйствующемъ законѣ. Неимѣя возможности выкупить заложенное и просроченное имущество, или же описанное и назначенное въ продажу имущество ближнимъ родственникамъ, а по смерти отца его дѣтямъ или внукамъ, по смерти дяди, если бы они пожелали удержать имущество за собою, остается одно средство — участвовать на общемъ основаніи при публичной продажѣ имущества съ торговъ, тѣмъ болѣе что, на основаніи 3 и 4 п. ст. 1347, родовыя имущества не подлежатъ выкупу, когда они пріобрѣтены съ публичныхъ торговъ. Субъектами права выкупа являются кровные родственники, которые продавцу имѣнія суть ближайшіе наслѣдники. Оно переходитъ отъ ближнихъ родственниковъ къ дальнимъ, согласно съ правилами законнаго наслѣдованія по линіямъ и степенямъ (ст. 1355). Такимъ образомъ дѣйствующее законодательство весьма категорично признаетъ зависимость выкупа отъ права законнаго наслѣдованія. Мы уже упоминали объ ограниченіи дѣтей и внуковъ, выкупать имущество при жизни ихъ отца и дѣда (продавца). По судебнику Ивана IV дѣти и внуки не могли выкупать безусловно, какъ при жизни, такъ и по смерти продавца. Послѣ смерти отца и дѣда, дѣти его внука имѣютъ право выкупа, но не безусловно, а только въ томъ случаѣ, если до истеченія срока имѣніе не будетъ выкуплено другими ближайшими родственниками (ст. 1356). Такимъ образомъ ближніе родственники имѣютъ то преимущество передъ дѣтьми и внуками, что могутъ выкупать при жизни продавца, что́ воспрещается дѣтямъ безусловно, а внукамъ

въ томъ случаѣ, когда отцы ихъ не были отдѣлены. Когда ближайшіе родственники, имѣющіе право выкупа, не хотятъ онымъ воспользоваться, то право сіе они могутъ передать дальнимъ родственникамъ чрезъ письменное дозволеніе на выкупъ (ст. 1357). Такъ какъ подобное письменное дозволеніе составляетъ судебное доказательство, то оно по нашему мнѣнію должно быть удостовѣреніемъ: 1) того, что оно дѣйствительно выдано такимъ-то и 2) что этотъ такой-то дѣйствительно имѣлъ правоспособность выдать дозволеніе. Ближайшіе родственники, не имѣющіе права выкупа при живыхъ продавцахъ, какъ-то: дѣти и внуки (ст. 1356), не могутъ давать дозволенія на выкупъ; право сего дозволенія принадлежитъ ближайшимъ по нихъ родственникамъ (ст. 1358). Никто безъ сомнѣнія не можетъ передавать другому болѣе правъ, чѣмъ самъ имѣетъ—поступиться же будущимъ правомъ имѣющимъ связь съ наслѣдованіемъ незаконно. Изъ родственниковъ равно близкихъ къ продавцу, каждый имѣетъ право на выкупъ всего имѣнія безъ позволительныхъ писемъ отъ прочихъ; но сіи послѣдніе могутъ выкупать отъ него слѣдующія имъ части (ст. 1359). Примѣненіе этой статьи на практикѣ при конкуренціи родственниковъ равно близкихъ продавцу (два брата напр.) можетъ возбудить недоразумѣнія. Если одинъ братъ бездѣтнаго продавца напримѣръ предъявилъ требованіе о выкупѣ, а вслѣдъ за нимъ предъявляетъ таковое же и другой братъ его и оба каждый для себя лично просятъ о выкупѣ всего имѣнія, то не слѣдуетъ-ли предоставить право выкупа всего имѣнія тому, который предъявилъ требованіе прежде, а другому уже можетъ быть предоставлено право выкупить свою часть у брата. Но покамѣсть будетъ тянуться дѣло можетъ истечь 3 лѣтній срокъ, или же срокъ этотъ не имѣетъ значенія для этого рода выкупа своей части? Лица женскаго пола чрезъ замужество и перемѣну фамилій не теряютъ права на выкупъ имуществъ, вышедшихъ изъ ихъ рода, и родственники по женскому колѣну, на томъ же самомъ основаніи допускаются къ выкупу какъ и родственники по мужескому колѣну (ст. 1360). Слово женское колѣно для не спеціалистовъ неопредѣленно и

потому желательно было бы поясненіе этого выраженія примѣрами. Родственники допускаются къ выкупу безъ различія лѣтъ и возраста (ст. 1361). Желательно было бы включенія еще слова „званія", такъ какъ выкупъ не составляетъ привиллегіи одного дворянства, и недопускается лишь въ томъ случаѣ когда ненаселенныя земли, проданы отъ лица одного сословія лицу другаго сословія (ст. 1350). Къ выкупу не могутъ быть допущены: 1) лица не имѣющія правъ наслѣдованія (ст. 1107—1109); 2) родственники, которые вмѣсто продавцевъ къ купчимъ, или при записке въ крѣпостныхъ книгахъ руки приложили, или же въ свидѣтельствѣ подписались. Вторая половина этой статьи по продолж. 1868 г. дополнена слѣдующимъ примѣчаніемъ: въ мѣстностяхъ, гдѣ введено положеніе о нотаріальной части, актъ совершаемый у нотаріуса вносится въ актовую книгу и подписывается въ оной участвующими въ совершеніи, а равно и свидѣтелями.

Имущества могущія служить предметомъ права выкупа. Объектъ права—это во 1) недвижимыя, а во 2) родовыя имущества. Всякое родовое имѣніе непремѣнно должно быть недвижимымъ, ибо движимыя имущества всегда признаются благопріобрѣтенными. Но не всякое недвижимое признается родовымъ. Такимъ образомъ объектомъ права является недвижимое родовое имущество, или проще, родовое имущество. Признаки отличающіе недвижимыя благопріобрѣтенныя отъ родовыхъ указаны въ законахъ. Чѣмъ эти признаки точнѣе обозначены, опредѣлены и разъяснены, тѣмъ конечно безспорнѣе является требованіе о выкупѣ, и наоборотъ если признаки эти недостаточно ясно формулированы, такъ что способны вызывать сомнѣнія и споры то право выкупа конечно должно пострадать въ своемъ осуществленіи. Выкупъ, институтъ до крайности чувствительный къ перемѣнамъ въ законодательствѣ по наслѣдственному праву и праву на поземельную собственность. Всякая перемѣна въ правѣ наслѣдственномъ или правѣ собственности неизбѣжно отражается и въ правѣ выкупа. Вотъ почему съ изданіемъ Положенія 19 февраля 1861 года возбудился вопросъ о выкупѣ земель заселенныхъ крестьянами. Вотъ что по этому вопросу

находимъ въ систематическомъ сводѣ рѣшеній кассаціоннаго департамента сената 1866 — 1871 года (Изданіе А. Думашевскаго, томъ первый, глава 6-я, стран. 180). Земли, заселенныя крестьянами, обязательныя отношенія коихъ къ бывшимъ ихъ помѣщикамъ уже прекратились, считаются ненаселенными, а потому проданныя лицомъ одного-состоянія лицу другаго, — выкупу не подлежатъ. Положеніе это было двукратно высказано харьковскою судебною палатою, какое положеніе признано было сенатомъ правильнымъ. (1869 года № 138 и 1870 года № 772. См. § 40 стран. 27 въ сводѣ г. Думашевскаго). Подъ названіемъ, „населенныя земли" законодательство наше въ прежнее время понимало только земли, населенныя крѣпостными людьми, а нынѣ подъ этимъ слѣдуетъ разумѣть только земли, занимаемыя временно-обязанными крестьянами. Въ дѣлѣ Щербинина, харьковская судебная палата признала, „что законодательство наше подъ населенными имѣніями разумѣло только недвижимыя имѣнія, населенныя лицами крѣпостнаго состоянія, и что право владѣнія населенными имѣніями предоставлялось единственно потомственнымъ дворянамъ. Съ отмѣною крѣпостнаго права населенныя помѣщичьи имѣнія въ коихъ крестьяне получили въ собственность усадебныя и полевыя земли, или приступлено къ выкупу оныхъ, перестаютъ считаться имѣніями населенными, теряютъ свойство имѣній дворянскихъ и пріобрѣтеніе на оныя правъ предоставлено всѣмъ сословіямъ (ст. 773 т. X ч. I. и примѣч. по продолж. 1863 года и ст. 228 т. IX по продолж. 1863 г.) Но тѣ имѣнія, гдѣ обязательныя отношенія крестьянъ къ помѣщику еще неокончены, гдѣ крестьяне еще временно прикрѣплены къ землѣ, остаются по закону имѣніями населенными и право владѣнія оными, со всѣми лежащими на крестьянахъ повинностями, можетъ быть пріобрѣтаемо только потомственными дворянами (Положеніе 19 февраля 1861 г. объ отчужденіи и отдачѣ въ залогъ помѣщичьихъ имѣній п. 2-й). Такимъ образомъ съ повсемѣстнымъ прекращеніемъ обязательныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ исчезаетъ неминуемо и самое значеніе населеннаго

имѣнія. Сенатъ призналъ правильнымъ это заключеніе палаты (1869 г. № 138. Тоже 1870 г. № 772). Относительно происхожденія запрещенія выкупать имѣнія благопріобрѣтенныя находимъ у Неволина слѣдующее: Въ указахъ 1737, 1744, 1755 и 1766 годовъ, хотя предполагалось, но прямо не было выражено, что выкупу подлежатъ только имущества родовыя, а не благопріобрѣтенныя. Почему возникало иногда сомнѣніе, не слѣдуетъ ли и благопріобрѣтенныя имѣнія, проданныя или заложенныя отдавать родственникамъ на выкупъ. Вслѣдствіе сего въ 1799 г. сенатъ представлялъ императору Павлу I, что уложеніемъ запрещено отдавать на выкупъ благопріобрѣтенное имѣніе, и этотъ законъ не отмѣненъ и изданными въ 1744 году и послѣ того указами, которыми опредѣленъ только порядокъ между родственниками въ выкупѣ родовыхъ имѣній и срокъ выкупа и т. д. (см. Неволинъ, Ист. Росс. Гражд. Зак). Самое запрещеніе выкупать имѣнія благопріобрѣтенныя, одинъ французскій юристъ мотивируетъ такимъ образомъ: Retractus est jus conservatorium, non acquisitorium; c'est pourquoi le retrait ne doit point être admis dans la vente des acquéts. Переходя къ дѣйствующимъ на этотъ предметъ узаконеніямъ мы остановимся лишь на нѣкоторыхъ. Въ 1 п. ст. 1347 сказано: родовыя имущества не подлежатъ выкупу: 1) когда оныя продажею перешли въ тотъ же родъ, хотя бы пріобрѣтатели оныхъ происходили отъ общаго родоначальника по женскому колѣну и носили другую фамилію. Употребленное въ законѣ слово *родъ* предполагается общепонятнымъ, но на самомъ дѣлѣ правильное пониманіе рода и родовой связи нерѣдко представляется многимъ смутными. Въ ст. 1350 сказано: ненаселенныя земли, проданныя отъ лица одного состоянія лицамъ другаго, выкупу не подлежатъ. А. Д. Любавскій (Юрид. Вѣстн. 1871 г. № 8 стран. 19) входитъ въ подробное обсужденіе этого закона въ историческомъ отношеніи и говоритъ: Мы разсмотримъ слѣдующіе вопросы.

I. Какъ произошелъ этотъ законъ исторически?

II. Что нужно понимать подъ землями ненаселенными?

III. Какое значеніе имѣетъ нынѣ это постановленіе закона?

I. 20 апрѣля 1807 г. (№ 22519) послѣдовалъ правительствующему сенату высочайшій указъ по дѣлу о выкупѣ земли, проданной помѣщикомъ Глазатовымъ казеннымъ крестьянамъ. Въ указѣ изложено: „что имѣніе сіе, обратясь изъ дворянскаго въ поселянское, существо свое уже перемѣнило; а чтобы собственность, казенными крестьянами черезъ покупку у помѣщиковъ пріобрѣтенную, можно было отдавать на выкупъ, о томъ въ законахъ никакого постановленія нѣтъ. Въ разсужденіи сего Мы разсудили за благо къ разрѣшенію настоящаго случая и для руководства на будущія времена учредить слѣдующее общее правило: земли, казенными крестьянами, купцами и прочаго званія людьми въ собственность пріобрѣтенныя, равно и земли дворянами отъ тѣхъ сословій купленныя, на выкупъ не отдавать; а посему право выкупа должно отнынѣ существовать единственно между людьми единаго состоянія, такъ чтобы никоторое изъ нихъ не имѣло права на выкупъ имѣнія, перешедшаго изъ одного состоянія въ другое."

Но эти послѣднія слова отмѣнены послѣдующимъ указомъ сената 31 января 1817 г. (№ 26647), которымъ разъяснено, что указомъ 20 апрѣля 1807 г. запрещается отдавать на выкупъ только земли ненаселенныя, перешедшія отъ людей одного состоянія къ людямъ другаго, но никакія другія имѣнія подъ силу сего указа не подходятъ.

Сообразивъ вышеизложенное, мы приходимъ къ слѣдующему заключенію:

1) Указъ 1807 г. основанъ на томъ соображеніи, что земля помѣщика, пріобрѣтенная крестьянами „существо свое уже перемѣнила." Слѣдовательно это постановленіе имѣло въ виду оградить права крестьянъ и какъ бы покровительствовать пріобрѣтенію ими поземельной собственности.

2) Указъ 1809 г. воспрещалъ выкупъ ненаселенныхъ земель только въ двухъ случаяхъ: а) при продажѣ дворянами земель лицамъ прочихъ сословій; б) при покупкѣ дворянами земель отъ лицъ сихъ сословій; потому напр. земля, проданная купцомъ крестьянину, могла подлежать выкупу. Но Сводъ Законовъ уничтожилъ эти двѣ группы между сосло-

віями, постановивъ вообще, что земли проданныя лицами одного сословія лицамъ другаго, выкупу не подлежатъ (ст. 1350).

3) Правило указа 1807 г. о томъ, «что и право выкупа должно отнынѣ существовать единственно между людьми одинаковаго состоянія", высказанное въ общихъ выраженіяхъ, послѣдующимъ указомъ сената 1817 г. отнесено только къ землямъ.

II. Разсматривая вопросъ „что нужно понимать подъ землями ненаселенными?", мы находимъ, что при существованіи крѣпостнаго права „населенными" по буквѣ закона признавались лишь имѣнія населенныя приписанными къ нимъ крѣпостными крестьянами (ст. 1009 зак. гражд. и ст. I общ. полож. о крестьянахъ вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости). Эти имѣнія могли быть пріобрѣтены только потомственными дворянами, а затѣмъ дѣлается понятнымъ, почему въ 1350 ст. говорится о земляхъ ненаселенныхъ, ибо только сіи послѣднія могли быть покупаемыми лицами прочихъ сословій.

III. Обсуждая „какое значеніе ст. 1350 имѣетъ въ настоящее время", мы приходимъ къ слѣдующему заключенію: происхожденіемъ своимъ она обязана желанію законодателя оградить владѣніе крестьянами пріобрѣтенной ими земли. Это вполнѣ государственное соображеніе имѣетъ полную силу нынѣ, когда за освобожденіемъ крестьянъ, имъ предоставлено пріобрѣтать въ частую собственность земли. Поэтому ст. 1350 должна быть оставлена въ нашемъ законодательствѣ безъ измѣненій и пріобрѣтаетъ тѣмъ большую важность, что нынѣ всѣ земли по буквѣ закона должны быть признаны „ненаселенными", ибо къ нимъ уже не состоятъ приписанными крѣпостные крестьяне. Не беремся обсуждать насколько вѣрно толкованіе А. Д. Любавскаго что законодатель руководился желаніемъ „оградить владѣніе крестьянами пріобрѣтенной ими земли", хотя высказанное авторомъ соображеніе или объясненіе представляется единственно вѣроятнымъ мотивомъ указа 1807 года.

Срокъ для выкупа родовыхъ имуществъ. Опредѣленіе срока для выкупа по стѣснительности самаго права выкупа для гражданскаго оборота сознавалось весьма рано въ исторіи человѣчества, Выкупъ родился кажется уже ограниченный извѣстнымъ срокомъ. Одна только исторія нашего права то смутно сознавая срочность выкупа, то допуская слишкомъ продолжительный срокъ (40 лѣтъ), повидимому противорѣчитъ этой общечеловѣческой идеѣ. Мы уже знаемъ изъ предыдущаго изложенія, о существованіи 40-лѣтняго срока, объ отмѣнѣ его и замѣнѣ 3-лѣтнимъ, намъ извѣстны даже основанія, высказанныя въ указѣ по этому случаю, которыя привели законодателей къ отмѣнѣ слишкомъ продолжительнаго 40 лѣтняго срока. Но почему именно принятъ 3-лѣтній срокъ? Почему не два года, не пять лѣтъ, а именно 3 года? Вопросъ на который трудно отвѣчать, хотя и возможно предположеніе, что 3 года есть кратчайшій срокъ и притомъ имѣющій соотношеніе съ трехпольною системою хозяйства. Время или начало счисленія этого срока опредѣлено закономъ (ст. 1363). Мы полагаемъ что въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ введено нотаріальное положеніе началомъ срока должно принимать утвержденіе старшимъ нотаріусомъ крѣпостнаго акта. Замѣчательно постановленіе изложенное въ ст. 1366: кто оспаривая самый актъ, по которому имѣніе перешло въ чужой родъ, пропуститъ срокъ выкупа, тотъ лишается сего права. Эта статья закона представляетъ замѣчательный примѣръ юридической коллизіи для лица, желающаго воспользоваться правомъ выкупа и между тѣмъ имѣющаго и другія предполагаемыя или дѣйствительныя права на отчужденную собственность. Происхожденіе этой статьи чисто казуистическое и этимъ только и можно объяснить ея крайнюю несостоятельность въ юридическомъ отношеніи.

Цѣна выкупа или вознагражденіе владѣльца выкупаемаго имѣнія. Выкупъ не иначе можетъ состояться какъ подъ условіемъ вознагражденія покупщика родоваго имѣнія. Вознагражденіе это слагается изъ трехъ частей: 1) цѣна проданнаго имѣнія; 2) издержки, употребленныя покупщикомъ на под-

держаніе и улучшеніе имѣнія по оцѣнкѣ; и наконецъ 3) крѣпостныя пошлины (ст. 1367).

Законъ ничего не говоритъ объ охужденіи и разстройствѣ имѣнія которыя на практикѣ такъ же возможны какъ и улучшенія, напримѣръ лѣсъ сведенъ и проданъ, строеніе продано на свозъ и проч. За покупаемое имущество должно платить цѣну, означенную въ крѣпостяхъ, по коимъ оно перешло въ чужой родъ (ст. 1368).

Это постановленіе подавало не разъ поводъ къ приложенію корыстолюбивыхъ наклонностей, такъ напримѣръ, если въ купчей цѣна писалась ниже дѣйствительной, то наслѣдники предъявляли требованіе о выкупѣ и такимъ образомъ поплачивался недогадливый покупщикъ; наоборотъ если цѣна купчей была выше дѣйствительной (что обыкновенно и дѣлается, чтобы отбить охоту выкупать) то поплачивается или прямый наслѣдникъ или же когда не находилось охотниковъ выкупать въ виду дороговизны купчей, то такимъ образомъ самый выкупъ весьма просто устранялся, избитымъ и хорошо усвоеннымъ пріемомъ покупщиковъ родовыхъ имѣній. Въ нашъ практическій и коммерческій вѣкъ мало найдется наслѣдниковъ, которые помимо корыстныхъ разсчетовъ рѣшились бы выкупать имѣнія, тѣмъ болѣе что приверженцы могилъ отцевъ и фамильныхъ склеповъ также рѣдки, какъ рѣдко можно встрѣтить въ родовыхъ имѣніяхъ могилы предковъ и фамильные склепы, по той простой причинѣ, что великое множество такъ называемыхъ родовыхъ имѣній весьма удобно обходятся и безъ этихъ принадлежностей будучи сами весьма не древнаго происхожденія.— Если проданное имущество укрѣплено потомъ въ другія руки продажею или закладомъ, и до совершенія о томъ крѣпостнаго акта не подано прошенія о выкупѣ, то желающій выкупить долженъ заплатить цѣну, означенную въ послѣднемъ крѣпостномъ актѣ (ст. 1369). Статья эта невольно возбуждаетъ мысль воспользоваться ею для того, чтобы или сдѣлать невозможнымъ право выкупа возвышеніемъ его цѣны черезъ мнимый залогъ или по крайней мѣрѣ преувеличенный, или же получить выгоду въ случаѣ настойчиваго же-

ланія выкупить по стачкѣ съ залогодателемъ. Стачка этаго рода тѣмъ болѣе представляется удобною, что при совершеніи закладныхъ какъ извѣстно не взимается 4% крѣпостной сборъ, слѣдовательно, говоря сравнительно, совершеніе закладной на недвижимое имѣніе не требуетъ большихъ расходовъ. Въ сводѣ А. Думашевскаго, изданіи, на которое можно съ удовольствіемъ указать читающей публикѣ, по поводу закладной встрѣчаемъ тезисъ и выдержку весьма характерную изъ кассаціонныхъ рѣшеній. Тезисъ: *Оплаченная закладная не можетъ служить основаніемъ для опредѣленія цѣны выкупа родоваго имѣнія.* По дѣлу о выкупѣ родоваго имѣнія Баташева, проданнаго наслѣдниками его Соболевскому и симъ послѣднимъ заложеннаго женѣ своей, сенатъ нашелъ: „Соболевскій въ своей жалобѣ представилъ поводомъ къ отмѣнѣ рѣшенія слѣдующее: 1) что къ настоящему дѣлу, въ которомъ купля родоваго имѣнія и залогъ онаго послѣдовали въ порядкѣ статей X т. 1 ч., примѣнены при совершеніи выкупа этого родоваго имущества, не статьи тѣхъ гражданскихъ законовъ X т. 1 ч., а статьи судебныхъ уставовъ о выкупѣ, которые вступили въ дѣйствіе послѣ совершенія означенныхъ юридическихъ дѣйствій, и слѣдовательно обратнаго дѣйствія на нихъ имѣть не должны и 2) что судебная палата, вопреки сознанія его, Соболевскаго, о неплатежѣ денегъ, признала закладную, на основаніи одной надписи кредиторши, оплаченною сполна и посему недѣйствительною. Сенатъ нашелъ: первый изъ сихъ доводовъ имѣлъ бы существенное значеніе въ томъ случаѣ, когда бы купчая крѣпость и закладная имѣли одинаковую силу, и слѣдовательно каждый изъ сихъ актовъ могъ бы служить основаніемъ при разрѣшеніи спора о цѣнѣ выкупа. Въ этомъ случаѣ надлежало бы суду войти въ разсмотрѣніе вопроса о примѣненіи къ настоящему дѣлу закона, или статьи 1369 X т. 1 ч., по которой цѣна опредѣляется закладною крѣпостью, или 1439 ст. уст. гр. суд., по которой цѣна опредѣляется купчею крѣпостью. Но такъ какъ закладная крѣпость оплачена, что видно изъ платежной надписи, то она на основаніи 1649 и 1650 ст. X т. 1 ч., поте-

ряла всякое значеніе и силу, и слѣдовательно, въ случаѣ обсужденія настоящаго дѣла на основаніи законовъ X т. 1 ч. не можетъ служить основаніемъ при опредѣленіи цѣны выкупа, ибо въ 1369 ст. X т. 1 ч. имѣются въ виду только заклады существующіе и неисполненные платежемъ со стороны должника.» (1868 г. № 185).—Въ этомъ рѣшеніи сената, обусловленномъ двумя случайностями фактическими: 1) представленіемъ оплаченной закладной и залогомъ имущества до введенія уст. гр. суд. въ дѣйствіе, все-таки выступаетъ на первый планъ коллизія въ примѣненіи ст. 1439 уст. гр. суд. при существованіи ст. 1369 X т. ч. 1, т.-е. должна ли цѣна выкупа опредѣляться цѣною купчей крѣпости или цѣною закладной, какъ послѣдняго крѣпостнаго акта.

Юридическое значеніе договора найма имуществъ или арендnаго договора при выкупѣ родовыхъ имѣній. Наше законодательство относительно найма имуществъ отличается крайнею неполнотою. Обстоятельство это обусловлено безъ сомнѣнія бытовыми условіями той эпохи, когда появилось первое изданіе Свода Законовъ. При существованіи крѣпостнаго права съ одной стороны и малаго развитія городской жизни съ другой, подробная регламентація найма имуществъ представлялась излишнею, какъ не вызываемая потребностями гражданской жизни. Но даже и при маломъ развитіи договоровъ найма есть такія стороны этого договора, которыя могли бы быть предусмотрѣны закономъ—это именно значеніе арендnаго договора при сингулярномъ преемствѣ или, говоря проще, при переходѣ права собственности къ другому лицу. Мы уже имѣли случай печатно высказывать наши соображенія *) о значеніи арендныхъ договоровъ для новыхъ пріобрѣтателей имѣнія, какъ по купчей крѣпости такъ и на случай отчужденія имѣнія чрезъ публичную продажу. Кассаціонная практика сената неоднократно приходила къ совершенно противоположному взгляду, считая арендные договоры обязательными для покупщиковъ и пріобрѣтателей имѣній съ торговъ. Распространяться здѣсь о значеніи вообще аренд-

*) См. Юридич. Этюды по гражд. праву М. 1871.

наго договора мы считаемъ совершенно излишнимъ, тѣмъ болѣе что недавно появившееся сочиненіе Владиміра Умова (Договоръ найма имуществъ по римскому праву и новѣйшимъ иностраннымъ законодательствамъ. Москва. 1872) разсматриваетъ этотъ предметъ такъ всесторонне и въ такомъ стройномъ, послѣдовательномъ изложеніи, что избавляетъ насъ совершенно представлять какія-либо общія соображенія. Въ предисловіи г. Умовъ между прочимъ высказываетъ слѣдующее: „Тотъ переворотъ, который положилъ прочную основу развитію и распространенію договора найма на западѣ, совершился въ настоящее царствованіе у насъ, и онъ начинаетъ новую эпоху въ исторіи развитія договора найма въ нашемъ отечествѣ. Крѣпостной трудъ дѣлалъ наемъ сельскихъ имуществъ явленіемъ исключительнымъ, а потому и положенія нашего права о наймѣ крайне неполны. Что значатъ 18 статей нашего свода, относящихся къ найму имуществъ, въ сравненіи съ 70 статьями французскаго кодекса и 350 параграфами прусскаго права? А между тѣмъ вспомнимъ, что Россія страна по преимуществу земледѣльческая, вспомнимъ подтвержденныя вѣковымъ опытомъ слова Колумелы о преимуществѣ арендnаго хозяйства передъ своимъ заглазнымъ, обратимъ вниманіе наконецъ и на тотъ фактъ, что съ реформы 1861 года договоръ аренды получаетъ у насъ все бо́льшее и большее распространеніе, и по всему этому намъ можно будетъ судить о томъ значеніи, которое получитъ этотъ договоръ въ нашей гражданской и политической жизни“ и т. д. Этими словами молодаго ученаго цивилиста мы оканчиваемъ изложеніе общаго взгляда на наемъ имуществъ и переходимъ къ частному вопросу. Наши законы о выкупѣ родовыхъ имѣній совершенно ничего не постановляютъ относительно арендныхъ договоровъ, заключенныхъ покупщикомъ родоваго имѣнія и объ обязательности подобнаго договора для лица выкупающаго имѣніе. Само собою разумѣется, что подобный договоръ можетъ являться большимъ стѣсненіемъ для лица, выкупившаго имѣніе, тѣмъ болѣе что насколько намъ знакома судебная практика и отечественное законодательство, то не полагается никакого различія въ

этомъ случаѣ между договорами явленными установленнымъ порядкомъ и договорами домашними, которые безъ сомнѣнія могутъ совершаться задними числами, точно также ни практика, ни законы не признаютъ ничтожными договоровъ, по которымъ арендная плата получена за нѣсколько лѣтъ впередъ. Умолчаніе закона объ арендныхъ договорахъ при выкупѣ родовыхъ имѣній конечно не исключаетъ возможности существованія подобныхъ договоровъ. Какими же правилами разрѣшаются споры между арендаторомъ покупщика родоваго имѣнія и его преемникомъ по праву выкупа? Слѣдуетъ ли въ этомъ случаѣ руководствоваться правилами перехода имѣній по купчей крѣпости, или правилами о публичной продажѣ имущества и обязательности аренднаго договора для покупателя имѣнія съ публичныхъ торговъ. Отъ разрѣшенія этой дилеммы зависитъ также и возможность примѣненія ст. 1099 уст. гр. суд. которая гласитъ: договоры по имѣнію, заключенные должникомъ до полученія повѣстки объ обращеніи взысканія на недвижимое имѣніе, сохраняютъ свою силу до назначеннаго въ нихъ срока. Нетолько желательно было бы чтобы статья эта имѣла примѣненіе въ дѣлахъ о выкупѣ, но необходимо допустить ея распространеніе въ пониманіи такимъ образомъ: что всѣ договоры заключенные покупщикомъ родоваго имѣнія только тогда могутъ быть признаны обязательными для выкупающаго, когда они заключены до начала дѣла о выкупѣ, т.-е. до полученія отвѣтчикомъ исковаго прошенія. Впрочемъ даже при такомъ примѣненіи закона отвѣтчику предоставляется полная возможность заключать арендные договоры (домашніе) задними числами и получать уплату по онымъ за нѣсколько лѣтъ впередъ, потому что подобныя уловки непредусмотрѣны закономъ, который даже не проводитъ юридической черты отличающей право владѣнія отъ права пользованія, впрочемъ только по недостатку терминологіи. Мы уже знаемъ, что французское законодательство не признаетъ права принудительнаго выкупа, французскій выкупъ pacte de rachat есть договорный, условный, а не обязательный. Но для своего договорнаго, условнаго права выкупа французскій законо-

датель не забылъ упомянуть объ арендныхъ договорахъ. Здѣсь мы встрѣчаемъ двѣ статьи закона, которыя будутъ не лишними въ нашемъ изложеніи. Одна изъ этихъ статей прямо относится къ праву выкупа, а другая имѣетъ общее значеніе, но тѣмъ не менѣе также имѣющее соотношеніе къ первой.

Въ art. 1673 между прочимъ постановлено: Lorsque le vendeur rentre dans son héritage par l'effet du pacte de rachat, il le reprend exempt de toutes les charges et hypotheques dont l'acquereur l'aurait grevé: il est tenu d'exécuter les baux faits sans fraude par l'acquéreur.—Въ art. 2102 постановлено: Les créances privilegieés sur certains meubles sont, 1°. Les loyers et fermages de immeubles, sur les fruits de la récolte de l'année, et sur le prix de tout ce qui garnit la maison louée ou la ferme, et de tout ce qui sert à l'exploitation de la ferme; savoir pour tout ce qui est échu, et pour tout ce qui est à echoir, si les baux sont authentiques, ou si, etant sous signature privée, ils ont une date certaine. A durs ces deux cas, les autres creanciers ont de droit de relouer la maison ou la ferme pour le restant du bail, et de faire leur profit des baux ou fermages, à la charge toutefois de payer au proprietaire tout ce qui lui serait encore du (Code Civil). Эта-то date certaine, на которую нѣтъ ни малѣйшаго указанія въ нашихъ законахъ и ограждаетъ новыхъ пріобрѣтателей отъ подложныхъ въ смыслѣ времени договоровъ найма имуществъ. Впрочемъ этотъ недостатокъ отчасти устраненъ въ настоящее время ст. 477 уст. гражд. суд., въ которой постановлено: въ домашнихъ актахъ выставленный день совершенія почитается достовѣрнымъ только для тѣхъ лицъ, которыя сами въ актѣ участвовали, равно какъ для ихъ наслѣдниковъ и преемниковъ; прочія же лица, до чьихъ интересовъ касается актъ, могутъ оспаривать достовѣрность выставленнаго въ немъ числа.

Производство по дѣламъ о выкупѣ родовыхъ имѣній. Производство по дѣламъ о выкупѣ родовыхъ имѣній въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ введены судебные уставы 20 ноября 1864 и гдѣ право выкупа признается (см. 1354 ст. X т. ч. I) совершается на основаніи устава охранительнаго судо-

производства. Поэтому подробное разсмотрѣніе правилъ этого устава по отношенію къ выкупу родовыхъ имѣній и будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ изложеніемъ самаго производства по дѣламъ о выкупѣ. Правила устава въ этомъ случаѣ поставлены въ прямую и непосредственную зависимость отъ статей X т. ч. I; вопросы матеріальнаго и чисто процессуальнаго права такъ сливаются между собою, что постановленія X т. то кажутся процессуальными, то входятъ какъ составная и притомъ существенная принадлежность статей устава. Впрочемъ въ уставѣ встрѣчается нѣсколько статей чисто процессуальнаго характера, на которыхъ мы остановимся въ свое время. Уставъ охранительнаго судопроизводства, какъ извѣстно, обнародованъ послѣ устава гражданскаго судопроизводства. Весьма понятно поэтому, что въ мотивахъ этаго устава надобно искать объясненія этого появленія какъ бы дополнительнаго устава. Въ самомъ дѣлѣ неужели дѣла о выкупѣ родовыхъ имѣній требовали цѣлаго отдѣла устава охранительнаго судопроизводства, а не могли найти себѣ мѣсто между статьями устава гражданскаго судопроизводства, тѣмъ болѣе что всѣ относящіяся сюда статьи X т. остались неприкосновенными? Предлагая этотъ вопросъ мы какъ бы невольно вторгаемся въ сферу законодательную, которую и заставимъ отвѣчать саму за себя, при посредствѣ ниже предлагаемой нами выписки изъ мнѣнія государственнаго совѣта. „Вопросъ о правѣ выкупа родовыхъ имуществъ относится исключительно къ гражданскому праву, а не къ процессу и потому не подлежитъобсужденію при составленіи правилъ о порядкѣ производства выкупа. Обращать это производство изъ безспорнаго въ спорное не только не согласно со статьями 135 и 136 основныхъ положеній, въ коихъ именно сказано, что производство дѣлъ о выкупѣ имѣній подлежитъ особому порядку и должно быть отдѣлено отъ тяжебнаго, но несоотвѣтствовало бы и значенію выкупа, какъ гражданскаго права и составляющаго по нашимъ законамъ, необходимое дополненіе и развитіе права наслѣдства. Поставленный на ряду съ симъ послѣднимъ, выкупъ есть предусловленное закономъ право, подлежащее охраненію и приведенію въ дѣйствіе безспор-

нымъ, охранительнымъ порядкомъ, точно также какъ и самое право наслѣдства. Въ этомъ смыслѣ и въ указѣ 19 декабря 1788 г.(полн. собр. № 14829 п. 9) сказано: „выкупъ не споръ, а право". Впрочемъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что всѣ возникающіе при производствѣ выкупа споры, также точно, какъ и споры о правѣ наслѣдства, объ исполненіи договоровъ и даже объ исполненіи судебныхъ рѣшеній, должны разсматриваться и разрѣшаться по правиламъ спорнаго производства. Въ нашихъ гражданскихъ законахъ (1346—1373 т. X ч. I) вовсе нѣтъ правилъ о порядкѣ производства выкупа. Только во II томѣ (сводъ общихъ губернскихъ учрежденій ст. 4049) есть указаніе, что дѣла сіи производятся частнымъ порядкомъ. Вслѣдствіе такой неполноты постановленій, собственно до порядка производства дѣлъ о выкупѣ относящихся, на практикѣ возбуждаются различныя сомнѣнія и нерѣдко возникаютъ споры, вынуждаемые произвольными дѣйствіями судебныхъ мѣстъ, происходящими не столько отъ намѣренія судей, сколько отъ упомянутой неполноты законовъ, относящихся до судопроизводства охранительнаго. Въ этомъ отношеніи обращаетъ на себя вниманіе статья 1387 тома X ч. I. законовъ гражданскихъ, въ коей означены условія выкупа. Въ ней именно сказано: желающій выкупить родовое имѣніе обязанъ уплатить: 1) цѣну проданнаго имѣнія; 2) издержки, употребленныя покупщикомъ на поддержаніе и улучшеніе имѣнія по оцѣнкѣ; наконецъ 3) крѣпостныя пошлины. Статья эта, какъ статья гражданскаго права, не возбуждаетъ никакого сомнѣнія, но по отношенію къ процессу въ ней не выражено съ надлежащею опредѣлительностью правила, когда именно производится уплата цѣны имѣнія, крѣпостныхъ пошлинъ и издержекъ. Сверхъ того первые два платежа, которые могутъ и должны быть сдѣланы при самой подачѣ просьбы о выкупѣ, соединены въ одной статьѣ съ уплатою издержекъ, которая не можетъ быть сдѣлана безъ предварительнаго сношенія съ выкупившимъ имѣніе не только о количествѣ этихъ издержекъ, но даже и о томъ, возникаетъ ли подобное требованіе со стороны покупщика. Вслѣдствіе сего смѣшенія разнородныхъ условій, изъ ко-

ихъ первыя два требуются силою самого закона, а послѣднее зависитъ отъ усмотрѣнія частнаго лица, на практикѣ дѣйствительно возникаютъ сомнѣнія и споры, для устраненія и предупрежденія коихъ государственный совѣтъ призналъ необходимымъ постановить, что сумма, въ коей продано имѣніе, и крѣпостныя пошлины должны быть вносимы вмѣстѣ съ доказательствами о правѣ выкупа, при самой подачѣ просьбы о выкупѣ, а издержки только при совершеніи акта, по истребованіи о количествѣ ихъ свѣдѣнія отъ выкупившаго имѣніе. При несоблюденіи сего правила прошеніе подлежитъ возвращенію безъ предъявленія противной сторонѣ, ибо послабленіе въ такомъ случаѣ выкупающему имѣніе могло бы способствовать подачѣ затѣйливыхъ прошеній о выкупѣ единственно съ цѣлью вывести купившаго въ напрасныя хлопоты и безпокойство. Срокъ на подачу объясненія противъ прошенія о выкупѣ, государственный совѣтъ призналъ нужнымъ назначить мѣсячный по примѣненію къ статьѣ 299 устава гражданскаго судопроизводства. Личная явка и состязаніе сторонъ въ дѣлахъ сего рода не суть необходимое условіе: ибо такое положительное требованіе, необходимое при тяжебномъ процессѣ, могло бы только замедлить ходъ дѣлъ охранительныхъ, въ большей части случаевъ рѣшающихся безъ всякихъ споровъ и состязаній. По симъ же причинамъ, въ дѣлахъ сего рода недопускаются и заочныя рѣшенія; ибо столь безспорное право выкупа могло бы оставаться безъ исполненія единственно по уклоненію покупщика, который имѣлъ бы возможность, умышленно замедляя ходъ дѣла, растратить между тѣмъ родовое имущество и вообще привести его въ худшее положеніе, а между тѣмъ съ возвращеніемъ имѣнія покупателю охранительнымъ порядкомъ, получилъ бы всю сумму, прежде имъ уплаченную за имѣніе хорошо устроенное.

Постановленіе суда о выкупѣ имѣнія не можетъ лишать покупщика, не имѣвшаго возможности прислать въ надлежащій срокъ объясненіе о количествѣ издержекъ, права предъявить о томъ искъ въ краткій срокъ, установленный въ статьѣ 899 устава гражданскаго судопроизводства. Это

правило есть необходимое послѣдствіе недопущенія здѣсь заочныхъ рѣшеній. Покупщикъ не имѣетъ права умышленно замедлять ходъ дѣла и не можетъ воспользоваться правомъ отзыва, по случаю возбужденнаго имъ вопроса объ издержкахъ, на постановленіе суда, относящееся исключительно только къ праву выкупа, но между тѣмъ это не должно лишать его права предъявить о томъ особый искъ, нисколько не нарушая силы постановленія суда о выкупѣ имѣнія. Такъ какъ постановленія суда разрѣшаютъ вопросъ о правѣ собственности на недвижимое имѣніе, то очевидно, что они подлежатъ обжалованію въ апелляціонномъ порядкѣ и даже въ кассаціонномъ, во всемъ согласно съ правилами устава гражданскаго судопроизводства. Но тѣмъ не менѣе постановленія сего рода не могутъ нарушать правъ неимѣвшихъ свѣдѣній о производствѣ выкупа ближайшихъ родственниковъ продавца и недавшихъ выкупателю установленнаго въ статьѣ 1357 т. X ч. I законовъ гражданскихъ письменнаго на выкупъ дозволенія, требовать удержанія имѣнія въ ихъ родѣ до истеченія сроковъ, установленныхъ для сего въ законахъ гражданскихъ (ст. 1363 X т. ч. 1). Само собою разумѣется, что это правило ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть распространяемо на тѣ случаи, когда выкупъ имѣнія разрѣшается и безъ представленія позволительныхъ писемъ (ст. 1359 т. X ч. I зак. гражд.)". (Судебн. уставы 29 ноября 1864 г. съ разъясненіемъ ихъ по рѣшен. кассаціоннаго департамента правительств. сената 1866—1870 г. 5 изданіе И. П. Анисимова. Узаконенія изданныя въ поясненіе и дополненіе къ судебн. уставамъ 20 ноября 1864 года № 16 стр. 54—561). Изъ приведеннаго нами мотива госуд. совѣта къ Высочайше утвержденному 14-го апрѣля 1866 года мнѣнію государственнаго совѣта о порядкѣ судопроизводства охранительнаго, очевидно выказывается основаніе почему производство по дѣламъ о выкупѣ включено въ уставъ охранительнаго судопроизводства и для чего именно потребовалось изданіе правилъ о самомъ производствѣ по дѣламъ о выкупѣ, хотя и до изданія судебныхъ уставовъ дѣла о выкупѣ производились въ судебныхъ мѣстахъ

прежняго устройства. Наше личное мнѣніе таково, что всякое производство, гдѣ являются двѣ заинтересованныя стороны, интересы которыхъ идутъ въ разрѣзъ и прямо противоположны, не можетъ быть предметомъ охранительнаго порядка. Относительно выкупа дѣйствительно является дуализмъ — во первыхъ признаніе судомъ, что имѣніе есть дѣйствительно родовое, что предъявляющій на оное требованіе выкупа есть именно то лицо, которому это право принадлежитъ. Это дѣйствительно элементъ охранительный, но и здѣсь, для того чтобы элементъ этотъ получилъ обособленное бытіе, необходимо отдѣльное постановленіе по этому предмету судебнаго опредѣленія безъ участія и безъ права обжалованія для покупщика родоваго имѣнія. Если же противной сторонѣ предоставлена будетъ жалоба на самое признаніе судомъ имѣнія родовымъ и права истца на выкупъ онаго, то какое же это охранительное судопроизводство? это просто состязательное, спорное, тяжебное производство. Второй элементъ—это присужденіе извѣстнаго вознагражденія за отчуждаемое имѣніе. Здѣсь уже ничего охранительнаго и предположить даже нельзя, до такой степени здѣсь интересы выкупающаго противоположны интересамъ покупщика родоваго имѣнія. Впрочемъ высказанное нами мнѣніе не даетъ намъ права игнорировать тѣ черты производства о выкупѣ которыя, обусловливая самое понятіе охранительнаго и перенося эти признаки на производства по дѣламъ о выкупѣ, включаютъ сей послѣдній въ охранительный порядокъ производства. 1) Выкупъ есть необходимое дополненіе и развитіе права наслѣдства, поставленный на ряду съ симъ послѣднимъ выкупъ есть предусловленное закономъ право, подлежащее охраненію и приведенію въ дѣйствіе безспорнымъ, охранительнымъ порядкомъ, точно также какъ право наслѣдства. Выкупъ не споръ, а право. 2) Признано необходимымъ постановить, *что сумма, въ коей продано имѣніе и крѣпостныя пошлины должны быть вносимы вмѣстѣ съ доказательствами о правѣ выкупа при самой подачѣ просьбы о выкупѣ,* а издержки только при совершеніи акта, по истребованіи о количествѣ ихъ свѣдѣнія отъ выкупив-

шаго имѣніе. При неособлюденіи сего правила прошеніе подлежитъ возвращенію безъ предъявленія противной сторонѣ, ибо послабленіе въ такомъ случаѣ выкупающему имѣніе могло бы способствовать подачѣ затѣйливыхъ прошеній о выкупѣ единственно съ цѣлью ввести купившаго въ напрасныя хлопоты и безпокойство. 3) *Личная явка* и состязаніе сторонъ въ дѣлахъ сего рода не суть необходимое условіе: ибо такое положительное требованіе, необходимое при тяжебномъ процессѣ, могло бы только замедлить ходъ дѣлъ охранительныхъ, въ большей части случаевъ рѣшающихся безъ всякихъ споровъ и состязаній. 4) По симъ же причинамъ въ дѣлахъ сего рода *не допускаются и заочныя рѣшенія,* ибо тогда безспорное право выкупа могло бы оставаться безъ исполненія единственно по уклоненію покупщика, который имѣлъ бы возможность, умышленно замедляя ходъ дѣла, растратить между тѣмъ родовое имущество и вообще привести его въ худшее положеніе, а между тѣмъ съ возвращеніемъ имѣнія выкупателю охранительнымъ порядкомъ получилъ бы всю сумму прежде имъ уплаченную за имѣніе хорошо устроенное. Итакъ признаніе выкупа не споромъ, а правомъ, предписаніе вносить сумму и крѣпостныя пошлины при самой подачѣ просьбы о выкупѣ при необязательности личной явки и запрещеніе заочныхъ рѣшеній—все это въ совокупности привело къ мысли о признаніи производства по выкупу родовыхъ имѣній охранительнымъ, а не тяжебнымъ. Познакомимся со взглядомъ на этотъ предметъ К. П. Побѣдоносцева. „Судопроизводство охранительное имѣетъ предметомъ не возстановленіе нарушеннаго права, а утвержденіе безспорныхъ правъ, требующихъ повѣрки и признанія, или признаніе наличнаго состоянія лица или имущества законнымъ. Посему съ предъявленіемъ спора о правѣ, утвержденія коего домогается проситель, производство по спору теряетъ свойство охранительнаго, и постановленія состоявшіяся въ охранительномъ порядкѣ не пріобрѣтаютъ безусловной законной силы судебнаго рѣшенія, и не преграждаютъ возможности опровергать признанное право или состояніе посредствомъ иска и судебнаго производства. (Зак. гр. 1241, уст. гражд.

суд. 1420, 1434, 1447, 1459). Въ дѣлахъ охранительнаго производства не предполагается спора между двумя сторонами о существѣ самаго права подлежащаго охраненію, или признанію и подтвержденію, но можетъ быть прекаціе относительно образа охраненія, или тѣхъ условій и принадлежностей сего охраненія, кои означены и указаны въ руководство суду въ статьяхъ 1401—1460 объ охранительномъ производствѣ. Слѣдовательно въ дѣлахъ сего рода судъ дѣлаетъ только постановленія, или постановляетъ опредѣленія въ предѣлахъ сего производства, и на эти опредѣленія, (т. е. на неправильность и несообразность дѣйствій и разсужденій суда съ охранительнымъ закономъ) допускаются частныя жалобы (1405—1407, 1418, 1433, 1437, 1445, 1446). Но въ охранительномъ порядкѣ не могутъ быть постановляемы рѣшенія (ибо рѣшеніе предполагаетъ споръ о существѣ права), и съ симъ порядкомъ несообразна апелляціонная ревизія дѣла въ высшей инстанціи (ср. рѣш. 1870, № 1210)". (Судебное руководство, сборникъ правилъ, положеній и примѣровъ извлеченныхъ изъ теоріи и практики гражданскаго судопроизводства К. П. Побѣдоносцева. С.-Петербургъ. 1872 стр. 538). Въ томъ же сочиненіи на стр. 539 находимъ слѣдующее: „Въ порядкѣ охранительнаго производства судъ обязанъ, независимо отъ указанія и возраженія сторонъ, входить въ повѣрку правъ, коихъ утвержденіе испрашивается по смыслу подлежащаго закона; слѣдовательно можетъ отказать въ удовлетвореніи требованія, когда оно не соотвѣтствуетъ законному опредѣленію, хотя бы на сіе требованіе и не было съ другой стороны возраженія. Ст. 1443, 480.— рѣш. 1869 г. № 138; судъ отказалъ въ выкупѣ ненаселеннаго имѣнія проданнаго лицу другаго состоянія, хотя съ противной стороны право на выкупъ не было оспорено". Въ систематическомъ сводѣ г. Думашевскаго этотъ тезисъ изложенъ такъ: „судъ можетъ отказать въ правѣ выкупа, несмотря на то что самъ отвѣтчикъ соглашается на оный. На требованіе истца о предоставленіи ему права родоваго имущества, отвѣтчикъ, соглашаясь на выкупъ, просилъ только о вознагражденіи за понесенные имъ отъ сего убытки. Па-

лата же нашла: „что касается заявленія повѣреннаго Щербинина Боровиковскаго, сдѣланнаго въ судебной палатѣ по докладѣ дѣла, что неотрицаніе Кирпченкомъ права Щербинина на выкупъ проданной ему земли достаточно для того, чтобы согласно 480 ст. уст. гр. суд. признать за Щербининымъ это право, что такое заявленіе не имѣетъ никакого значенія, ибо судъ, согласно ст. 1443 охранительнаго производства, дѣлаетъ постановленіе о правѣ выкупа на основаніи представленныхъ доказательствъ объ этомъ правѣ, а не на заявленіи сторонъ," а потому отказала въ выкупѣ. Сенатъ не усмотрѣлъ въ этомъ повода къ кассаціи, находя „что харьковская судебная палата совершенно правильно объяснила смыслъ сей статьи, равно какъ не нарушила 480 ст. уст. гр. суд., такъ какъ при разрѣшеніи, въ порядкѣ судопроизводства охранительнаго, вопроса о правѣ просителя на выкупъ усадебнаго мѣста палата касательно подведенія сего имѣнія подъ разрядъ тѣхъ, по коимъ законъ (1350 ст.) вовсе недопускаетъ выкупа, не была обязана стѣсняться заявленіемъ сторонъ, а должна была какъ сіе ею и сдѣлано, опредѣлить въ силу закона, по представленнымъ доказательствамъ, можетъ ли быть удовлетворено ходатайство просителя о выкупѣ или нѣтъ". 1869 г. № 138.—Переходимъ къ комментированію статей устава охранительнаго судопроизводства, имѣющихъ прямое отношеніе къ нашему предмету. Всѣхъ статей 12, но къ сожалѣнію онѣ испещрены ссылками то на статьи X т. то на статьи устава гражд. суд., впрочемъ двѣ три статьи являются самостоятельными. Вообще статья закона, поставленная въ зависимость отъ другой статьи или отъ цѣлаго ряда статей другаго отдѣла представляется до крайности затруднительною для усвоенія и еще болѣе для примѣненія ея на практикѣ. Желательно было бы, чтобы каждый правовой институтъ даже въ процессуальномъ отношеніи обособлялся отъ прочихъ, чтобы самыя процессуальныя правила подчинялись органической природѣ института, а не наоборотъ, чтобы живой органическій институтъ втискивался въ мертвыя условія процессуальныхъ обрядовъ, ему нерѣдко совершенно несвойственныхъ.

Ст. 1438 уст. гр. суд. опредѣляетъ подсудность дѣлъ о выкупѣ родовыхъ имуществъ. Въ ней сказано: просьбы о выкупѣ родовыхъ имуществъ подаются тому окружному суду, въ вѣдомствѣ коего выкупаемое имѣніе находится.—Такимъ образомъ подсудность опредѣлена на основаніи мѣста нахожденія имущества, а не мѣста жительства покупщика родоваго имѣнія. За этой статьею слѣдуетъ 1439, въ которой опредѣляются условія выкупа, а именно: при просьбѣ о выкупѣ представляются: 1) копія купчей крѣпости и сумма продажи въ ней означенная (т. X. ч. 1 зак. гражд. ст. 1367 п. 1); 2) двойное количество крѣпостныхъ пошлинъ внесенныхъ при совершеніи купчей крѣпости (т. X, ч. 1 зак. гр. ст. 1367 п. 2 и 1371); 3) доказательства права просителя на выкупъ имѣнія (ст. 1355 — 1362 т. X ч. 1 зак. гражд.). Относительно этой статьи можно сдѣлать одно замѣчаніе. Это—что представленіе копіи съ купчей бываетъ иногда сопряжено съ большими затрудненіями и законъ не беретъ на себя облегченія въ этомъ случаѣ просителя. Слѣдующая 2440 ст. излагаетъ послѣдствія для просителя отъ несоблюденія правилъ предыдущей статьи. Въ ней сказано: при несоблюденіи изложенныхъ въ предыдущей статьѣ правилъ, прошеніе возвращается просителю по особому постановленію суда. Въ слѣдующей затѣмъ 1441 ст. постановлено: прошеніе, поданное съ соблюденіемъ правилъ, въ статьѣ 1439-й предписанныхъ, сообщается, по постановленію суда, тому лицу, во владѣніи коего выкупаемое имѣніе находится, для представленія объясненія на прошеніе и свѣдѣній объ издержкахъ, употребленныхъ имъ на поддержаніе и улучшеніе имѣнія (п. 2 ст. 1367 т. X ч. 1-й зак. гражд.). Въ ст. 1442 постановлено: на представленіе объясненій и свѣдѣній объ издержкахъ назначается владѣльцу имѣнія мѣсячный срокъ, по пропускѣ коего судъ, не ожидая явки участвующихъ въ дѣлѣ, составляетъ постановленіе о правѣ просителя на выкупъ имѣнія на основаніи представленныхъ имъ доказательствъ. Постановленіе сіе не считается ни въ какомъ случаѣ заочнымъ, и отзывъ на него не допускается. Въ ст. 1443 постановлено: по представленію требуемаго статьею

1441-го объясненія, судъ, по выслушаніи участвующихъ въ дѣлѣ, если они явились, и по соображеніи представленныхъ къ дѣлу доказательствъ, составляетъ постановленіе о правѣ выкупа, опредѣляя въ случаѣ удовлетворенія просьбы о томъ, и количество издержекъ, слѣдующихъ покупщику за поддержаніе и улучшеніе имѣнія. Актъ о выкупѣ выдается не иначе, какъ по уплатѣ опредѣленнаго судомъ количества издержекъ. Въ ст. 1444 сказано: владѣлецъ имѣнія,незаявившій въ установленный въ статьѣ 1442-й срокъ, требованія вознагражденія за издержки, не лишается за силою означеннаго въ той же статьѣ постановленія суда, права предъявить это требованіе въ трехмѣсячный срокъ, установленный въ статьѣ 899 сего устава. Затѣмъ въ ст. 1445 постановлено: на постановленія окружнаго суда, послѣдовавшія въ охранительномъ порядкѣ. допускаются частныя судебной палатѣ жалобы, которыя приносятся и разсматриваются порядкомъ, указаннымъ въ статьяхъ 784—790 сего устава.—Въ статьяхъ на которыя дѣлается ссылка, говорится о производствѣ по частнымъ жалобамъ на окружный судъ. Но что такое эта частная жалоба, въ чемъ она заключается что можетъ быть предметомъ частной жалобы? Если предположить понятіе частной жалобы извѣстнымъ, то и тогда представляется затруднительнымъ опредѣлить тѣ конкретные случаи которые подаютъ поводъ въ частности по дѣламъ о выкупѣ къ частнымъ жалобамъ. Между тѣмъ въ законѣ нѣтъ ни малѣйшаго указанія для уясненія себѣ этихъ случаевъ. Безъ сомнѣнія здѣсь имѣютъ примѣненіе общія правила извлеченныя изъ другихъ отдѣловъ устава. Кромѣ того выраженіе употребленное въ законѣ „послѣдовавшія въ охранительномъ порядкѣ“ еще болѣе сбиваетъ съ толку. Какъ понимать это выраженіе, что означаетъ оно? Не то-ли что частныя жалобы эти могутъ быть допущены только со стороны истца, потому что охраненію собственно принадлежитъ его право, а не право владѣльца имѣнія. Или наконецъ слова эти подлежатъ какой-либо другой интерпретаціи. Во всякомъ случаѣ неясно неудопонятно и на практикѣ можетъ возбудить недоумѣнія и разногласія. Едва-ли правильно будетъ понимать эти слова

такимъ образомъ, что вообще аппелляціи по дѣламъ этого рода не допускаются, а въ замѣнъ ихъ допускаются лишь частныя жалобы палатѣ; но тогда къ чему было употреблять слова „въ охранительномъ порядкѣ“ заставляющія предполагать, что есть какія-то другія постановленія послѣдовавшія не въ охранительномъ порядкѣ. Впрочемъ какъ-бы то ни было признавая слова въ охранительномъ порядкѣ излишними надо признать, что въ замѣнъ аппелляцій возможны лишь частныя жалобы. Но тогда этимъ частнымъ жалобамъ представляется двойная роль. Въ слѣдующей затѣмъ ст. 1446 сказано: на постановленія судебной палаты допускаются просьбы о кассаціи въ случаяхъ указанныхъ въ ст. 793 сего устава. Наконецъ первая половина слѣд. 1447 ст. окончательно не понятна. Въ ней сказано: споры о правѣ выкупа разсматриваются и разрѣшаются по общимъ правиламъ сего устава—т.-е. какого же устава? Устава ли гражд. судопр., или устзва охранительнаго въ частности? Слѣдующая часть той же статьи гласитъ: а споры объ издержкахъ, употребленныхъ на поддержаніе и улучшеніе имѣнія,—порядкомъ, опредѣленныхъ въ статьяха 898—923 сего же устава—т.-е. устава гражд. судопр. вообще. Ст. 1448 содержитъ слѣдующее: совершеніе выкупа однимъ изъ родственниковъ продавца не лишаетъ другихъ ближайшихъ его родственниковъ, не давшихъ выкупателю установленнаго въ 1357 статьѣ т. X ч. 1 законовъ гражданскихъ письменнаго на выкупъ дозволенія, права предъявить въ теченіе установленнаго для выкупа срока (ст. 1363 т. X ч. 1-й зак. гражд.) просьбу о выкупѣ, на основаніи статей 1438 и 1439-й сего устава, съ представленіемъ надлежащихъ доказательствъ. Въ слѣдующей ст. 1449; Вышеизложенное правило не распространяется на тѣ случаи, когда совершеніе выкупа дозволяется безъ представленія позволительныхъ писемъ (ст. 1359 т. X ч. 1, зак. гражд.).—Относительно 1448 ст. одно замѣчаніе, это какъ намъ кажется недомолвка въ редакціи ея относительно указаній лица къ которому можетъ быть предъявлено требованіе о выкупѣ и притомъ трудно понять въ какой формѣ осуществляется подобный двойной выкунъ. Таковымъ пред-

ставляется смысль этой статьи по первому впечатлѣнію. Но стоитъ только согласовать ея содержаніе со ст. 1348 и въ особенности со ст. 1359 X т. ч. 1 чтобы примѣненіе ее освѣтилось лучезарнымъ сіяніемъ истиннаго ея значенія. Въ ст. 1348 X т. ч 1, содержится слѣдующее: какъ родовое имущество, перешедшее въ чужой родъ, а потомъ снова возвратившееся въ свой родъ, покупкою (а не выкупомъ), дѣлается благопріобрѣтеннымъ, то оно выкупу при вторичной продажѣ подлежать не можетъ. Ст. 397, п. 4. Въ ст. 1359 постановлено: изъ родственниковъ, равно близкихъ къ продавцу, каждый имѣетъ право на выкупъ всего имѣнія безъ позволительныхъ писемъ отъ прочихъ; но сіи послѣдніе могутъ выкупать отъ него слѣдующія имъ части (у. г. с. ст. 1448, 1449). Такимъ образомъ наличность условій предусмотрѣнныхъ 1359 ст. X т. ч. 1. исключаетъ возможность примѣненія 1448 уст. гр. суд, слѣд. значеніе ст. 1448 уст. гр. суд. предусматриваетъ возможность выкупа съ нарушеніемъ ст. 1357 X т. ч. 1 и указываетъ на послѣдствія такого нарушенія для лицъ недавшихъ письменнаго дозволенія. Но возможно ли на практикѣ по началамъ охранительнаго судопроизводства чтобы состоялся выкупъ (конечно не добровольный а принудительный) съ нарушеніемъ ст. 1357 X т. ч. 1-я? Ст. 1449 уст. гр. суд. и согласована со ст. 1359 X т. ч. 1. Наконецъ послѣдняя статья 1450-я по производству выкупа гласитъ: предварительное заключеніе прокурора по дѣламъ о выкупѣ требуется въ случаяхъ, указанныхъ въ статьѣ 1423. Въ статьѣ же 1423 сказано: предварительное заключеніе прокурора требуется только, когда дѣло о раздѣлѣ, по свойству своему, подлежатъ его попеченію (ст. 343). Въ статьѣ же 343 (уст. гр. суд.) содержится слѣдующее: прокуроры даютъ свое заключеніе въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) по дѣламъ казеннаго управленія; (ст. 1290), 2) по дѣламъ земскихъ учрежденій, городскихъ и сельскихъ обществъ; 3) по дѣламъ лицъ, не достигшихъ совершеннолѣтія, безвѣстно отсутствующихъ, глухонѣмыхъ и умалишенныхъ; 4) по вопросамъ о подсудности и прекаціяхъ; 5) по спорамъ о подлогѣ документовъ и вообще въ случаяхъ, когда въ граж-

данскомъ дѣлѣ обнаруживаются обстоятельства подлежащія разсмотрѣнію суда уголовнаго; 6) по просьбамъ объ устраненіи судей; 7) по дѣламъ брачнымъ и о законности рожденія; 8) по просьбамъ о выдачѣ свидѣтельствъ на право бѣдности.—Какіе изъ этихъ пунктовъ наиболѣе имѣютъ примѣненіе къ дѣламъ по выкупу родовыхъ имѣній? Отвѣчать не трудно; само собою разумѣется что примѣненіе 8 п. этой статьи совершенно невозможно въ дѣлахъ о выкупѣ родовыхъ имѣній.—Взысканіе судебныхъ издержекъ и за веденіе дѣла возможно ли въ дѣлахъ о выкупѣ родовыхъ имѣній? Мы полагаемъ, что присужденіе судебныхъ издержекъ и въ особенности за веденіе дѣла противорѣчило бы началамъ охранительнаго судопроизводства (выкупъ не есть споръ, а право) притомъ исковыя пошлины не вносятся, слѣдовательно нѣтъ указанія для опредѣленія суммы издержекъ и за веденіе дѣла. Да и съ кого могли бы они быть присуждаемы съ выкупающаго имѣнія и такъ уже взыскиваются издержки за улучшенія и поддержанія имѣнія, съ покупщика взыскивать издержки и заведеніе дѣла противорѣчило бы здравому смыслу и справедливости. Въ таксѣ для присяжныхъ повѣренныхъ (Высочайше утвержденное 3 іюля 1868 года Мнѣніе Государств. Совѣта по проекту таксы вознагражденія присяжныхъ повѣренныхъ за хожденіе по гражданскимъ дѣламъ) въ 4 п. сказано: по дѣламъ производящимся въ порядкѣ охранительнаго судопроизводства, вознагражденіе повѣреннаго опредѣляется судомъ, смотря по сложности дѣла, въ размѣрѣ до 600 руб. Эти издержки по нашему мнѣнію не могутъ подлежать взысканію съ противной стороны въ случаѣ удовлетворенія ходатайства истца. Въ случаѣ же неосновательнаго требованія выкупа могутъ быть присуждаемы съ истца въ пользу отвѣтчика въ размѣрѣ 4 п. упомянутой таксы если отвѣтчикъ уже получилъ прошеніе истца, далъ на него отзывъ или представлялъ словесныя объясненія на судѣ. Но во всякомъ случаѣ присужденіе судебныхъ издержекъ противорѣчитъ началу охранительнаго судопроизводства и судебная практика насколько намъ извѣстно отказываетъ въ просьбѣ о присужденіи судебныхъ издержекъ по

дѣламъ производящимся въ охранительномъ порядкѣ. Но тѣмъ не менѣе положительныя указанія въ законахъ, мы ставимъ не несравненно важнѣе нашихъ соображеній по этому поводу; но къ сожалѣнію подобныхъ прямыхъ и ясныхъ положеній мы не нашли.

Въ судебной практикѣ производства по выкупу родовыхъ имѣній явленіе до крайности рѣдкое. Литература этого предмета за исключеніемъ ист. гражд. зак. Неволина почти не существуетъ это послѣднее обстоятельство, дало намъ мысль написать обстоятельный трактатъ о выкупѣ родовыхъ имѣній. Насколько трудъ нашъ соотвѣтствуетъ предположенной цѣли, предоставляемъ судить читателю.

А. Хоткевичъ.

Москва 1872 г.
апрѣля 10-го.

НѢКОТОРЫЯ УКАЗАНІЯ СЛѢДОВАТЕЛЮ

къ распознаванію душевнаго разстройства обвиняемыхъ. *)

Краффтъ-Эбинга.

Немалая отвѣтственность возникаетъ для слѣдователя изъ того обстоятельства, что онъ въ силу дающейся ему инструкціи обязанъ обращать вниманіе на душевное состояніе обвиняемаго и вслучаѣ замѣченнаго разстройства

---

*) См. Allgemeine deutsche Strafrechtszeitung 1872. 4 u. 5 Heft. стр. 237. Предлагаемая нами читателямъ „Юрид. Вѣст.“ статейка Краффтъ-Эбинга показалась намъ не безъинтересною и не безполезною и для нашего отечественнаго слѣдователя. Благодаря дѣйствующему у насъ нынѣ уставу уголовнаго судопр., положеніе его совсѣмъ иное, чѣмъ какое было прежде. 353—356 ст. уст. угол. судопр. предписываютъ особый порядокъ освидѣтельствованія обвиняемыхъ въ умственныхъ способностяхъ; инціатива въ этомъ случаѣ предоставлена судебному слѣдователю. Очевидно, что отъ правильнаго или неправильнаго взгляда его на дѣло зависитъ не только дальнѣйшее направленіе послѣдняго, но въ весьма значительной степени и судьба страждущаго душевнымъ разстройствомъ. Поэтому мы вполнѣ сочувствуемъ Краффтъ-Эбингу, который желалъ-бы встрѣчать у слѣдователей хотя общія свѣдѣнія изъ области судебной психологіи. Настоящая статья по своему характеру и размѣру не можетъ, конечно, сообщить эти свѣдѣнія, но она интересна въ томъ отношеніи, что обращаетъ вниманіе на различные моменты въ жизни и дѣйствіяхъ больныхъ, совершившихъ какія-либо законопротивныя дѣянія. Авторъ справедливо замѣчаетъ, что установить общія руководящія начала для распознаванія душевныхъ болѣзней невозможно: все зависитъ отъ индивидуальности обстоятельствъ и проницательности слѣдователя. Цѣль статьи — обратить вниманіе на такія черты, которыя обыкновенно или не замѣчаются вовсе, или ложно объясняются. прим. пер.

возбудить вопросъ о вмѣняемости, для чего долженъ подвергнуть его осмотру чрезъ врачей. Такимъ образомъ инициатива въ этомъ основномъ вопросѣ всякаго уголовнаго процесса предоставлена вполнѣ слѣдователю, такъ какъ по существующей въ настоящее время судебной практикѣ при оцѣнкѣ отдѣльнаго преступленія необходимо исходить изъ предположенія вмѣняемости преступника, какъ наиболѣе частаго случая. Хотя это предположеніе должно руководить и слѣдователемъ, все-таки онъ не долженъ ни на минуту забывать, что преступленіе представляетъ собою всегда замѣчательное психологическое явленіе, что оно весьма часто имѣетъ своей причиной болѣзненное состояніе тѣлеснаго, или душевнаго организма, нерѣдко даже есть проявленіе безумныхъ мотивовъ и побужденій, дабы, благодаря этому, обратить все свое вниманіе на нравственную личность обвиняемаго и при малѣйшихъ замѣченныхъ имъ признакахъ психической ненормальности поручить свѣдущему врачу освидѣтельствованіе его въ умственныхъ способностяхъ. Благодаря провидѣнію и практическому взгляду опытныхъ сдѣдователей, многіе одержимые душевными болѣзнями подсудимые распознаются еще во́ время, на за то значительно бо́льшая часть не ранѣе какъ послѣ того, какъ они перетерпятъ значительный вредъ въ своемъ здоровьи, или даже сдѣлаются совершенно неизлѣчимыми вслѣдствіе болѣе или менѣе продолжительнаго содержанія подъ стражей, допросовъ и вреднаго ихъ вліянія. Къ сожалѣнію нельзя скрыть того, что отъ незнанія психическихъ состояній, легкомыслія или всегда готоваго предположенія, что слѣдственный судья имѣетъ дѣло съ хитрымъ притворщикомъ, еще въ наше время многія ненормальныя душевныя явленія оставляются безъ вниманія и несомнѣнно сумасшедшіе приговариваются къ лишенію правъ. Не менѣе тягостное впечатлѣніе производитъ и то явленіе, когда послѣ заключенія предварительнаго слѣдствія и преданія обвиняемаго суду или даже на судебномъ слѣдствіи по настоянію защитника на основаніи уже послѣ собранныхъ свѣдѣній и сдѣланныхъ наблюденій возбуждается вопросъ объ умственномъ разстройствѣ, кото-

рый вполнѣ подтверждается. Подобные грустные случаи будутъ всегда встрѣчаться пока существовать будетъ человѣческій судъ, ибо бываютъ душевныя болѣзни, столь мало бросающіяся въ глаза и столь сходственныя съ тѣми душевными состояніями, которыя не входятъ въ область психіатріи, что только неустанное наблюденіе, произведенное при томъ вполнѣ свѣдущимъ врачемъ, разъяснитъ дѣло. Но въ случаяхъ очевиднаго сумасшествія и помѣшательства такія грубыя ошибки не должны-бы встрѣчаться. Если судьѣ предоставляется рѣшать, подлежитъ-ли обвиняемый освидѣтельствованію въ умственныхъ способностяхъ, если ему дается право оцѣнивать техническое достоинство представленнаго ему судебно-медицинскаго мнѣнія, пріобщать его къ производству или въ случаѣ надобности потребовать другое,—то онъ долженъ обладать по крайней мѣрѣ общими свѣдѣніями относительно существа и признаковъ душевныхъ разстройствъ. Онъ не долженъ походить на тѣхъ образованныхъ профановъ, черпающихъ свои свѣдѣнія о подобныхъ состояніяхъ изъ театральныхъ представленій и романовъ, которые признаютъ за формы умственнаго разстройства тѣ только виды сумасшествія, бѣшенства и помѣшательства, которые для всѣхъ очевидны и которые признавалъ законодатель еще сто лѣтъ тому назадъ. Успѣхъ науки указалъ на немалое число ненормальныхъ душевныхъ состояній, совершенно несоотвѣтствующихъ узкимъ формамъ отжившихъ кодексовъ и болѣе или менѣе стѣсняющихъ или даже совсѣмъ подавляющихъ свободу воли. Даже уголовное законодательство новой германской имперіи, весьма осторожно и осмотрительно пользующееся новѣйшими открытіями науки, было вынуждено въ виду этихъ фактовъ ввести въ проектъ новаго уложенія для сѣверо-германскаго (нынѣ общегерманскаго) союза понятіе объ уменьшенной вмѣняемости (verminderte Zurechnungsfähigkeit) *).

*) Понятіе объ уменьшенной вмѣняемости, о которомъ здѣсь говорится, встрѣчается только въ первомъ проектѣ уложенія для сѣверо-германскаго

Если судья желаетъ стоять въ уровень съ наукой, удовлетворять требованіямъ общества и отдѣльнаго лица, равнымъ образомъ быть въ состояніи пользоваться и оцѣнивать судебно-медицинскія мнѣнія врачей, то ему не должны быть чужды хотя общія свѣдѣнія изъ области судебной психіатріи. Эта потребность всегда сознавалась лучшими криминалистами (Миттермайеромъ и др.). Къ сожалѣнію въ учебникахъ уголовнаго права и въ академическихъ чтеніяхъ столь важной вспомогательной наукѣ, какова судебная психологія, посвящается весьма мало вниманія; учащимся не даютъ возможности ознакомиться въ домахъ умалишенныхъ даже съ главными типами душевныхъ болѣзней.

Этимъ отчасти объясняется, почему употребленіе, которое дѣлаютъ изъ опытовъ и наблюденій врачей судебныя установленія, не столь полно и разносторонне, какимъ оно могло-бы быть; это-же отчасти можетъ служить объясненіемъ и тому, что въ тюрьмы и на каторгу идутъ многіе несчастные, которыхъ по праву слѣдовало-бы отправлять въ дома умалишенныхъ или другія богоугодныя заведенія. Мы надѣемся достигнуть практической цѣли, если укажемъ въ послѣдующихъ строкахъ на нѣкоторые моменты, могущіе облегчить судьѣ его трудную и подвергающую его нравственной отвѣтственности задачу: во время замѣтить душевное разстройство обвиняемаго и принять мѣры къ его обнаруженію.

I. Весьма доступный моментъ для распознаванія душевнаго состоянія обвиняемаго есть для судьи прежде всего мотивъ, изъ котораго проистекло преступленіе. По мнѣнію весьма многихъ дѣяніе безъ всякихъ мотивовъ можетъ быть совершено только душевно больнымъ; напротивъ того, въ существованіи мотива, притомъ дурнаго, вполнѣ гармони-

---

союза; изъ позднѣйшихъ проектовъ и изъ самаго уложенія оно исключено. И дѣйствительно, понятіе вмѣняемости не допускаетъ степеней, слѣдовательно и уменьшенная вмѣняемость есть логическая несообразность. То, что нѣкоторыя законодательства называютъ уменьшенной вмѣняемостью (verminderte Zurechnungsfähigkeit), есть въ сущности уменьшенная виновность. См. Berner. Lehrbuch d. deutsch. Strafr. 1871 г. стр. 117.

рующаго съ образомъ мыслей виновнаго, они видятъ почти несомнѣнное доказательство его вмѣняемости.

Это воззрѣніе почти совершенно противорѣчитъ опыту, какъ и вообще абстрактное примѣненіе общихъ психологическихъ критерій приноситъ скорѣе вредъ, чѣмъ пользу. Какъ ни важно съ одной стороны можетъ быть для судьи дѣйствительное отсутствіе мотива, какъ доказательство ненормальнаго душевнаго состоянія, такъ съ другой, онъ не долженъ дать ввести себя въ заблужденіе и изъ хорошо мотивированнаго и притомъ изъ преступныхъ мотивовъ происшедшаго дѣянія умозаключать къ вполнѣ здоровому душевному состоянію. Есть цѣлая категорія умалишенныхъ (сумасшествіе, folie raisonnante), у которыхъ мотивы могутъ быть такого же свойства, какъ и у здоровыхъ. Вообще, не содержаніе мотивовъ, а скорѣе ихъ вынуждающая къ дѣйствію сила и отсутствіе противодѣйствующихъ побужденій свидѣтельствуютъ о болѣзненномъ и несвободномъ проявленіи воли больнаго.

Судья сверхъ того долженъ остерегаться, дабы самому не приписывать обвиняемымъ мотивовъ, которые вовсе не опредѣляли ихъ воли, какъ это нерѣдко дѣлается относительно малолѣтнихъ преступниковъ, умственно ограниченныхъ и слабоумныхъ субъектовъ. Съ другой стороны встрѣчаются душевно больные (меланхолики), которые сами обвиняютъ себя въ совершенно другихъ и притомъ весьма дурныхъ побужденіяхъ, потому только, что имъ хочется подвергнуться чувствительному наказанію, которое имъ кажется благодѣяніемъ.

Мотивъ ужъ самъ по себѣ конечно можетъ служить точкой опоры, если онъ безуменъ и основанъ на ложномъ представленіи (напр, помѣшательство субъекта, которому кажется, что въ него поселенъ злой духъ или что онъ околдованъ, и убіеніе мнимаго колдуна). Разумѣется можетъ случиться, что подобное преступленіе совершается и здоровымъ человѣкомъ изъ суевѣрія.

Точно также легко возникаютъ сомнѣнія въ нормальности душевнаго состоянія подсудимаго и въ томъ случаѣ, когда дѣяніе хотя и мотивировано, но совершенно противорѣчитъ интересамъ виновника его, словомъ, когда нельзя открыть эгоистическихъ побужденій, которыя обыкновенно и суть истинныя причины преступленія.

Наконецъ, бываютъ случаи, когда самимъ больнымъ указывается на мотивъ, который взятый самъ по себѣ хотя и заслуживаетъ вниманія, но недостаточенъ для даннаго дѣянія. Въ подобныхъ случаяхъ судья долженъ быть весьма остороженъ, и именно такое обстоятельство должно навести его на новыя сомнѣнія. Такъ женевскій судъ въ дѣлѣ знаменитой отравительницы Жаннере (Jeanneret), обвинявшейся въ отравленіи безъ всякаго повода многихъ лицъ атропиномъ, былъ введенъ въ заблужденіе явно придуманнымъ подсудимой объясненіемъ, что она производила опыты надъ людьми съ научной будто бы цѣлью. Изслѣдованія Шатлэня (Clatelain) ясно доказываютъ, что Жаннере страдала истерическимъ помѣшательствомъ и была одержима ложными представленіями, которыя она тщательно скрывала отъ другихъ.

Большое сходство съ отсутствіемъ эгоистическихъ побужденій имѣетъ тотъ случай, когда страждущій душевнымъ разстройствомъ не пользуется доставляемыми ему преступленіемъ выгодами, хотя онъ очень легко и удобно могъ бы ими воспользоваться. Подобное поведеніе весьма часто встрѣчается у меланхоликовъ, и находитъ свое психологическое объясненіе въ томъ, что для нихъ важно само преступное дѣйствіе, посредствомъ котораго они избавляются отъ подавляющаго, нестерпимаго для нихъ душевнаго страданія.

2. Важныя указанія даетъ судебному слѣдователю самый способъ совершенія преступнаго дѣянія, такъ какъ не только извѣстнымъ формамъ умственнаго разстройства соотвѣтствуютъ извѣстные способы дѣйствія, но вообще душевно больные обнаруживаютъ въ своихъ поступкахъ совершающіеся въ нихъ психическіе процессы. Существуютъ, какъ извѣстно, больные (folie raisonnante), у которыхъ очень

трудно и подчасъ даже невозможно открыть душевное разстройство даже тогда, когда ихъ странные поступки не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что ихъ свобода подавлена (folie d'action у нѣк. франц. авторовъ). Такъ есть полное основаніе усомниться въ нормальности душевнаго состоянія преступника, если ему представлялись лучшіе способы и пути къ совершенію преступленія, чѣмъ тѣ, которыми онъ воспользовался; если его образъ дѣйствій не находится ни въ какомъ разумномъ соотношеніи съ предположенными цѣлями; если выборъ мѣста и времени долженъ былъ неизбѣжно привести къ открытію преступленія и если наконецъ способъ совершенія обнаруживаетъ такую степень разрушительности и жестокости, которая далеко превосходитъ поставленную себѣ преступникомъ цѣль. Послѣдній признакъ особенно важенъ. Онъ встрѣчается преимущественно у эпилептиковъ. Благодаря этому въ извѣстныхъ конкретныхъ случаяхъ легко раскрыть не только душевное разстройство лица вообще, но даже спеціально эпилепсію. Съ другой стороны хитрость и искусное соображеніе обстоятельствъ при совершеніи преступнаго дѣянія еще не исключаютъ возможности умственнаго разстройства. Только при бѣшенствѣ и помѣшательствѣ, соединенномъ съ аффектомъ, подобное поведеніе невозможно, за то при спокойномъ, но ложномъ мышленіи и представленіи оно весьма обыкновенно, потому что у такихъ больныхъ механизмъ мышленія нормаленъ, вполнѣ возможно формально вѣрное сужденіе и умозаключеніе на основаніи безумныхъ конечно посылокъ; только послѣднія ложны.

3. Весьма важно также поведеніе виновнаго *до* совершенія преступленія, такъ какъ душевное разстройство въ рѣдкихъ случаяхъ обнаруживается въ человѣкѣ вдругъ безъ всякихъ предвѣстниковъ. Болѣе чѣмъ обыкновенно принято, что добросовѣстный слѣдователь долженъ рядомъ съ изученіемъ характера и этически-нравственныхъ отношеній человѣка (повальный обыскъ) собирать свѣдѣнія объ его антропологическихъ особенностяхъ, объ его душевныхъ

и тѣлесныхъ свойствахъ. Къ послѣднимъ относятся: наслѣдственное предрасположеніе къ душевнымъ болѣзнямъ, бывшіе въ семействѣ случаи самоубійства, эпилепсія, склонность къ пьянству, раньше бывшее умственное разстройство, поврежденія черепныхъ костей и другія болѣзни мозга, рѣзко бросающаяся въ глаза страстность, раздражительный нравъ. Предѣлы настоящей статьи не позволяютъ вдаваться въ подробное разсмотрѣніе подобныхъ, безъ сомнѣнія легко установимыхъ фактовъ. Точно также здѣсь не мѣсто особо доказывать справедливость требованія, чтобы въ случаѣ если въ какомъ либо дѣлѣ окажется одинъ изъ этихъ моментовъ, слѣдователь приглашалъ врача для освидѣтельствованія обвиняемаго. Не менѣе желательно было бы ужь a priori подобное освидѣтельствованіе при преступленіяхъ, совершенныхъ вслѣдствіе достиженія половой зрѣлости, въ періодѣ беременности и родовъ, при преступленіяхъ противонравственныхъ, когда обвиняются лица, уже пережившія періодъ способности къ дѣторожденію, ибо въ подобныхъ случаяхъ нерѣдко замѣшаны органическія свойства, болѣе или менѣе вліяющія на вмѣняемость. Изъ признаковъ, предшествующихъ совершенію преступленія, заслуживаютъ особеннаго вниманія слѣдующія явленія: глубоко проникающія, наружно едва замѣтныя или даже вовсе не мотивированныя измѣненія во всемъ существѣ и характерѣ обвиняемаго; жалобы на неопредѣленныя тѣлесныя, спеціально нервныя боли; страхъ; безпокойство; безсонница; головная боль; собственныя опасенія больнаго лишиться разсудка; сознаваемое имъ безсиліе владѣть своими мыслями или избавиться отъ странныхъ представленій; нѣсколько разъ повторенное покушеніе на самоубійство; самимъ больнымъ выражаемыя опасенія, что должно совершиться нѣчто страшное съ неопредѣленными указаніями на предстоящее несчастіе; предупрежденіе жертвы со стороны самого преступника; попытки лишить себя орудій преступленія и т. п.

4) Особенно тщательно должно изслѣдовать поведеніе преступника *послѣ* совершенія имъ преступленія. Подозритель-

ными кажутся случаи, когда при немеленномъ и полномъ изобличеніи и при невозможности разумнаго отрицанія и запирательства обвиняемый все таки упорно отвергаетъ всякое участіе въ преступленіи (острое помѣшательство, соединенное съ ослабленіемъ памяти); когда его застаютъ спящимъ на мѣстѣ преступленія (mania transitoria, epileptica), или если онъ остается совершенно равнодушнымъ при взятіи его подъ стражу, пренебрегаетъ всѣми средствами и путями къ своему спасенію и достиженію свободы, и въ особенности если онъ хвастаетъ своимъ поступкомъ и кичится успѣшнымъ совершеніемъ его (религіозное помѣшательство и т. п.). *Раскаяніе* въ совершенномъ преступленіи не исключаетъ возможности умственнаго разстройства. Для многихъ больныхъ (нѣкоторые меланхолики) дѣяніе имѣетъ значеніе кризиса, такъ что послѣ его совершенія представленіе и нравственное и правовое сознаніе въ нихъ на время становятся нормальны, и такимъ образомъ раскаяніе является совершнно естественнымъ. У слабоумныхъ съ другой стороны раскаяніе проистекаетъ не изъ пробужденнаго нравственнаго сознанія, такъ какъ у нихъ таковаго не бываетъ, но вызывается непріятнымъ чувствомъ, происходящимъ отъ лишенія свободы, или убѣжденіями и увѣщаніями посторонних людей. Впрочемъ неопредѣленное сознаніе виновности встрѣчается у подобныхъ субъектовъ, но оно такого же свойства, какое мы встрѣчаемъ у дѣтей, и выражается обыкновенно въ томъ, что больной прячется какъ ребенокъ. Изъ этого еще никакъ не должно выводить заключенія о ихъ вмѣняемости.

5. Слѣдователь, далѣе, при допросахъ долженъ наблюдать выраженіе лица обвиняемаго, манеру его выражаться, уровень развитія, нравъ, и именно наклонность его легко и скоро прійти въ состояніе раздраженія. Трудно установить здѣсь общія руководящія начала. Ничтожныя повидимому обстоятельства имѣютъ иногда огромное значеніе: порывистая, возбужденная рѣчь, чрезмѣрно живыя тѣлодвиженія, сосредо-

точенность съ выраженіемъ горести на лицѣ, односложные, медленные отвѣты и т. п.—все это важно. Во всякомъ случаѣ разумная рѣчь и отсутствіе бреда и галлюцинацій не могутъ еще служить доказательствомъ нормальнаго душевнаго состоянія, такъ какъ въ первыхъ стадіяхъ помѣшательства, у слабоумныхъ, при извѣстныхъ наслѣдственныхъ формахъ болѣзни, у одержимыхъ такъ называемымъ folie raisonnante и частнымъ помѣшательствомъ, словомъ у большинства сумасшедшихъ мы не встрѣтимъ бреда и галлюцинацій, такъ какъ они вообще не бываютъ или вызываются искусственно съ цѣлію ввести въ заблужденіе.

Изученіе душевныхъ явленій въ высшей степени важно, такъ какъ большая часть преступленій совершаются сумасшедшими въ первоначальныхъ, или аффектныхъ періодахъ болѣзни, когда разстройство интеллектуальныхъ способностей еще мало замѣтно. Особенное вниманіе слѣдуетъ обращать на совершенное отсутствіе аффектовъ, на большую раздражительность, на рѣзкую перемѣну въ расположеніи духа. Вслѣдствіе запуганнаго и боязливаго поведенія передъ слѣдователемъ, свойственнаго весьма многимъ подсудимымъ, и вслѣдствіе непонятливости нѣкоторыхъ изъ нихъ, очень часто бываетъ, что судья начинаетъ подозрѣвать обвиняемаго въ безуміи; впослѣдствіи же обнаруживается неосновательность подобнаго подозрѣнія.

Въ заключеніе мы считаемъ своей обязанностью предостеречь слѣдователя особенно противъ слѣдующаго. Онъ не долженъ слишкомъ односторонне принимать за масштабъ интеллектуальнаго развитія обвиняемаго сознаніе имъ наказуемости дѣянія и вслѣдствіе этого отказываться отъ изслѣдованія его умственныхъ способностей, допуская предположеніе вмѣняемости. Обнаружившееся *абстрактное* пониманіе наказуемости извѣстнаго дѣянія не есть еще *конкретное* сознаніе въ законномъ смыслѣ этого слова. Иной можетъ теоретически знать (и это встрѣчается у весьма многихъ помѣшанныхъ, особенно у слабоумныхъ и у недоразвившихся молодыхъ преступниковъ), что такое-то или такое-

то дѣйствіе дурно; но сдѣлать практическое примѣненіе изъ подобнаго сознанія, или лучше сказать знанія, для своихъ собственныхъ поступковъ, опредѣлять свою волю согласно съ этимъ сознаніемъ, совсѣмъ иное дѣло. Не смотря на существованіе отвлеченныхъ этическихъ правовыхъ сужденій и понятій, способности практическаго примѣненія ихъ можетъ и не быть въ субъектѣ или потому что эти понятія не были совершенно ясны для него, были только выучены имъ и не составляли необходимой составной части его характера, или потому что они временно были затемнены въ его сознаніи, послѣ-же совершенія преступленія вновь выяснились (у страждущихъ душевнымъ разстройствомъ, соединеннымъ съ аффектомъ. Это—правило), или-же наконецъ потому что эти понятія вызваны непріятными послѣдствіями дѣянія, и притомъ понимаются совершенно поверхностно, какъ это бываетъ у слабоумныхъ.

А. Ш.

СОВРЕМЕННЫЙ ОТДѢЛЪ.

НЕЗЫБЛЕМОСТЬ СУДЕБНЫХЪ РѢШЕНІЙ

ПРЕДЪ УГОЛОВНОЮ КАССАЦІОННОЮ ПРАКТИКОЮ СЕНАТА.

Введеніемъ судебныхъ уставовъ 1864 года 20 ноября отмѣнена прежняя слѣдственная система нашего судопроизводства съ своею теоріею легальныхъ доказательствъ и неизбѣжнымъ ея послѣдствіемъ—оставленіемъ подсудимаго въ подозрѣніи. Неудобства прежней системы были сознаны и къ числу главныхъ началъ новаго уголовнаго судопроизводства отнесены слѣдующія:

1. Теорія доказательствъ, основанная единственно на ихъ формальности, отмѣняется, и помѣщенныя въ уставѣ уголовнаго судопроизводства правила о силѣ судебныхъ доказательствъ должны служить только руководствомъ при опредѣленіи вины или невинности подсудимыхъ, по внутреннему убѣжденію судьи, основанному на совокупности обстоятельствъ, обнаруженныхъ при производствѣ слѣдствія и суда.

2. Приговоръ можетъ быть или осуждающій, или оправдывающій. Оставленіе въ подозрѣніи не допускается. (жур. 1862 года, № 65, стр. 165—170).

Затѣмъ, какъ развитіе 2-го положенія въ уставѣ уголовнаго судопроизводства введены слѣдующія статьи закона:

21 ст. Оправданный вошедшимъ въ законную силу приговоромъ надлежащаго суда не можетъ быть вторично подвергнутъ слѣдствію и суду по тому же самому преступленію, еслибы даже открылись къ его изобличенію новыя обстоятельства.

22 ст. Присужденный вошедшимъ въ законную силу приговоромъ къ наказанію или взысканію не можетъ быть вновь судимъ

по тому же дѣлу, хотя бы впослѣдствіи были обнаружены обстоятельства, увеличивающія его вину.

Такимъ образомъ 313 ст. XV т. 2 ч. канула въ вѣчность. Въ настоящее время участь подсудимаго гарантирована приведенными началами гласнаго судопроизводства. Обвиняемый знаетъ, что никакія вновь открытыя улики не привлекутъ его къ слѣдствію и суду по тому же дѣлу, по которому онъ уже разъ былъ всенародно оправданъ. Онъ знаетъ, что ежели онъ понесъ наказаніе, то вновь открывшіяся обстоятельства, увеличивающія его вину, не послужатъ основаніемъ къ пересмотру дѣла и къ ухудшенію его участи.

Пересмотръ окончательныхъ приговоровъ, даже прежнею системою судопроизводства, допускался только для облегченія участи подсудимаго, и ни въ какомъ случаѣ для усугубленія мѣры наказанія (т. XV ч. 2. ст. 414). Это начало принято въ широкихъ размѣрахъ и новымъ уставомъ уголовнаго судопроизводства. Цѣлью законодателя было установить незыблемость судебныхъ приговоровъ, вошедшихъ въ законную силу. Установленіемъ этой незыблемости охранялось съ одной стороны спокойствіе тѣхъ лицъ, которыя имѣли несчастіе подпасть подъ уголовное слѣдствіе и затѣмъ судомъ оправданы или приговорены. Опасеніе новаго преслѣдованія по тому же дѣлу не будетъ угрожать имъ, «опасеніе»,—какъ справедливо замѣчается въ разсужденіяхъ, на которыхъ основаны судебные уставы,—«безвыходное, часто несравненно болѣе тяжкое, нежели то наказаніе, которому они могутъ подвергнуться». Съ другой стороны незыблемость судебнаго приговора вселяетъ довѣріе и уваженіе къ уду. «Въ самомъ дѣлѣ, замѣчается въ тѣхъ же разсужденіяхъ, не было бы общественной безопасности, не могло бы существовать довѣрія къ правосудію, еслибы послѣ долгихъ и торжественныхъ преній подсудимый могъ бы быть осужденъ, по тому же обвиненію, по которому онъ, быть можетъ весьма недавно, былъ гласно оправданъ». Приговоръ, вошедшій въ законную силу, получаетъ значеніе непоколебимаго памятника человѣческаго правосудія. Съ этого момента ему безусловно должны подчиняться и подсудимый и общество. «Какъ подсудимый не вправѣ уже оспаривать свою невинность, такъ и общество не вправѣ уже доказывать его виновность; наступаетъ время, когда судебное рѣшеніе должно почесться истиною. Отвергать въ это время истину судебнаго рѣшенія значило бы отвергать пользу право-

судія, сомнѣваться въ его необходимости, обращать его въ пустое слово. Посему дозволеніе, вслучаѣ вновь открывшихся противъ оправданнаго, или осужденнаго уликъ, возобновить новое слѣдствіе и судъ, поколебало бы твердость и значеніе судебныхъ рѣшеній и лишило бы должнаго къ нимъ уваженія. Наконецъ нельзя не замѣтить, что введеніе въ наше законодательство подобнаго правила не только не уничтожило бы значеніе предполагаемой отмѣны оставленія въ подозрѣніи подсудимаго, но распространило бы на всѣ безъ исключенія оправдательные и обвинительные приговоры тѣ стѣсненія, которымъ можетъ подвергнуться оподозрѣнный, — при дѣйствіи закона, дозволяющаго возобновленіе противъ такихъ лицъ слѣдствія по вновь открытымъ уликамъ» об. зап. 1863 г. стр. 17—18).

Изъ этого общаго правила незыблемости судебныхъ рѣшеній допущены слѣдующіе случаи перевершенія дѣла, служащіе блестящимъ доказательствомъ вниманія законодателя къ участи осужденнаго и къ охраненію чистоты судебныхъ рѣшеній.

23 ст. Когда судомъ будетъ признано, что прежде состоявшійся приговоръ былъ послѣдствіемъ подкупа, подлога или инаго преступленія.

25 ст. Когда откроются доказательства невинности осужденнаго, или понесенія имъ наказанія, по судебной ошибкѣ, выше мѣры содѣяннаго.

Изъ изложенныхъ выше общихъ соображеній видно, что 313 ст. XV т. 2 ч., съ своимъ оставленіемъ подсудимаго въ подозрѣніи до открытія новыхъ уликъ, въ настоящее время является анахронизмомъ; что разъ осужденный или оправданный, приговоромъ суда вошедшимъ въ законную силу, не можетъ быть вновь привлеченъ къ слѣдствію и суду по тому же дѣлу, внѣ случаевъ, указанныхъ въ 23 и 25 ст. уст. угол. суд.

Законодатель, сохраняя незыблемость судебныхъ рѣшеній, въ видахъ огражденія этихъ рѣшеній отъ возможныхъ ошибокъ, установилъ различные способы обжалованія и способы эти ограничилъ срокомъ. Наконецъ по 241 ст. уст. угол. суд. предоставлено правительственнымъ мѣстамъ до рѣшенія дѣла возбуждать пререканіе о неправильномъ опредѣленіи подсудности; но затѣмъ ежели приговоръ состоялся и сроки обжалованья прошли, то приговоръ этотъ получаетъ силу судебнаго рѣшенія и становится res judicata для каждаго.

Текстъ 21 ст., впрочемъ, можетъ породить нѣкоторыя недоумѣнія. Статья эта говоритъ о приговорахъ суда *надлежащаго*, но эти недоумѣнія исчезаютъ при внимательномъ сопоставленіи этой статьи съ послѣдующими и съ общимъ смысломъ Судебныхъ Уставовъ, и выраженіе *надлежащій*, какъ справедливо замѣтилъ г. Неклюдовъ, слѣдуетъ отнести скорѣе къ неточности редакціи. И дѣйствительно, въ слѣдующей 22 ст. это выраженіе уже опущено, а въ 23 и 25 ст. спеціализированы всѣ случаи, въ которыхъ допущено перевершеніе дѣла, а потому никакіе другіе немыслимы.

Нарушеніе въ приговорѣ предѣловъ вѣдомства или власти, предоставленной суду, можетъ быть исправлено не иначе какъ путемъ апелляціоннаго или кассаціоннаго обжалованья (174 ст. уст. угол. судопр). Слѣдовательно приговоры суда *не надлежащаго* были предусмотрѣны законодателемъ и для исправленія ихъ указанъ способъ обжалованія и установленъ срокъ, за пропускомъ котораго приговоры на основаніи 181 ст. уст. угол. суд. входятъ въ законную силу и уже пересмотру не подлежатъ. Допуская противное, мы бы пошли въ разрѣзъ съ прямымъ смысломъ Судебныхъ Уставовъ и вернулись бы къ тому порядку, который существовалъ при дѣйствіи 313 ст. XV т. 2 ч., неудобство и вредъ котораго законодатель хотѣлъ избѣжать введеніемъ судебной реформы 1864 г.

Обращаясь къ кассаціонной практикѣ сената, мы встрѣчаемся съ тремя рѣшеніями, которыми отмѣнены приговоры суда, несмотря на то что срокъ обжалованья истекъ. Одно изъ нихъ принадлежитъ уголовному кассаціонному департаменту, два другихъ общему собранію кассаціонныхъ департаментовъ правительствующаго сената. Обстоятельства 1-го дѣла слѣдующія: 1-го апрѣля 1867 года варшавскій архіепископъ Фелинскій объявилъ ярославскому городскому полицейскому управленію о покражѣ у него шубы цѣною въ 225 руб. сер. и изъявилъ подозрѣніе на баденскаго подданнаго Раймунда Митцеля, который не сознаваясь въ кражѣ показалъ мировому судьѣ, что въ 1863 году онъ былъ судимъ за кражу въ 16,000 руб. сер. и по рѣшенію с.-петербургской уголовной палаты содержался одинъ годъ въ арестантской ротѣ. Мировой судья 2-го участка города Ярославля призналъ Митцеля виновнымъ въ совершеніи означенной кражи и приговорилъ его къ заключенію въ тюрьмѣ на семь мѣсяцевъ. На приговоръ судьи товарищъ прокурора ярославскаго окруж-

наго суда подалъ протестъ, въ которомъ изъяснилъ, что Митцель, уже наказанный за кражу въ 16,000 р. с., за новую кражу вещей у архіепископа Фелинскаго подлежитъ по силѣ 1660 ст. уложенія наказанію, какъ за вторую кражу на сумму свыше 300 руб. сер., почему просилъ приговоръ судьи отмѣнить, а дѣло передать судебному слѣдователю. Мировой съѣздъ оставилъ протестъ товарища прокурора безъ послѣдствій на томъ, между прочимъ, основаніи, что приговоръ судьи, какъ своевременно необжалованный, вошелъ въ законную силу. Выслушавъ заключеніе товарища оберъ-прокурора, сенатъ нашелъ: что никто по закону не можетъ подлежать преслѣдованію за преступленіе, не бывъ привлеченъ къ отвѣтственности въ порядкѣ, опредѣленномъ судебными уставами 20-го ноября 1864 года, и никто не можетъ быть наказанъ за преступленіе или проступокъ, ни оправданъ иначе какъ по приговору *надлежащаго* суда, вошедшаго въ законную силу. Посему не подлежитъ сомнѣнію право прокурора опротестовать въ установленномъ порядкѣ инстанцій такой приговоръ мировыхъ установленій, которымъ разрѣшено дѣло о преступленіи, подсудномъ общимъ судебнымъ мѣстамъ и подлежащемъ преслѣдованію прокурорскаго надзора, почему сенатъ опредѣлилъ: приговоръ ярославскаго мироваго съѣзда и судьи отмѣнить со всѣми послѣдствіями и предоставить съѣзду сдѣлать распоряженіе о передачѣ дѣла судебному слѣдователю (рѣш. 1897 г., № 358).

Приведеннымъ рѣшеніемъ сенатъ установилъ нестѣсняемое никакимъ срокомъ право прокурорскаго надзора приносить протесты, во имя общей подсудности, на приговоры мировыхъ установленій. Обращаясь къ другому рѣшенію по дѣлу Германовскаго, видно что представленіемъ генералъ-аудитора общее собраніе кассаціонныхъ департаментовъ поставлено было въ весьма затруднительное положеніе. Ему предстояло разрѣшить вопросъ о подсудности дѣла, по которому состоялся уже приговоръ мироваго судьи, вошедшій въ законную силу. Обстоятельство это въ рѣшеніи общаго собранія не обойдено молчаніемъ, какъ оно было обойдено въ рѣшеніи уголовнаго кассаціоннаго департамента по дѣлу Митцеля. Общее собраніе приняло на видъ: что пререканія о подсудности разсматриваются въ особомъ порядкѣ, опредѣленномъ правилами о подсудности (уст. угол. судопр. ст. 2, 37, 41, 231—238), лишь до рѣшенія дѣла, какъ это явствуетъ изъ требованій закона о пріостановленіи преданія суду

и постановленія приговора, до окончательнаго разрѣшенія вопроса о подсудности (ст. 41, 236); когда же приговоръ состоялся, тогда нарушеніе въ немъ предѣловъ вѣдомства или власти можетъ быть обжаловано только въ апелляціонномъ или кассаціонномъ порядкѣ, смотря потому, состоялся ли приговоръ неокончательный или окончательный, какъ это слѣдуетъ заключить изъ постановленія о томъ, что къ числу поводовъ апелляціи, или кассаціи принадлежатъ и нарушенія предѣловъ вѣдомства или власти, предоставленной суду (ст. 145, 173, 174 п. 3, 853—861, 905—909 и 912 п. 3). Высказавъ только что приведенныя соображенія, казалось, что общее собраніе придетъ къ единственно возможному заключенію, именно: оставитъ представленіе генералъ-аудитора безъ послѣдствій, какъ неподлежащее его разсмотрѣнію, такъ какъ вопросъ заключался не въ разрѣшеніи пререканія, а въ возстановленіи надлежащей подсудности, а слѣдовательно въ отмѣнѣ состоявшагося приговора, т.-е. въ такомъ дѣяніи, на которое общее собраніе кассаціонныхъ департаментовъ закономъ не уполномочено.

Общее собраніе высказывая, что въ настоящемъ случаѣ постановленный мировымъ судьею приговоръ ни въ апелляціонномъ, ни въ кассаціонномъ порядкѣ не подлежитъ непосредственному обсужденію сената и можетъ быть отмѣненъ только съѣздомъ, задается вопросомъ—какимъ порядкомъ съѣздъ можетъ вступить въ разсмотрѣніе этого дѣла?

Понятно, говорится въ рѣшеніи, что ежели бы о возстановленіи надлежащей подсудности, нарушенной приговоромъ мироваго судьи, ходатайствовали сами стороны, участвовавшія въ дѣлѣ, то они должны бы были предъявить свое ходатайство въ установленномъ порядкѣ апелляціи или кассаціи, смотря по свойству приговора (ст. 145—151, 173—177), но въ настоящемъ случаѣ о возстановленіи надлежащей подсудности ходатайствуетъ не участвовавшая въ дѣлѣ третья сторона—военное начальство, справедливо признающее, что съ нарушеніемъ въ этомъ случаѣ подсудности сопряжены интересы военной службы. — По уставу гражд. суд. третье лицо можетъ во всякомъ положеніи дѣла принять въ немъ участіе и подать даже апелляціонную или кассаціонную жалобу на такое рѣшеніе, при постановленіи котораго не было въ виду его ходатайства (уст. гражд. суд. ст. 80, 163, 185 п. 3, 188, 192 п. 3, 712 п. 3, 795, 797 п. 3). Но въ уставѣ уголовнаго судопр., какъ опредѣляющемъ главнымъ образомъ

порядокъ личной уголовной отвѣтственности, нѣтъ особыхъ указаній на счетъ права вступленія третьяго лица въ дѣло, хотя и не подлежитъ сомнѣнію что такое лицо не можетъ быть лишено этого права, какъ въ случаѣ нарушенія его имущественнаго интереса, такъ и въ случаѣ, подобно настоящему, когда представитель какого либо вѣдомства защищаетъ публичный интересъ Въ первомъ случаѣ, третье лицо неуспѣвшее предъявить свои права, въ качествѣ гражданскаго истца, до открытія судебнаго по уголовному дѣлу засѣданія, можетъ предъявить эти права въ гражданскомъ судѣ, по окончаніи уголовнаго судопроизводства (ст. 7); во второмъ случаѣ, возстановленіе нарушеннаго публичнаго интереса принадлежитъ столько же уголовному, какъ и гражданскому суду, ибо охраненіе этого интереса лежитъ на непосредственной обязанности каждаго судебнаго установленія, какъ органа правительственной власти, и нарушеніе его несовмѣстно съ дѣйствительностью судебнаго приговора или рѣшенія. Поэтому приговоръ нарушающій публичный интересъ подлежитъ отмѣнѣ, даже и въ томъ случаѣ, когда нарушеніе это не было въ виду при производствѣ дѣла, лишь бы требованіе объ отмѣнѣ такого приговора было предъявлено въ установленномъ порядкѣ судебныхъ инстанцій. Обращаясь отъ этихъ общихъ разсужденій къ настоящему случаю и принимая во вниманіе, что если съ одной стороны, при разрѣшеніи сомнѣнія о подсудности дѣла тому или другому изъ судовъ различныхъ вѣдомствъ, сенатъ не можетъ вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣнить несостоящій подъ его непосредственнымъ контролемъ приговоръ, то съ другой стороны онъ, какъ верховный судъ, не можетъ также соображенія свои, по этому предмету, предлагать на разсмотрѣніе подчиненнаго ему суда,—правительствующій сенатъ находитъ, что въ этомъ случаѣ можетъ и должно имѣть мѣсто тоже правило, какое постановлено для отмѣны окончательныхъ приговоровъ, именно: что при обращеніи сенатомъ дѣла къ новому разсмотрѣнію, судъ, въ который дѣло обращено, обязанъ, въ изъясненіи точнаго разума закона, подчиниться сужденіямъ сената (ст. 930). Вслѣдствіе сего правительствующій сенатъ въ общемъ собраніи кассаціонныхъ департаментовъ опредѣлилъ: постановивъ эти соображенія въ виду петергофскаго мироваго съѣзда, какъ судебной инстанціи, вѣдающей непосредственно въ апелляціонномъ и кассаціонномъ порядкѣ дѣла кронштадтскихъ мировыхъ судей, предписать сему съѣзду немедленно приступить къ

пересмотру настоящаго дѣла на вышеизложенныхъ основаніяхъ (рѣш. 1866 г. № 94). Ясно, что предписанныя соображенія общаго собранія не гармонируютъ съ его заключеніемъ. Общее собраніе, какъ единственно уполномоченное на разрѣшеніе, въ силу 237 ст. уст. угол. суд., пререканія, разъ признавъ, что въ данномъ случаѣ вопросъ не можетъ быть разрѣшенъ путемъ пререканія, тѣмъ самимъ признало, что дѣло не подлежитъ его разсмотрѣнію. Между тѣмъ мы видимъ, что состоялось рѣшеніе, которымъ предписано съѣзду принять апелляціонный отзывъ военнаго вѣдомства и подчиниться изложеннымъ въ рѣшеніи разсужденіямъ. Остается непонятнымъ, почему общее собраніе не само разрѣшило вопросъ о подсудности, а обязало съѣздъ разрѣшить таковой въ апелляціонномъ порядкѣ. Если для того чтобы выполнить указанный закономъ порядокъ обжалованія, то съ такимъ ригоризмомъ общаго собранія къ выполненію установленныхъ процессуальныхъ порядковъ трудно согласовать только что приведенное нами рѣшеніе, которое состоялось въ порядкѣ, положительно въ законѣ неуказанномъ.

Само собою разумѣется, что въ приведенномъ нами случаѣ пересылка дѣла въ съѣздъ была совершенно излишнею процедурою. Общее собраніе впрочемъ само вскорѣ отступило отъ высказаннаго имъ взгляда, именно въ своемъ рѣшеніи отъ 1869 г. за № 1 по дѣлу дьячка Ильинскаго.

Мировой съѣздъ Бѣлогородскаго округа утвердилъ приговоръ мироваго судьи 5 участка, которымъ дьячекъ Ильинскій приговоренъ къ аресту на мѣсяцъ и переслалъ его, согласно 1029 ст. уст. угол. суд., для приведенія въ исполненіе къ духовному начальству, которое объяснило съѣзду, что оно считаетъ настоящее дѣло неподсуднымъ мировымъ установленіямъ и потому приговоръ привесть въ исполненіе не можетъ. Съѣздъ переслалъ дѣло въ общее собраніе кассаціонныхъ департаментовъ, которое признавъ дѣло мировымъ установленіямъ неподсуднымъ, разрѣшило вопросъ о подсудности путемъ пререканія, несмотря на состоявшійся приговоръ мироваго съѣзда вошедшій въ законную силу, т. е. поступило совершенно вопреки своего рѣшенія по дѣлу Германовскаго.

Итакъ видно, что приведенные приговоры мировыхъ установленій не признаны сенатомъ имѣющими силу судебныхъ рѣшеній, хотя за пропускомъ сроковъ указанныхъ въ 181 ст. уст. угол.

суд. эти приговоры должны бы были считаться вошедшими въ законную силу, и неподлежащими пересмотру.

Нельзя сдѣлать заключенія, чтобы правительствующій сенатъ, какъ верховная инстанція, на которую закономъ возложена обязанность слѣдить за охраненіемъ точной силы закона, принялъ бы къ своему усмотрѣнію приговоръ надлежащаго суда, вошедшій въ законную силу. Случаи пересмотра судебныхъ рѣшеній, вошедшихъ въ законную силу указаны точно въ 23 и 25 ст. угол. судопр. и за точнымъ указаніемъ этихъ случаевъ никакіе другіе немыслимы, по крайней мѣрѣ до появленія новаго закона.

Поэтому ежели сенатъ не призналъ за упомянутыми приговорами силу судебныхъ рѣшеній, то только потому, что они явились постановленіемъ суда *не надлежащаго*. Другаго вывода сдѣлать нельзя.

Но придавая такое широкое значеніе выраженію *надлежащій*, вкравшемуся въ редакцію 21 ст. уст. угол. суд., невольно колеблешь силу судебнаго приговора и идешь въ разрѣзъ съ тѣми мотивами, которые приняты разсужденіями государственнаго совѣта въ основаніе его незыблемости. Мысль законодателя остается невыполненною, такъ какъ незыблемость эта зависитъ отъ вступленія третьяго лица въ дѣло, и такимъ образомъ участь оправданнаго или осужденнаго является также мало гарантированною отъ возможности вторичнаго преслѣдованія, какъ и при дѣйствіи 313 ст. XV т. 2 ч.

Раждается вопросъ, какіе же приговоры мировыхъ установленій можно считать вошедшими въ законную силу?

На этотъ вопросъ отвѣтить невозможно, такъ какъ каждый приговоръ имѣетъ силу до тѣхъ поръ, пока прокурорскій надзоръ или представители какихъ либо вѣдомствъ, апеллирующіе во имя общей, военной, административной и духовной подсудности не принесутъ протеста или отзыва.

Изъ приведенныхъ рѣшеній сената видно, что поименованныя лица пользуются безсрочнымъ правомъ обжалованья. Отказать имъ въ этомъ правѣ нельзя, такъ какъ они защищаютъ публичный интересъ. Но незыблемость судебнаго рѣшенія есть также достояніе общественное и составляетъ также публичный интересъ. Слѣдовательно публичность одного интереса нельзя признать еще достаточнымъ основаніемъ къ колебанію другаго интереса, также публичнаго.

Нашимъ законодательствомъ установлена давность для преступленія и ни прокурорскій надзоръ, ни полиція не вправѣ во имя публичнаго интереса привлечь преступника къ отвѣтственности, когда преступленіе имъ совершенное погашается давностью. Срокъ обжалованья есть таже давность. За пропускомъ установленнаго срока приговоръ суда входитъ въ законную силу, безразлично—будетъ ли этотъ приговоръ постановленіемъ суда надлежащаго или нѣтъ, такъ какъ приговоры суда не надлежащаго предусмотрѣны закономъ (3 п. 174 ст.). Для нихъ установленъ способъ обжалованья, и этотъ способъ ограниченъ срокомъ (ст. 181), за предѣлами котораго судебное рѣшеніе получаетъ санкцію закона и незыблемость его не подлежитъ колебанію.

Такимъ образомъ ясно, что съ приведенными рѣшеніями сената согласиться нельзя. Рѣшенія эти вводятъ бсзсрочное право обжалованія, совершенно чуждое нашему уголовному судопроизводству. Они не соотвѣтствуютъ основной мысли законодателя о незыблемости судебныхъ рѣшеній и отнимаютъ у 181 ст. уст. угол. суд. всякое значеніе, такъ какъ, за пропускомъ установленныхъ ею сроковъ, приговоры входятъ въ законную силу, до вступленія лишь третьяго лица въ дѣло, т. е. только номинально. Чтобы пояснить нагляднѣе мою мысль, я приведу слѣдующій примѣръ: мировой судья постановляетъ оправдательный приговоръ относительно А. обвиняемаго въ кражѣ на сумму въ 200 р. При разбирательствѣ дѣла А. заявляетъ, что онъ былъ судимъ прежде за кражу на сумму болѣе 300 руб. и приговоромъ суда наказанъ; но заявленіе это оставлено судьею безъ вниманія. Затѣмъ по прошествіи 5 лѣтъ прокурорскій надзоръ узнаетъ случайно объ этомъ обстоятельствѣ и приноситъ протестъ о неподсудности дѣла, примѣняясь къ рѣшенію по дѣлу Митцеля. Мировой судья не вправѣ не принять протеста, а съѣздъ обязанъ приступить къ разбирательству и вызвать обвиняемаго, а буде онъ не явится, то согласно 61, 157 ст. уст. угол. суд. сдѣлать распоряженіе о приводѣ. Затѣмъ дѣло передается судебному слѣдователю и поступаетъ въ судъ присяжныхъ, которымъ положимъ А. снова оправданъ. Спрашивается во имя чего А. подвергается вновь всѣмъ тяжестямъ вторичнаго слѣдствія и суда? Случай этотъ не имѣетъ ничего парадоксальнаго. Мировыя установленія поступятъ въ немъ совершенно согласно съ рѣшеніемъ уголовнаго кассаціоннаго департамента по дѣлу Митцеля. Ясно, что

обвиняемый становится къ суду въ болѣе ложное отношеніе, чѣмъ при существованіи прежней системы судопроизводства; тамъ обвиняемый зналъ, что его оставляютъ въ подозрѣніи и что при открытіи новыхъ уликъ его вновь привлекутъ къ слѣдствію и суду.

Въ настоящее время новое привлеченіе къ суду для него становится неожиданностью. Обвиняемый знаетъ, что прежній порядокъ теперь немыслимъ, что приговоръ, постановленный съ нарушеніемъ ли предѣловъ вѣдомства или нѣтъ, можетъ быть обжалованъ не иначе какъ установленнымъ порядкомъ и въ установленный срокъ, за пропускомъ котораго, какъ вошедшій въ законную силу, можетъ подлежать пересмотру только въ случаяхъ, указанныхъ 23 и 25 ст. уст. угол. суд.

Поэтому новымъ привлеченіемъ оправданнаго или осужденнаго къ слѣдствію и суду подорвется не только довѣріе къ приговорамъ суда, но и къ самому закону, установляющему срокъ и способъ обжалованія, а также и силу судебнаго рѣшенія.

А. Жемчужниковъ.

1872 г.
9-го мая.

ВОЕННЫЕ СУДЫ

въ классической древности и въ новѣйшее время. *

Ст. Зильберилака.

Какъ Аѳины, такъ и Римъ имѣли особые военные суды. Въ разговорѣ Платона о законахъ встрѣчается слѣдующее мѣсто: «всякій обязанъ нести военную службу, а если кто, изъ трусости, уклоняется отъ этого безъ надлежащаго разрѣшенія, то онъ, по окончаніи похода, долженъ быть публично обвиняемъ за это предъ военнымъ судомъ. Всѣ участвовавшіе въ томъ походѣ должны быть судьями въ такомъ дѣлѣ, и притомъ такъ что одинъ родъ оружія отдѣляется отъ другаго, и каждый воинъ судится только своими товарищами по оружію.

Точно также должно поступать и съ тѣмъ, кто уже выступивъ въ поле, преждевременно, безъ разрѣшенія начальника уйдетъ изъ подъ знаменъ и вернется домой, и съ тѣмъ, кто на полѣ сраженія броситъ оружіе.»

Эти мысли Платона совершенно согласуются съ тѣмъ, что было въ Аѳинахъ дѣйствующимъ правомъ со временъ Солона. Весь демократизмъ, народоправность аттической государственной жизни отражается въ подобномъ устройствѣ военной юстиціи.

Совершенно иначе было въ Римѣ. Учрежденіе военныхъ судовъ приписываютъ Фурію Камиллу, военачальнику, считав-

---

* Изъ современныхъ законодательствъ; авторъ говоритъ, впрочемъ, только о германскомъ. *Прим. пер.*

шемуся, по своимъ дѣяніямъ, вторымъ основателемъ Рима и долгое время пользовавшемуся величайшими почестями послѣ Ромула.

При Камиллѣ римскіе воины впервые стали получать жалованье. До тѣхъ поръ всякій воинъ-гражданинъ долженъ былъ самъ себя содержать. Эту перемѣну приписываютъ тому что римскія войска, дѣлавшія до тѣхъ поръ только кратковременные походы, во времена Камилла сдѣлали первый продолжительный походъ для осады Вейи. Тогда-то и были введены военные суды. Они не были основаны на какомъ нибудь законѣ, а сводились лишь къ тому, что по лагернымъ обычаямъ и привычкамъ Камилла воинъ не могъ имѣть процесса внѣ лагеря и вдали отъ знаменъ (Legibus antiquis castrorum et more Camilli servato, miles ne vallem litiget extra et procul a signis—говоритъ Ювеналъ въ 16-й сатирѣ.

Должность судей лежала не на всемъ войскѣ, какъ въ Аѳинахъ, а на офицерахъ, судившихъ подъ главнымъ надзоромъ военачальника.

Такая аристократическая форма военнаго суда коренилась, конечно, не въ одномъ авторитетѣ Камилла и не только въ лагерныхъ обычаяхъ, а въ томъ, что весь характеръ римскаго устройства и военнаго быта очень рано повелъ къ строгой дисциплинѣ въ войскахъ. У Грековъ, и именно у аѳинянъ, во времена ихъ процвѣтанія, многочисленныя войны прерывались продолжительными замиреніями. Напротивъ того римляне съ учрежденія республики и до Августа вели почти непрерывныя войны. Примѣры, приводимые Ливіемъ о Манліи Торкватѣ и Папиріи Курсорѣ достаточно указываютъ на состояніе дисциплины въ древнѣйшія времена. Періодъ послѣ пуническихъ войнъ, когда римскія войска постоянно находились въ провинціяхъ обширной республики, болѣе нуждался въ строгой дисциплинѣ, чѣмъ предыдущій, а подобная дисциплина не могла держаться безъ энергическаго военнаго суда.

Римскіе военные суды вообще считаются строгими и справедливыми, да и трудно было бы безъ этого поддерживать такъ долго такую строгую дисциплину, какая существовала въ римскомъ войскѣ. Ювеналъ, до глубокой старости самъ бывшій солдатомъ, говоритъ объ justissima centurionum cognitio; но онъ

также говоритъ и о томъ, что частному лицу, которому солдатъ вышибъ напр. глазъ или зубъ, нечего ожидать справедливости отъ военнаго суда, потому что въ подобныхъ случаяхъ солдаты всегда берутъ сторону своего товарища; онъ говоритъ что легче найти даже свидѣтеля противъ частнаго лица, чѣмъ свидѣтеля правдиваго противъ солдата. Разумѣется, не надо забывать что Ювеналъ могъ себѣ позволить нѣкоторыя поэтическія вольности въ своихъ сатирахъ. Тѣмъ не менѣе въ этихъ жалобахъ на пристрастіе военныхъ судовъ есть доля правды. Впрочемъ сатира Ювенала относится къ военной юстиціи преторіанцевъ, которые со временъ Августа стояли лагеремъ близъ Рима. До тѣхъ поръ войска почти никогда не находились вблизи Рима, а распредѣлялись всѣ по провинціямъ, такъ что столкновенія между гражданами съ солдатами могли случаться только весьма рѣдко.

Изъ словъ Ювенала можно съ достовѣрностью заключить, что уже въ то время военному суду были подсудны не только военныя, но и *всѣ* преступленія, совершаемыя солдатами. Такъ это и осталось на дальнѣйшее время. L. 6. Cod. de jurisdiction прямо подтверждаетъ это.

Нѣмецкій съѣздъ юристовъ высказался, по большинствѣ голосовъ, за ограниченіе вѣдомства военнаго суда во время мира—чисто военными преступленіями. Настоящее устройство военной юстиціи основано на законѣ 3 апрѣля 1845 года, который, согласно ст. 61 конституціи Германской имперіи, имѣетъ силу на всемъ ея пространствѣ, за исключеніемъ Баваріи и Вюртемберга. По этому закону военнымъ судамъ подсудны всѣ преступленія, совершаемыя лицами, принадлежащими къ военному сословію. Предварительное слѣдствіе производится аудиторомъ—военнымъ чиновникомъ, который долженъ обладать научными качествами, требуемыми для судейской должности. Въ дѣлахъ, въ которыхъ съ военными участвуютъ и частныя лица, слѣдствіе производилось смѣшаннымъ судомъ, но законъ 1 января 1849 года устранилъ несправедливо и ко вреду производства—гражданскихъ чиновниковъ. Дѣла рѣшаются коллегіальнымъ судомъ, составленнымъ изъ военныхъ чиновниковъ, которымъ аудиторъ излагаетъ содержаніе актовъ въ присутствіи обвиняемаго. Чинъ лицъ, призываемыхъ къ отправленію должности судей, опредѣляется чиномъ обвиняемаго. По дѣламъ рядовыхъ

судьями должны быть солдаты, унтеръ-офицеры и офицеры и т. д. Такимъ образомъ судьи бываютъ равнаго и высшаго чина чѣмъ обвиняемый.

Всякое рѣшеніе подлежитъ утвержденію (или отмѣнѣ) начальника той части войскъ, къ которой принадлежитъ обвиняемый, и въ случаяхъ особенно важныхъ оно восходитъ на усмотрѣніе Государя.

Сравнивая теперешнее германское устройство военнаго суда съ аѳинскимъ и римскимъ, нельзя не замѣтить, что оно далеко не имѣетъ демократическаго характера перваго, хотя не отличается такой строгой аристократичностью, какъ послѣднее.

Реформа военнаго суда посредствомъ введенія гласнаго и устнаго производства была бы весьма желательна.

Напротивъ того, отмѣну этого суда для всѣхъ не военныхъ преступленій нельзя считать цѣлесообразной, потому что чисто военныя преступленія очень часто тѣсно связаны съ не военными и ихъ удобнѣе изслѣдовать и разрѣшать совмѣстно.

Необходимо было бы ограничить кругъ дѣйствія военныхъ судовъ, такъ чтобы по всѣмъ дѣламъ, въ которыхъ участвуютъ военныя и частныя лица, предварительное слѣдствіе производилось судебнымъ слѣдователемъ гражданскаго вѣдомства совмѣстно съ аудиторомъ; разрѣшеніе же такихъ дѣлъ подлежало бы суду гражданскаго вѣдомства.

Представляя читателямъ эту статью нѣмецкаго судьи, мы думали обратить вниманіе на эту, совершенно исключительную область юстиціи. Предлагаемая статья не отличается никакими особенными, ни научными, ни практическими, ни критическими достоинствами. Авторъ начинаетъ, какъ большая часть нѣмцевъ, съ яицъ Леды, и слишкомъ кратокъ тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о современномъ. Между тѣмъ войско играетъ такую роль въ народной жизни, занимаетъ такое первенствующее во всѣхъ бюджетахъ мѣсто, требуетъ отъ гражданъ такихъ жертвъ (имущественныхъ и личныхъ), что въ сравненіи съ нимъ являются ничтожными всѣ остальныя стороны государственной жизни. Военные суды ординарные, и въ особенности экстраординарные, обнаруживаютъ такую дѣятельность и такъ глубоко захватываютъ общественные интересы, что вполнѣ заслуживаютъ величайшаго вниманія.... Повторяемъ, мы желали бы обратить на этотъ предметъ взоры тѣхъ изъ нашихъ юристовъ, которымъ часто приходится имѣть дѣло съ военными судами. Ихъ ученость и познанія, подкрѣп-

ляемыя опытомъ, могли бы принести не малую пользу для выясненія вопроса о военныхъ судахъ. Nomina sunt odiosa—но мы могли бы указать нѣсколько именъ изъ нашей адвокатуры, которымъ бы всего ближе выполнить такую задачу. Въ ожиданіи ихъ трудовъ, мы въ слѣдующей статьѣ изложимъ постановленія нашего законодательства объ этомъ предметѣ, постановленія, далеко опередившія скромныя желанія скромнаго автора вышеприведенной статьи.

Л. А. Куперникъ.

1-го іюля
1872 г.

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА.

I.

Московскаго Окружнаго Суда.

Полученіе залогодержателемъ, по просроченной закладной, условленныхъ процентовъ впередъ имѣетъ силу и значеніе отсрочки въ удовлетвореніи по обязательству.

1872 года мая 2-го дня, по указу Его Императорскаго Величества, Московскій окружный судъ, по IV отдѣленію, въ публичномъ засѣданіи, открытомъ подъ предсѣдательствомъ товарища предсѣдателя В. И. Драницына, въ составѣ членовъ: Н. Н. Коптева и М. П. Фролова, слушалъ дѣло по иску коллежскаго асессора Шушманова съ коллежскаго секретаря Сабанина 5000 руб. по закладной. Обстоятельства дѣла: 1852 года, 24 іюня, московская купеческая жена Елена Михайловна Сабанина заняла у коллежскаго асессора Ивана Ѳедоровича Шушманова денегъ серебромъ 5400 рублей, за указные проценты, срокомъ на одинъ годъ, то-есть 1853 года іюня по 24 число, а въ тѣхъ деньгахъ до срока заложила ему свой деревянный домъ со всякимъ при немъ строеніемъ и землею, состоящій въ Москвѣ Пятницкой части, 3-го квартала, подъ № $^{330}/_{349}$ въ чемъ и выдала ему закладную крѣпость, совершенную во 2 деп. московской палаты гражданскаго суда и написанную на гербовой бумагѣ 12-ти рублеваго достоинства. Представляя означенную закладную съ надписями на ней: 1) Московской палаты гражданскаго суда 2 деп. отъ 17-го іюня 1863 года въ томъ, что закладная эта была представлена отъ г. Шушманова въ палату 3-го іюня 1863 года ко взысканію и возвращена ему за произведенною по оной наслѣдникомъ умершей залогодательницы, сыномъ ея коллежскимъ секретаремъ Николаемъ Александро-

вичемъ Сабанинымъ, въ число капитальной суммы уплатою 400 рублей и процентовъ по 2 5іюня 1862 года, вслѣдствіе изъявленнаго со стороны Шушманова согласія на отсрочку по сей закладной взысканія, и 2) коллежскаго секретаря Николая Александровича Сабанина объ уплатѣ имъ по закладной процентовъ по 24 іюня 1872 года,—въ московскій окружный судъ и предъявляя искъ къ Сабанину, повѣренный Шушманова, московскій купецъ Дойниковъ, въ исковомъ прошеніи своемъ, поданномъ 3-го апрѣля 1872 года, ходатайствовалъ о взысканіи съ Сабанина по закладной 5000 рублей съ судебными издержками. Въ засѣданіе суда явились тяжущіяся лица—Шушмановъ и Сабанинъ; изъ коихъ истецъ подтвердилъ исковыя требованія свои, заявленныя въ письменномъ прошеніи его повѣреннаго; отвѣтчикъ же заявляя о томъ, что имъ уплачены Шушманову проценты по 24 іюня и находя искъ его преждевременнымъ, просилъ истцу въ искѣ его отказать и возложить на него отвѣтственность за судебныя издержки по сему дѣлу. На это истецъ Шушмановъ объяснилъ, что дѣйствительно имъ получены отъ Сабанина проценты по означенное время; Сабанинъ же остался при прежнемъ требованіи. Разсмотрѣвъ вышеизложенное, окружный судъ находитъ, что истецъ Шушмановъ ходатайствуетъ передъ Судомъ о взысканіи съ отвѣтчика Сабанина 5000 руб. по закладной; отвѣтчикъ же Сабанинъ, возражая противъ этого иска, находитъ его преждевременнымъ, такъ какъ имъ уплачены истцу проценты по закладной по 24 іюня 1872 года, что подтверждаетъ и истецъ. Принимая во вниманіе: во 1-хъ, что по закладной крѣпости на недвижимое имѣніе, какъ и по всякому другому долговому обязательству, дозволяется заимодавцамъ брать узаконенные проценты (ст. 37 т. X ч. II зак. гр. и 2020 т. X ч. 1 тѣхъ же законовъ); во 2-хъ, что объ отсрочкахъ уплаты долга по закладной крѣпости на недвижимое имѣніе въ законѣ не упоминается, но въ виду того, что таковая закладная крѣпость есть ничто иное, какъ домовое обязательство, обезпеченное залогомъ недвижимаго имѣнія, то къ ней относительно отсрочки можетъ быть примѣнена 2040 ст. т. X ч. 1 зак. гр., въ которой говорится объ отсрочкахъ уплаты по крѣпостнымъ и долговымъ заемнымъ письмамъ; въ 3-хъ, что по силѣ этой 2040 ст. отсрочка, между прочимъ, дѣлается заимодавцемъ надписью на самомъ обязательствѣ; въ 4-хъ, что хотя Шушмановымъ на представленной имъ закладной и не сдѣлано надписи объ отсрочкѣ уп-

латы долга по оной, но на ней сдѣлана надпись Сабанинымъ въ уплатѣ имъ Шушманову по этой закладной процентовъ по 24 іюня 1872 года, дѣйствительность принятія которыхъ отъ Сабанина подтвердилъ на судѣ и самъ истецъ; въ 5 хъ, что проценты на отданный въ долгъ капиталъ есть не другое что, какъ вознагражденіе за отдачу этого капитала; въ 6-хъ, что таковое вознагражденіе не воспрещается закономъ брать впередъ до извѣстнаго срока; взявши же впередъ до извѣстнаго срока вознагражденіе за отданный въ долгъ капиталъ, заимодавецъ тѣмъ самымъ обязался оставить до того срока въ рукахъ должника означенный капиталъ, и въ 7-хъ, что въ виду изложеннаго, надпись на закладной залогодателя Сабанина объ уплатѣ имъ процентовъ по оной по 24 іюня 1872 года и сознаніе залогодержателя Шушманова въ принятіи этихъ процентовъ по означенное число можетъ замѣнить собою надпись объ отсрочкѣ платежа по закладной до 24 іюня 1872 года,—окружный судъ считаетъ настоящій искъ Шушманова преждевременнымъ, а потому, руководствуясь 366, 737 и 868 ст. уст. гр. суд., опредѣляетъ: въ искѣ Шушманова къ Сабанину о взысканіи по закладной, какъ преждевременномъ, отказать; судебныя по дѣлу издержки возложить на истца. Рѣшеніе это предварительному исполненію не подлежитъ.

II

Московскаго Мироваго Съѣзда.

Насиліе надъ вещью безъ насилія въ то же время надъ лицомъ не составляетъ самоуправства.

1872 года марта 22-го дня, по указу Его Императорскаго Величества, Московскій столичный мировой судья Мясницкаго участка слушалъ дѣло о купцѣ Львѣ Абрамовѣ Кисликъ, обвиняемомъ купцомъ Филипомъ Ивановымъ Борисовымъ въ буйствѣ, самоуправствѣ и нанесеніи обиды.

Обстоятельства дѣла: временно-московскій купецъ Филипъ Ивановъ Борисовъ 8-го марта заявилъ, что 6-го марта купецъ Левъ Абрамовъ Кисликъ въ $2^1/_2$ часа дня придя въ его магазинъ ударилъ кулакомъ въ стекло наружной двери, такъ сильно что стекла разлетѣлись всѣ въ мелкіе осколки. А такъ какъ такого рода поступокъ относится къ буйству, самоуправству и оскорбленію чести его магазина, то онъ просилъ съ Кисликъ поступить по закону. Въ подтвержденіе обвиненія сослался на свидѣтелей: цеховаго *Игнатія Никитина Воронова*, его жену *Глафиру Иванову*, мѣщанина *Александра Авдѣева* и мѣщанина *Евгима Сергѣева*. На судѣ повѣренный Борисова Васильевъ объяснилъ, что Борисовъ снялъ портновскій магазинъ, принадлежавшій прежде Кислику, и переѣхавъ туда не успѣлъ стереть со стекляной двери надписи «Портной Кисликъ», не смотря на то что Кисликъ отъ него этого требовалъ. Послѣ этого однажды Кисликъ, проходя мимо двери, и видя надпись не стертою, обернулъ руку рукавомъ и такъ сильно ударилъ по стеклу, что осколки разлетѣлись какъ въ магазинъ Борисова, такъ и въ магазинъ Воронова, имѣющій одинъ съ нимъ ходъ. Такъ какъ этотъ поступокъ Кислика былъ вызванъ чувствомъ мести, то онъ видитъ въ немъ

оскорбленіе чести магазина Борисова и буйство. Повѣренный Кислика Куликовъ, не признавая своего довѣрителя виновнымъ, объяснилъ, что Кисликъ, проходя съ своими знакомыми (которые теперь находятся въ числѣ свидѣтелей), и желая имъ указать магазинъ, прежде принадлежавшій ему, поскользнулся и лѣвымъ локтемъ продавилъ стекло въ двери. Вслѣдъ затѣмъ онъ вошелъ въ магазинъ и, извиняясь въ своей неосторожности, предлагалъ заплатить за стекло деньги. Спрошенные свидѣтели со стороны Борисова показали: 1) Игнатій Никитинъ Вороновъ, что когда онъ былъ часу во второмъ позванъ женою своей обѣдать и проходилъ для этого въ свой магазинъ изъ магазина Борисова черезъ фонарь, ведущій съ улицы въ оба магазина, Кисликъ съ улицы разбилъ верхнее стекло наружной двери этого фонаря. Сдѣлано это было не случайно, ибо верхнее стекло отстоитъ отъ тротуара на 2 арш. 3 вершка, слѣдовательно надо поднять руку чтобы разбить его. Потомъ Кисликъ вошелъ въ магазинъ и на замѣчаніе Воронова сказалъ ему, что это дѣло не его, что у него съ Борисовымъ есть разсчетъ относительно надписи, сдѣланной на двери. 2) Глафира Иванова Воронова, что когда она звала мужа обѣдать изъ магазина Борисова и стояла у своей двери, ведущей въ фонарь, Кисликъ остановился на тротуарѣ у наружной двери фонаря, поднялъ руку, завернувъ ее въ рукавъ, и ударилъ въ верхнее стекло двери, такъ что оно разлетѣлось въ мелкіе куски. Потомъ Кисликъ вошелъ въ дверь, и на вопросъ ея, что онъ сдѣлалъ, отвѣтилъ «что надо, то и сдѣлалъ». На вопросы сторонъ свидѣтельница показала, что Кисликъ остановился на тротуарѣ, и съ нимъ никого не было. Остальные свидѣтели обвиненія Александръ Авдѣевъ и Ефимъ Сергѣевъ вполнѣ подтвердили показаніе Вороновыхъ. 3) Явившійся же со стороны защиты свидѣтель Василій Еремѣевъ Лбовъ показалъ, что онъ шелъ случайно вмѣстѣ съ Кисликомъ; подойдя къ двери магазина Борисова, Кисликъ обернулся, чтобы показать ему, какъ Борисовъ отдѣлалъ свой магазинъ, и въ это время, поскользнувшись, разбилъ стекло, но верхнее или нижнее свидѣтель не замѣтилъ. Потомъ Кисликъ вошелъ въ магазинъ, а онъ пошелъ домой. Кисликъ шелъ по лѣвой рукѣ отъ него и несъ какой-то узелокъ. Сзади шелъ работникъ Кислика, посланный имъ къ какому-то давальцу. Входя въ магазинъ, Кисликъ упомянулъ «отдать деньги». Показаніе Лбова поддерживалъ другой свидѣтель Иванъ Владиміровъ, работникъ обвиняемаго.

По разсмотрѣніи настоящаго дѣла, мировой судья нашелъ, что изъ показанія свидѣтелей, выставленныхъ Борисовымъ, очевидно что Кисликъ, недовольный тѣмъ, что Борисовъ, занявши магазинъ, въ которомъ прежде торговалъ онъ, Кисликъ, не стеръ съ двери его, Кислика, имени, умышленно разбилъ эту дверь. Показаніе двухъ свидѣтелей, выставленныхъ Кисликомъ нисколько не умаляетъ значенія и силы первыхъ свидѣтельскихъ показаній. Показаніе свидѣтелей защиты является вполнѣ невѣроятнымъ уже потому, что Кисликъ, для того, чтобы лишить силы показаніе Воронова, возбудилъ противъ него жалобу, которую впрочемъ не только не доказалъ, но даже не поддерживалъ на судѣ чрезъ своего повѣреннаго. Усматривая поэтому въ дѣяніи Кислика *самоуправство*, но не находя, чтобы онъ чѣмъ-либо нарушилъ общественную тишину, мировой судья, согласно ст. 119 уст. угол. суд. и ст. 142 уст. о наказ. налаг. мир. суд. приговорилъ его, Кислика, къ аресту при московскомъ городскомъ арестантскомъ домѣ *на два мѣсяца*.

На это рѣшеніе защитникъ Кислика, присяжный повѣренный В. И. Кохновъ, подалъ апелляціонный отзывъ слѣдующаго содержанія:

«У г. мироваго судьи Мясницкаго участка разсматривалось дѣло о купцѣ Львѣ Абрамовѣ Кисликъ, обвиняемомъ купцомъ Филиппомъ Ивановымъ Борисовымъ въ буйствѣ и нанесеніи обиды, и о мѣщанинѣ Александрѣ Авдѣевѣ и цеховомъ Игнатіѣ Никитинѣ Вороновѣ, обвиняемыхъ купцомъ Кисликъ въ нанесеніи ему обиды.

Приговоромъ 22 марта 1872 г. г. судья опредѣлилъ подвергнуть довѣрителя моего Кислика аресту при московскомъ городскомъ арестантскомъ домѣ на два мѣсяца; Авдѣева же и Воронова, по недоказанности обвиненія, выставленнаго противъ нихъ довѣрителемъ моимъ, призналъ по суду оправданными.

Такое рѣшеніе г. судьи я нахожу неправильнымъ по слѣдующимъ основаніямъ:

1. «По разсмотрѣніи настоящаго дѣла,—сказано въ приговорѣ,—мировой судья нашелъ, что изъ показаній свидѣтелей, выставленныхъ Борисовымъ, очевидно, что Кисликъ, недовольный тѣмъ, что Борисовъ, занявши магазинъ, въ которомъ прежде торговалъ онъ, Кисликъ, не стеръ съ двери его, Кислика, имени, умышленно разбилъ эту дверь». «Усматривая поэтому,—говоритъ, нѣсколько строкъ ниже, г. судья, — въ дѣяніи Кислика самоуправство, но

не находя, что онъ, Кисликъ, чѣмъ-либо нарушилъ общественную тишину, мировой судья, согласно 119 ст. уст. угол. суд. и 142 ст. уст. о наказ. налаг. мир. суд., приговорилъ Кислика къ вышесказанному аресту на два мѣсяца». Итакъ, г. судья усматриваетъ самоуправство единственно въ томъ, что Кисликъ «умышленно разбилъ стекло въ двери» (а не самую дверь—какъ сказано въ приговорѣ), и приговариваетъ его за такое разбитіе стекла къ 2-хъ мѣсячному аресту. Такія несоразмѣрно тяжкія послѣдствія для Кислика за разбитое стекло не объясняются ли, говоря вообще, тѣмъ, что г. судья, прилагая мѣру отвѣтственности къ обвиняемому Кислику, въ самомъ дѣлѣ имѣлъ въ виду не одно стекло, а цѣлую разбитую дверь? Далѣе, еслибы Кисликъ въ самомъ дѣлѣ возымѣлъ намѣреніе выломать цѣлую дверь, онъ точно также судился бы за самоуправство и могъ бы быть также приговоренъ къ такому же аресту. Между тѣмъ существуетъ огромная разница, въ отношеніи причиненнаго намъ безпокойства, между умышленнымъ или нечаяннымъ разбитіемъ стекла и взломомъ охраны нашего жилища—цѣлой двери. Допуская на минуту, что Кисликъ умышленно разбилъ стекло, что слѣдовательно дѣяніе его такимъ образомъ можетъ быть разсматриваемо въ смыслѣ уголовнаго проступка, обратимся къ послѣднему слову законодателя о томъ, что понимаетъ онъ подъ самоуправствомъ. Въ одномъ изъ позднѣйшихъ рѣшеній своихъ, именно въ № 333 за 1871 г., уголовный кассаціонный департаментъ такъ разсуждаетъ по этому предмету: «самоуправство *въ смыслѣ уголовнаго проступка*,—говоритъ уголовный кассаціонный департаментъ,—преслѣдуемаго по 142 ст. уст. о нак., хотя и можетъ сопровождаться нарушеніемъ имущественныхъ правъ какого либо лица, но оно не мыслимо безъ совершенія одновременно какого либо физическаго или, по крайней мѣрѣ, нравственнаго насилія къ отношеніи этого лица, *такъ какъ*,—разъясняетъ правительствующій сенатъ,—*оно иначе ничѣмъ не отличалось бы отъ простаго гражданскаго правонарушенія, подлежащаго разсмотрѣнію суда гражданскаго.*» Дѣяніе Кислика совершенно не соотвѣтствуетъ такому въ послѣднее время выработавшемуся взгляду правительствующаго сената на самоуправство. «Физическое или по крайней мѣрѣ нравственное *насиліе* въ отношеніи лица, одновременное съ нарушеніемъ имущественныхъ правъ послѣдняго», требуется кассаціоннымъ департаментомъ для наличности самоуправства. Кисликъ, это само собою очевидно, не совершалъ,

одновременно съ разбитіемъ стекла, никакого насилія въ отношеніи Борисова. Находясь на тротуарѣ, внѣ магазина, онъ даже не могъ знать былъ ли Борисовъ въ магазинѣ и вообще былъ ли тамъ кто нибудь въ эту минуту; хотя съ другой стороны своимъ дѣяніемъ «нарушилъ имущественныя права» Борисова тѣмъ, что разбилъ составляющее собственность Борисова стекло. То обстоятельство, что Кисликъ разбилъ стекло, стоя не въ магазинѣ, а внѣ магазина, имѣетъ въ глазахъ защиты немаловажное значеніе. Оно показываетъ, что Кисликъ, во время разбитія стекла, находился въ условіяхъ, не дававшихъ ему никакого повода «насиловать какое бы то ни было лицо», или, выражаясь языкомъ сената, Кисликъ, «нарушая имущественныя права Борисова, не совершалъ *одновременно* какого либо насилія въ отношеніи Борисова». Другое дѣло, еслибы Кисликъ, войдя въ магазинъ и требуя отъ Борисова устраненія надписи на стеклѣ, вслѣдъ за отказомъ Борисова разбилъ самъ это стекло. Тогда еще можно было бы усматривать *одновременность* имущественнаго вреда съ нѣкоторымъ насиліемъ. Но и тогда въ связи съ фактической обстановкой дѣла, такой поступокъ скорѣе получилъ бы, намъ кажется, значеніе ссоры, драки, оскорбленія, наконецъ нарушенія общественной тишины, но не самоуправства.

2. Приговоръ г. судьи я нахожу неправильнымъ также и потому, что обвиненіе Кислика заявлено со стороны Борисова въ обидѣ, а г. судья призналъ его виновнымъ въ самоуправствѣ. Въ порядкѣ частнаго обвиненія мировая юстиція должна сообразоваться съ требованіями обвинителя. Тамъ, гдѣ одно частное лицо привлекаетъ другаго къ отвѣтственности за «обиду», мировая юстиція призвана разсмотрѣть это, и только «одно это» обвиненіе. Для того и введенъ у насъ особый, совершенно самостоятельный элементъ обвиненія, чтобы судъ тѣмъ болѣе оставался непогрѣшимымъ въ своихъ приговорахъ, чѣмъ менѣе ему будетъ предстоять надобности становиться то на точку зрѣнія обвиненія, то на точку зрѣнія защиты. Возбуждать обвиненіе, а слѣдовательно въ извѣстныхъ условіяхъ дѣла и усугублять мѣру наказанія обвиняемому, помимо иниціативы обвинителя,—говорили мы въ другомъ мѣстѣ,—не есть задача суда въ наше время. Карательный элементъ суда всецѣло зависитъ отъ условій, въ какія поставленъ онъ въ каждомъ данномъ случаѣ обвиненіемъ.

3. Что касается обвиненія Кисликомъ Воронова и Авдѣева въ оскорбленіи, нанесенномъ послѣдними, въ формѣ брани, первому, то хотя оно дѣйствительно никѣмъ не подтверждено, такъ какъ и не могло быть, по обстановкѣ дѣла, свидѣтелей этого оскорбленія, тѣмъ не менѣе въ высшей степени невѣроятно чтобы Вороновъ и Авдѣевъ, воздержались, при степени ихъ образованія, отъ столь удобнаго случая нанести Кислику оскорбленіе. Обстоятельство же о шапкѣ, насильно удержанной Авдѣевымъ, вполнѣ подтверждается показаніемъ городоваго Степана Воронова, который говоритъ, «что Кисликъ просилъ у него надѣть какую нибудь шапку, говоря, что съ него сняли его шапку. Онъ далъ ему свою и пошелъ вмѣстѣ съ нимъ въ магазинъ Борисова, гдѣ на прилавкѣ оказалась шапка Кислика». Авдѣевъ въ свое оправданіе говоритъ, что когда у Кислика свалилась шапка, и Кисликъ не хотѣлъ взять ее, то онъ, Авдѣевъ, «вынужденъ былъ прибрать эту шапку». Еслибы это было такъ, то по здравому смыслу Авдѣеву нечего было заботиться о шапкѣ, когда и самъ владѣлецъ ея не хочетъ заботиться о ней. Напротивъ такое объясненіе ясно указываетъ что шапка была задержана Авдѣевымъ у Кислика. А такія дѣйствія дѣйствительно носятъ въ себѣ нѣкоторые признаки самоуправства. Тѣмъ не менѣе не усматривая въ нихъ достаточныхъ данныхъ для признанія такого проступка, я не настаиваю на обвиненіи Авдѣева въ самоуправствѣ, а только покорнѣйше прошу съѣздъ гг. судей имѣть въ виду отношенія Воронова и Авдѣева къ довѣрителю моему, при задержаніи его въ магазинѣ Борисова и затѣмъ у калитки дома, для справедливой оцѣнки всего настоящаго дѣла.

Что касается затѣмъ интересовъ самого довѣрителя моего, то, какъ я уже имѣлъ честь сказать, въ дѣяніи его, согласно разъясненію приведеннаго мною рѣшенія правительствующаго сената (Угол. Кас. Деп. 1871 г. № 333) не было насилія не только въ отношеніи Борисова, но и въ отношеніи кого бы то ни было другаго. «Безъ этого же насилія — говоритъ правительствующій сенатъ — *не мыслимо самоуправство въ смыслѣ уголовнаго проступка*». Правда въ 1868 г. сенатъ по дѣлу Кожевникова и Кулагина (1868 г. № 239) высказался, что «точный смыслъ закона, изображеннаго въ 142 ст., не требуетъ вовсе, чтобы для приложенія онаго необходимо было соединеніе самоуправства съ насиліемъ, а напротивъ того опредѣляетъ взысканіе и за каждый изъ сихъ проступковъ въ отдѣльности».

Но трехлѣтняя затѣмъ практика сената, подъ вліяніемъ науки, рѣшительно возставшей противъ такого взгляда на самоуправство, привела русское юридическое мышленіе въ лицѣ, какъ я имѣлъ честь выше цитировать, того же самаго уголовнаго кассаціоннаго департамента, къ болѣе правильному взгляду на природу самоуправства. Пользующійся вполнѣ заслуженнымъ авторитетомъ извѣстный криминалистъ Бернеръ совершенно справедливо замѣчаетъ, что «ежели отнять отъ понятія самоуправства понятіе насилія, то оно превратится въ пустую абстракцію». Но и затѣмъ самое насиліе, какъ существенная часть понятія самоуправства,—выводитъ далѣе наука, должно быть насиліемъ надъ личностью, но никакъ не надъ неодушевленнымъ предметомъ, каково напр. стекло.

По всѣмъ самъ соображеніямъ честь имѣю покорнѣйше просить съѣздъ гг. судей 2 округа приговоръ г. судьи Мясницкаго участка, въ отношеніи довѣрителя моего, отмѣнить и, войдя въ разсмотрѣніе обстоятельствъ настоящаго дѣла, Кислика по разуму 31 и на основ. 771 ст. уст. угол. суд. признать по суду оправданнымъ.

Буде же съѣздъ гг. судей не убѣдился бы доводами защиты, въ смыслѣ безусловнаго оправданія Кислика, то я ходатайствую о примѣненіи къ дѣянію его ст. 152 уст. о нак. налаг. мир. суд., какъ къ проступку за поврежденіе чужаго движимаго имущества».

По разсмотрѣніи дѣла вслѣдствіе сего отзыва, съѣздъ мировыхъ судей постановилъ:

«1872 года іюня 6-го дня московскій столичный мировой съѣздъ 2-го округа въ открытомъ засѣданіи слушалъ производившееся у мироваго судьи Мясницкаго участка дѣло по обвиненію купца Льва Абрамова Кисликъ купцомъ Филиппомъ Ивановымъ Борисовымъ въ буйствѣ, самоуправствѣ и оскорбленіи. Кромѣ сего мѣщанина Александра Авдѣева и цеховаго Игната Никитина Воронова купцомъ Львомъ Кисликъ, перваго въ оскорбленіи и самоуправствѣ, а послѣдняго въ оскорбленіи же словами. Выслушавъ словесныя объясненія защитника г. Кисликъ присяжнаго повѣреннаго В. И. Кохнова, нашелъ, что въ проступкѣ Кислика нѣтъ признаковъ самоуправства, такъ какъ самоуправства надъ вещью не можетъ быть, а насилія ни физическаго, ни нравственнаго надъ Борисовымъ не было; поступокъ же Кислика подходитъ подъ 152 ст. уст. о нак. нал. мир. суд., а потому

съѣздъ находя, что хотя Борисовымъ не было указано въ его жалобѣ на выше означенную статью, но указаніе статьи не обязательно, разъ есть заявленіе о поступкѣ,—на основ. 119 ст. приговорилъ: отмѣнивъ приговоръ мироваго судьи Мясницкаго участка относительно признанія Кислика виновнымъ въ самоуправствѣ, подвергнуть Кислика на основ. 152 ст. за самовольное поврежденіе чужаго имущества штрафу въ размѣрѣ двадцати пяти рублей съ замѣной въ случаѣ несостоятельности арестомъ при городскомъ арестантскомъ домѣ на одну недѣлю.»

ЮРИДИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

I.

НЕДОУМѢНІЯ

по поводу 1612 ст. Улож. о Нак.

(1. Касс. рѣш. 1871 г. № 749. 2.) Суд. Вѣстн. 1872 г. №№ 2—12).

Кассаціонное рѣшеніе по дѣлу мѣщанки Савостьяновой вызвало совершенно неожиданно оживленную юридическую полемику.

Затронутый вопросъ касался примѣненія 1612 ст. улож.

Мѣщанка Савостьянова была обвинена присяжными засѣдателями въ покушеніи на поджогъ своего застрахованнаго имущества, при условіяхъ второй части 1612 ст. улож. Судъ назначилъ ей наказаніе на основаніи спеціальныхъ постановленій 1610 ст. Сенатъ съ своей стороны оставилъ безъ уваженія жалобу защиты, требовавшей примѣненія въ данномъ случаѣ общихъ правилъ 115 ст. о покушеніи, такъ какъ въ 1612 ст. цитируются только статьи 1606—1609, и не упоминается вовсе о 1610 ст.

Г. Таганцевъ, одинъ изъ даровитѣйшихъ нашихъ криминалистовъ, анализируя 1612 ст. пришелъ ко выводамъ, согласнымъ съ положеніемъ защиты и противоположнымъ рѣшенію сената.

Главныя положенія г. Таганцева заключаются въ слѣдующемъ.

1. Статья 1612 улож. цитируя только 1606—1609 ст. допускаетъ при покушеніи и приготовленіи на предусматриваемый ею поджогъ примѣненіе только общихъ правилъ 115 ст. а не спеціальныхъ 1610 и 1611.

2. Статья 1612 улож. въ *первой* своей части предусматриваетъ поджогъ своего застрахованнаго имущества, во *второй* же поджогъ своего имущества безразлично было ли оно застраховано или нѣтъ.

Съ обоими положеніями г. Таганцева согласиться, мнѣ кажется, весьма трудно.

Возражать противъ перваго изъ нихъ мы считаемъ излишнимъ. Это сдѣлано уже г. Александровымъ въ томъ же Судебномъ Вѣстникѣ, что вызвало и опроверженія со стороны г. Таганцева. Новые доводы послѣдняго намъ кажутся далеко не убѣдительными и взглядъ сената на вопросъ остался неподорваннымъ. Дѣйствительно нужно много діалектической тонкости чтобы придти ко мнѣнію, совершенно противоположному. Преступленія, предусмотрѣнныя второй частью 1612, сравнены по наказанію и послѣдствіямъ съ преступленіями 1066—1609 ст. Если преступленія 1606—1609 не завершились, то для нихъ статьи 1610 и 1611 представляются спеціально неизбѣжнымъ выходомъ. Понятно, что тѣмъ же путемъ должны идти преступленія второй части 1612 и нѣтъ возможности примѣненія къ нимъ вмѣсто этихъ спеціальныхъ правилъ общихъ ст. 115 и слѣд., какъ полагаетъ г. Таганцевъ.

Въ подкрѣпленіе доводовъ г. Александрова я считаю неизлишнимъ привести объясненіе проекта уложенія, въ которомъ выражена необходимость спеціальныхъ постановленій относительно покушенія и приготовленія къ поджогамъ какого бы то ни было рода.

Вотъ это объясненіе: «хотя въ общей части проэкта уложенія и постановлены общія правила о наказаніяхъ за покушеніе на преступленіе и приготовленіе къ оному, кажется, надлежало означить по возможности всѣ примѣненія оныхъ къ столь важному преступленію, каково есть зажигательство, указавъ различныя въ семъ случаѣ степени приготовленія и покушенія.»

Обратимся къ болѣе подробному изученію данныхъ, касающихся другаго положенія г. Таганцева.

Вотъ группировка статей уложенія о зажигательствѣ:

Весь отдѣлъ *о зажигательствѣ* помѣщенъ въ главѣ «объ истребленіи и поврежденіи *чужаго* имущества.» Отдѣлъ заключаетъ въ себѣ статьи 1606—1615. Статьи 1606—1609 имѣютъ въ виду поджогъ зданій и рудниковъ при различныхъ условіяхъ пред-

ставляемой имъ опасности личной и имущественной, 1610 и 1611 опредѣляютъ спеціальныя правила для назначенія наказаній за покушеніе и приготовленіе къ поджогу; 1612 ст. говоритъ о поджогѣ имущества застрахованнаго самимъ собственникомъ и 1613—1615 о поджогѣ *чужихъ*—хлѣба на корню, лѣса и всякаго другаго имущества.

Статью 1612, какъ давшую поводъ къ совершенно противоположнымъ выводамъ, приводимъ съ буквальной точностью:

«За поджогъ какого либо самому зажигателю принадлежащаго имущества, обезпеченнаго въ страховомъ отъ огня обществѣ, буде сіе имъ сдѣлано единственно въ намѣреніи получить отъ того денежную прибыль, виновный подвергается наказанію по 2 степ. 20 ст. улож.»

«Когда же такимъ образомъ подожжено строеніе, въ которомъ находились люди, или когда пожаръ сообщился чужимъ строеніямъ, или наконецъ когда подожженое находилось по близости другихъ строеній, то виновный въ томъ приговаривается къ наказанію по правиламъ выше сего въ ст. 1606—1609 объ умышленномъ поджогѣ строеній обитаемыхъ и необитаемыхъ постановленнымъ». Приведенная статья уже была анализирована г. Лохвицкимъ въ его курсѣ уголовнаго права (106 стр.). Вотъ какъ разсуждаетъ г. Лохвицкій:

«Уложеніе подвергаетъ наказанію, именно ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе (1612 ст.), за сожженіе собственнаго имущества, когда при этомъ не было опасности для жизни и имущества другихъ лицъ, если это имущество было застраховано. Это собственно не поджогъ, а мошенничество высшей мѣры, цѣль этого дѣйствія получить страховую премію (вознагражденіе?!), превышающую цѣнность имущества, т.-е. ограбить страховое общество. Хотя въ первой части 1612 ст. говорится о поджогѣ собственнаго имущества застрахованнаго, но ясно (?), что вторая часть относится и не къ застрахованнымъ имуществамъ Редакція ея неудачная. Что значитъ «*когда же такимъ образомъ*»? Какимъ это образомъ? Въ первой части говорится не объ образѣ или способѣ поджога, а о принадлежности подожженаго имущества (и о цѣли). Но эта неясность выраженія не можетъ служить препятствіемъ къ подведенію поджога собственнаго незастрахованнаго имущества подъ вторую часть 1612 ст., если онъ произведенъ съ исчисленными обстоятельствами. Этому не можетъ быть препятствіемъ и титулъ главы, въ которой изло-

женъ поджогъ въ уложеніи «объ истребленіи и поврежденіи *чужаго* имущества,» потому что, какъ мы видѣли, поджогъ своего имущества, находящагося вблизи другихъ строеній, составляетъ средство (?) для истребленія этихъ послѣднихъ, и когда въ немъ находятся люди, то опасность для ихъ жизни,—и, наконецъ, заголовокъ *не всегда* исчерпываетъ содержаніе.»

Не трудно убѣдиться, что г. Лохвицкій въ подтвержденіе своего положенія не представляетъ никакихъ серьозныхъ соображеній. Для него заголовокъ не имѣетъ никакого обязательнаго значенія, ибо онъ *не всегда* исчерпываетъ содержаніе, для него тѣ или другія слова, слѣдствіе неудачной редакціи, слѣдовательно не имѣютъ никакого смысла. Все, что мѣшаетъ его собственному предположенію, г. Лохвицкій не опровергаетъ, а просто выбрасываетъ за бортъ, какъ помѣху. По его мнѣнію поджогъ собственнаго незастрахованнаго имущества *уже потому* предусматривается второй частью 1612, что составляетъ средство для истребленія чужихъ строеній и опасность для жизни другихъ лицъ. Послѣднее соображеніе представляется уже совершенно непонятнымъ. Я коснусь его впослѣдствіи.

Г. Таганцевъ выражаетъ свое полное согласеніе съ выводами г. Лохвицкаго. Онъ также считаетъ начальныя выраженія второй части 1612 ст. *фіоритурой закона, ненужнымъ его украшеніемъ*, слѣдовательно такими выраженіями, которыя можно отбросить безъ всякаго измѣненія значенія и смысла статьи. Г. Таганцевъ идетъ далѣе, по его словамъ наша судебная практика держится того же пути, какъ и логика г. Лохвицкаго, т. е. примѣняетъ вторую часть 1612 ст. ко всѣмъ случаямъ поджога своего незастрахованнаго имущества самимъ собственникомъ. Желательно было бы хотя какой либо цитаты въ этомъ смыслѣ. Я, покрайней мѣрѣ, не знаю примѣровъ такихъ судебныхъ рѣшеній.

Вотъ съ этимъ то положеніемъ, которое отстаиваютъ оба искренно уважаемые нами криминалисты, и нельзя согласиться.

Прежде чѣмъ перейдемъ къ даннымъ, которыя мы считаемъ подтверждающими совершенно противоположный взглядъ на объемъ 1612 ст., остановимся на самомъ пріемѣ исключенія фіоритуръ и выраженій, неудачно редактированныхъ.

Пріемъ исключеній при interpetatio legio составляетъ собою самое удобное средство для подкрѣпленія желаннаго вывода, каковъ

бы онъ ни былъ, но такого рода пріемъ соединенъ съ многими далеко нежелательными неудобствами. Каждая буква закона, который не можетъ нуждаться ни въ какихъ литературныхъ украшеніяхъ, должна быть для юриста святыней. Наличность этой буквы въ каждомъ данномъ случаѣ должна представляться неизбѣжной необходимостью, поэтому признаніе ея *излишней*, подлежащей исключенію, какъ безполезность, должно быть допускаемо съ крайней, самой щепетильной осторожностью и опираться на безусловно прочныя основанія. Все это конечно я разумѣю тогда, когда идетъ вопросъ о практическомъ примѣненіи закона, какъ въ данномъ случаѣ, а не о критической его разработкѣ въ цѣляхъ кодификаціонныхъ. Поэтому то мы съ особеннымъ уваженіемъ должны отнестись къ кассаціонной практикѣ нашего сената: онъ ни разу не прибѣгалъ къ такому пріему, столь опасному въ видахъ самаго широкаго судебнаго произвола.

Самое допущеніе *фіоритуръ и излишнихъ украшеній* въ уложеніи имѣетъ свою особенную цѣль и свое особенное значеніе. Всѣ они стремятся или установить зависимость, тѣсную логическую связь между отдѣльными положеніями или ограничить предѣлы примѣненія даннаго закона. Возьмемъ фіоритуры отдѣла о зажигательствѣ. Весь отдѣлъ говоритъ о поджогѣ *чужаго* имущества, и ст. 1613 и 1614 считаютъ нелишнимъ говорить о поджогѣ *чужаго* лѣса, *чужаго* хлѣба; весь отдѣлъ имѣетъ въ виду поджогъ не иначе какъ *умышленный*, но каждая статья повторяетъ въ себѣ это условіе, за исключеніемъ 1608, гдѣ просто говорится о поджогѣ рудниковъ, хотя нѣтъ сомнѣнія, что и тутъ поджогъ долженъ быть не иначе, какъ умышленный. Всѣ эти слова *чужой, умышленный*, пожалуй могутъ быть сочтены лишними, но необходимо согласиться, что они устраняютъ уже всякую возможность распространить предѣлы въ примѣненіи тѣхъ статей на поджогъ напр. *своего* имущества, или на поджогъ неосторожный. Такое же значеніе имѣютъ слова *изъ злобы и мщенія* въ ст. 1615. Начальныя выраженія второй половины 1612 ст. по нашему мнѣнію, представляются необходимымъ звѣномъ, соединяющимъ обѣ части статьи, указывающимъ на не избѣжную наличность всѣхъ условій, указываемыхъ обѣими частями, въ ихъ полной совокупности—и опять таки эти слова служатъ къ съуженію рамокъ статьи, къ ограниченію ея примѣненія.

Встрѣтившись въ сводѣ съ оригинальнымъ видомъ преступленія—поджогомъ въ цѣляхъ мошенничества, редакторы остановились надъ неопредѣленностью наказанія, какъ мошенника, что предоставляло суду слишкомъ широкій произволъ и надъ особыми обстоятельствами, которыя могутъ сопровождать такого рода поджогъ, обстоятельствами, при которыхъ столкновеніе интересовъ обманщика и обманутаго можетъ уже перейти въ опасность личную и имущественную для цѣлаго общества. И вотъ *первая* часть 1612 ст. опредѣляетъ наказаніе за поджогъ своего застрахованнаго имущества съ цѣлью обмана, гдѣ страдаютъ только матеріальные интересы страховаго общества; *вторая* часть, разсматривая тотъ же случай, т. е. поджогъ своего застрахованнаго имущества, указываетъ всѣ болѣе или менѣе вредныя послѣдствія *сего особеннаго рода преступленій.*

Отсюда ясно, что редакторы уложенія во второй части желали опредѣлить лишь особыя обстоятельства, могущія встрѣтиться только при поджогѣ своего застрахованнаго имущества, а не просто *своего* имущества, хотя бы незастрахованнаго. Такимъ образомъ положеніе г.г. Лохвицкаго и Таганцева является совершенно выходящимъ за предѣлы, отмежеванные для себя самими редакторами уложенія.

Всякаго рода фіоритуры, употребленныя съ такими съужающими, ограничительными цѣлями, нужно согласиться, не требуютъ настоятельнаго исключенія изъ текста закона и во всякомъ случаѣ пригодны скорѣе принести извѣстную долю пользы чѣмъ вреда.

Обратимся къ анализу самой статьи.

1. Недавно обнародованный проэктъ уложенія, даетъ возможность, прежде не всѣмъ доступную, познакомиться съ тѣми соображеніями, которыми руководствовались сами редакторы уложенія при составленіи той или другой статьи. Особыя соображенія сопровождали и статью 1612. Вотъ объясненіе проэкта:

«За поджогъ собственнаго имущества, обезпеченнаго въ страховомъ отъ огня обществѣ, виновный на основ. 713 с. з. у., наказывался какъ обманщикъ. *Избѣгая сего неопредѣленнаго выраженія*, мы старались съ точностію опредѣлить мѣру слѣдующаго наказанія, *не теряя при семъ изъ вида болѣе или менѣе вредныхъ послѣдствій сего особеннаго рода преступленія*». (къ 2050 ст.).

Такимъ образомъ происхожденіе статьи 1612 и цѣли, которыми задались редакторы при ея составленіи, представляются совершенно ясными и опредѣленными въ своихъ границахъ съ положительною точностью.

2. Весь отдѣлъ *о зажигательствѣ* помѣщенъ въ главѣ уложенія «объ истребленіи *чужаго* имущества». Замѣчаніе г. Лохвицкаго, что заголовокъ не всегда исчерпываетъ содержаніе, безспорно вѣрное въ иныхъ случаяхъ, въ данномъ рѣшительно не оправдывается. Всѣ статьи (1606—1615) говорятъ объ имуществѣ только *чужомъ*. Исключеніе составляетъ повидимому только 1612 ст. но только *повидимому*; она говоритъ, правда, о поджогѣ *своего* имущества, но не нужно забывать имущества *застрахованнаго*, которое въ данномъ случаѣ, при наличности неизбѣжнаго условія всякаго договора страхованія—охранять цѣлость застрахованнаго — представляется *какъ бы* (*quasi*) *чужимъ*. Отсюда слѣдуетъ предположить, что вторая часть 1612 ст. должна имѣть въ виду если и *свое* имущество, то *только застрахованное*, слѣдовательно какъ бы *чужое*.

3. «*Когда-же такимъ образомъ*» начальныя выраженія второй части 1612 ст.,—редакція ихъ могла быть удачнѣе — это правда,—намъ кажутся совершенно необходимыми для самаго смысла статьи. Эти слова служатъ мостомъ, по которому поджогъ, какъ мошенничество, переходитъ въ поджогъ, какъ преступленіе совершенно самостоятельное, въ которомъ *умыселъ*, главная черта, *а корыстность* цѣли теряетъ всякое практическое значеніе.

Эти выраженія грамматически указываютъ тѣсную, неразрывную и полную логическую связь между обѣими частями статьи. Поджогъ при особо отягчающихъ обстоятельствахъ, доказываемыхъ второй частью, только тогда захватывается этой статьей, когда въ немъ представляется наличность всѣхъ условій, опредѣляемыхъ первой частью и притомъ въ полной ихъ совокупности: поджогъ долженъ быть во 1-хъ, умышленный, во 2-хъ, произведенъ самимъ собственникомъ, въ 3-хъ, относиться къ *своему* имуществу, въ 4-хъ, которое должно быть застраховано и въ 5-хъ, съ цѣлью получить посредствомъ обмана страховое вознагражденіе. Исключите хотя одинъ признакъ и статья 1612 цѣликомъ ускользнетъ изъ вашихъ рукъ и вы будете принуждены обратиться къ другимъ статьямъ главы.

4. Допустимъ предположеніе г. Лохвицкаго о полной неудачности редакціи этихъ выраженій, г. Таганцева о ихъ фіоритурности и выбросимъ ихъ за бортъ—тогда вторая часть 1612 ст. получа полную независимость отъ первой, становится совершенно самостоятельною статьей и предусматриваетъ преступленіе совершенно особое. Это будетъ поджогъ собственникомъ своего строенія (застрахованнаго или нѣтъ—не имѣетъ никакого значенія), когда въ немъ были люди или когда оно вблизи чужихъ строеній. Остановимся на значеніи такого рода статьи. Въ виду допущеннаго предположенія *поджогъ* можетъ имѣть предметомъ во 1-хъ имущество *чужое* и во 2-хъ *свое* и статьи должны распасться на двѣ особыя группы. Но *свое* имущество можетъ находится въ особыхъ условіяхъ—напр. *оно застраховано* и должно потребовать спеціальной статьи, которой должно быть назначено *соотвѣтственное* мѣсто. Мѣсто это можетъ быть или между двумя отдѣлами, или послѣ отдѣла втораго, или наконецъ, когда поджогъ *своего* имущества будетъ предусмотрѣнъ только одною статьей составить ея прибавочную часть, какъ и поступаетъ уложеніе въ систематизированіи по другимъ отдѣламъ статей. Какова же будетъ система уложенія, если допустить предположеніе г. Лохвицкаго: для поджога *чужаго* имущества, отведенъ цѣлый рядъ особыхъ статей, для поджога *своего*, но застрахованнаго, тоже *особая* статья и вотъ въ уголкѣ этой статьи, затемненное фіоритурами и неудачной редакціей скрывается цѣлое постановленіе о преступленіи крайне своеобразномъ—поджогѣ *просто своего* имущества, въ уголкѣ статьи, предусматривающей поджогъ изъ цѣлей корыстныхъ, мошенническихъ, которыхъ уже нельзя предположить въ числѣ побужденій къ истребленію своего имущества. Итакъ уже самая система уложенія, насколько бы она не имѣла недостатковъ, не позволяетъ допустить предположенія о всякомъ другомъ значеніи и цѣли 1612 ст. кромѣ указываемой нами.

Наконецъ и 5) Поджогъ *своего* имущества, какъ самостоятельное преступленіе представляется явленіемъ немыслимымъ. На это есть указаніе и въ курсѣ г. Лохвицкаго. Права полной собственности широки. Собственникъ имѣетъ надъ своей собственностью право жизни и смерти.

а) Поджогъ такой собственности можетъ быть *совершенно безцѣльный*—продуктъ больной воли, дѣйствіе безумія и сумасше-

ствія, предметъ психіатріи и задача дома сумашедшихъ. До такихъ дѣйствій нѣтъ дѣла суду.

b) Поджогъ можетъ быть *по неосторожности*—судъ будетъ имѣть дѣло только съ этой неосторожностью.

c) Поджогъ (сожженіе) можетъ быть слѣдствіемъ разсчета. Такъ устраиваютъ въ своихъ лѣсахъ *палы* для подготовки земли къ посѣву; сжигаютъ свой *покосъ* и даже свой *посѣвъ* для усиленія будущихъ урожаевъ. Дѣйствія сами по себѣ ненаказуемы и 1077, 1613 и 1617 статей не примѣнитъ къ нимъ самый незастѣнчивый изъ прокуроровъ.

d) Поджогъ можетъ быть слѣдствіемъ широкаго самодурства—такъ въ однихъ мемуарахъ разсказанъ случай сожженія до тла цѣлой усадьбы, сдѣлавшейся для помѣщика предметомъ слишкомъ скорбныхъ воспоминаній. Опять полная безнаказанномъ.

e) При всѣхъ этихъ случаяхъ *могутъ* быть нарушены правила, установленныя въ видахъ общественной безопасности. Виновный отвѣчаетъ *только* за *нарушеніе этихъ правилъ*.

f) Наконецъ *поджогъ* своего строенія можетъ быть употребленъ какъ *средство* для совершенія другихъ преступленій—истребленія *чужаго* имущества, смертоубійства. Въ этихъ случаяхъ поджогъ своего имущества останется только болѣе или менѣе удачнымъ *средствомъ* къ совершенію другаго преступленія и можетъ или остановиться только въ предѣлахъ покушенія на него или перейти во вполнѣ законченное дѣяніе. Собственный домъ сгорѣлъ, а изъ чужаго дома, составлявшаго цѣль поджога, напр. вслѣдствіе сильнаго вѣтра въ другую сторону, даже не вытаскивались—это будетъ составлять покушеніе на поджогъ чужаго имущества, не болѣе. О поджогѣ *своего* имущества при этихъ, такъ сказать, *побочныхъ* условіяхъ, мнѣ кажется нѣтъ надобности и говорить въ особыхъ спеціальныхъ статьяхъ. Статей прямо сюда относящихся, найдется въ уложеніи совершенно достаточно.

Изъ всего изложеннаго я дѣлаю выводъ, выводъ совершенно противоположный мнѣніямъ гг. Лохвицкаго и Таганцева.

1612 статья въ обѣихъ своихъ частяхъ предусматриваетъ только одинъ видъ преступленія: *поджогъ застрахованнаго имущества самихъ собственниковъ съ цѣлью обмана для полученія болѣе выгоднаго страховаго вознагражденія.*

Всякое примѣненіе 1612 ст. къ поджогу *своего незастрахованнаго имущества будетъ* выходить далеко за возможныя грани самой статьи и можетъ оставить широкое поле для судебнаго произвола, столь опаснаго и столь нежелательнаго.

В. И. Веселовскій

Членъ Московскаго Окружнаго Суда.

Москва.
22 Марта 1872 г.

II

ТАКЪ-ЛИ ЭТО?

VI

Освидѣтельствованіе безумныхъ и сумасшедшихъ производится въ окружномъ судѣ для опредѣленія—можетъ ли имѣть дальнѣйшій ходъ дѣла объ уголовной отвѣтственности подсудимаго (коммент. подъ 355 ст. уст. уг. суд. изд. госуд. канц.). Для разрѣшенія такого вопроса законъ установляетъ особый порядокъ, заключающійся въ томъ, что по соображеніи показанія лицъ объ образѣ дѣйствій и сужденій подсудимаго (353 ст.) врачи-эксперты, въ присутствіи суда, обязаны лично удостовѣриться въ умственныхъ способностяхъ свидѣтельствуемаго. Но вмѣстѣ съ тѣмъ законъ не указываетъ порядка разсмотрѣнія правильности приведеннаго выше освидѣтельствованія, напр., чрезъ представленіе его въ высшее медицинское учрежденіе. Очевидно, что въ установленіи подобной ревизіи не встрѣчается никакой надобности. Изъ занимаемаго 355 статьею мѣста въ 4-й главѣ уст. угол. суд., постановляющей правила объ изслѣдованіи событія преступленія, видно, что освидѣтельствованіе безумныхъ и сумашедшихъ относится къ актамъ предварительнаго слѣдствія, а какъ предварительное слѣдствіе имѣетъ цѣлью собраніе и изслѣдованіе данныхъ, необходимыхъ для суда (комм. подъ 275 ст. уст. уг. суд.)—то освидѣтельствованію подсудимаго слѣдуетъ придавать значеніе одной изъ такихъ данныхъ, добытыхъ слѣдствіемъ вообще. По общему же духу закона, всѣ данныя предварительнаго слѣдствія, представляя собою лишь собраніе матеріаловъ для полнаго обнаруженія на судѣ, провѣряются и дополняются въ судебномъ засѣданіи всѣми для того установленными способами. Изъ этого кореннаго правила не сдѣлано ни-

какого исключенія для провѣрки актовъ освидѣтельствованія подсудимаго, которое поэтому и должно провѣряться на общемъ основаніи на судебномъ слѣдствіи, куда, для полнаго возстановленія истины и для правильной оцѣнки произведеннаго освидѣтельствованія, стороны кромѣ того могутъ вызывать свидѣтелей и экспертовъ. Другой повѣрки быть не можетъ и не должно. Всякаго рода отзывъ по сему предмету медицинскаго совѣта, данный имъ, на основаніи 1332 ст. т. I. учр. мин. внутр. дѣлъ, будетъ только мнѣніемъ эксперта, а не учрежденія, контролирующаго произведенное врачами освидѣтельствованіе подсудимаго. Какъ таковое, оно можетъ имѣть значеніе, если потребовано будетъ до предварительнаго освидѣтельствованія или во время онаго. Истребовать же его можетъ окружный судъ по собственной иниціативѣ или вслѣдствіе заявленія о томъ производящихъ освидѣтельствованіе врачей. Въ этомъ нельзя отказать суду, потому что при освидѣтельствованіи онъ занимаетъ роль судебнаго слѣдователя (345 ст. уст. уг. суд.). Если же въ истребованіи мнѣнія медицинскаго совѣта встрѣчается надобность со стороны прокурорскаго надзора, то послѣдній, на общемъ основаніи, долженъ предложить о томъ окружному суду, а самъ отнестись въ медицинскій совѣтъ непосредственно едва-ли имѣетъ право, потому что, какъ сказано выше, освидѣтельствованіе относится къ актамъ предварительнаго слѣдствія, прокурорскій же надзоръ слѣдствія не производитъ, а только за нимъ наблюдаетъ. Итакъ, отсылка дѣла, на основаніи 1332 ст. I т. учр. мин. внут. дѣлъ, представляется излишнею для провѣрки произведеннаго на основ. 355 ст. освидѣтельствованія, и во всякомъ случаѣ могущаго послѣдовать по распоряженію суда, буде во мнѣніи медицинскаго совѣта встрѣтится надобность до или во время освидѣтельствованія.

VII.

Сынъ титулярнаго совѣтника П. за кражу, на основаніи 1656 ст. улож. о нак., присужденъ къ лишенію правъ состоянія и заключенію въ тюрьмѣ. Приговоръ этотъ, по необжалованію подсудимымъ, вошелъ въ законную силу, но предварительно обращенія онаго къ исполненію, во время соблюденія установленнаго 945 ст. уст. угол. суд. обряда, означенный П. совершилъ еще кражу, также простую, предусмотрѣнную 1656 ст. Очевидно, если послѣднюю кражу преслѣдовать по совокупности, то дѣло

о П. должно подлежать общимъ судебнымъ мѣстамъ, а если видѣть здѣсь признаки повторенія преступленій, то дѣло приметъ другой оборотъ. Упомянутая выше потеря правъ за первую кражу исключаетъ уже П. изъ числа лицъ привиллегированнаго сословія (рѣш. кас. деп. 1869 г. № 1047), а потому за вторую кражу онъ долженъ будетъ судиться не по 1656 ст. ул., а по 8 п. 170 ст. уст. о нак., какъ за повтореніе кражи. Такимъ образомъ отъ разрѣшенія сего вопроса зависитъ подсудность настоящаго дѣла. Опредѣленіе понятія о совокупности преступленій заключается въ 133 и 152 ст. ул. о нак. Новое преступленіе преслѣдуется по совокупности, коль скоро оно учинено до совершеннаго окончанія суда надъ первымъ. Для признанія совокупности, необходимо кромѣ того, чтобы наказаніе за одно преступленіе не было приведено въ исполненіе до времени осужденія за другое. По рѣшенію сената (рѣш. уг. касс. деп. 1870 г. № 1647), предѣлъ, послѣ котораго уже перестаетъ дѣйствіе правилъ о совокупности, есть окончаніе суда и начало отбыванія наказанія подсудимымъ. Поэтому рѣчь о повтореніи преступленій можетъ возникнуть не со времени окончанія суда, а съ того момента, когда наказаніе начнетъ свое дѣйствіе и когда обвиняемый отбудетъ если не все, то по крайней мѣрѣ часть онаго (рѣш. касс. деп. 1870 г. № 1647). По симъ основаніямъ и въ виду того, что приговоръ о подсудимомъ П. за первую кражу еще въ исполненіе не приведенъ и онъ слѣдовательно, не подвергнутъ еще наказанію, которое исключало бы его изъ числа лицъ привиллегированнаго сословія, дѣло по обвиненію П. во второй кражѣ слѣдуетъ направить, по 152 и 1656 ст. ул. о нак., въ окружный судъ съ присяжными.

VIII.

Отношеніямъ облагодѣтельствованнаго къ своему благодѣтелю законъ нашъ придаетъ особое увеличивающее вину значеніе въ нѣкоторыхъ преступленіяхъ, напр. предусмотрѣнныхъ 1451, 1455, 1544 и 1492 ст. ул. о нак., потому что совершая преступленіе, облагодѣтельствованное лицо оказываетъ неблагодарность и нарушаетъ нравственный долгъ къ своему благодѣтелю. Справедливо нѣкоторые замѣчаютъ (Курсъ Русск. Угол. Права. Лохвицкаго стр. 663), что означенныя отношенія должны также имѣть особое значеніе и въ преступленіяхъ кражи. Недавно въ судебной палатѣ былъ случай, гдѣ кража у своего благодѣтеля

подведена подъ дѣйствіе 1649 ст. улож. о нак. Законъ благопріятствуетъ такому толкованію. Хотя въ 1649 ст. и 7 п. 1659 ст. не сказано, кого именно слѣдуетъ разумѣть подъ лицами, проживающими у того, чье имущество украдено, но изъ краткаго перечня въ тѣхъ статьяхъ (слуга, работникъ, подмастерье), а также изъ содержанія 2089 ст. проекта, служащаго для правильнаго уразумѣнія существующихъ узаконеній, видно, что къ нимъ причисляются вообще всѣ лица, живущія по какимъ либо причинамъ въ домѣ или помѣщеніи обокраденнаго (стр. 698). Изъ смысла приведенной статьи, соотвѣтствующей 1649 ст. видно (рѣш. касс. деп. 1868 г. № 625), что она указываетъ на отношенія зависимости между обвиняемымъ и обокраденнымъ, все равно изъ чего бы зависимость эта не возникла. Зависимость между означенными лицами можетъ возникнуть отъ разнообразныхъ причинъ, въ силу которыхъ хозяинъ оказываетъ извѣстную степень довѣрія къ подсудимому. Къ одной изъ этихъ причинъ безъ сомнѣнія должно быть отнесено и «благодѣяніе», оказываемое какому нибудь лицу, чрезъ что сіе послѣднее дѣлается зависимымъ отъ своего благодѣтеля. А какъ зависимость предполагаетъ извѣстную степень довѣрія (рѣш. касс. деп. 1868 г. № 625), то нарушеніе этого довѣрія и должно возводить совершенную облагодѣтельствованнымъ лицомъ кражу у своего благодѣтеля на степень кражи квалифицированной.

IX.

Въ законоположеніяхъ нашихъ объ увѣчьяхъ, какъ самостоятельномъ преступленіи, говорится въ 1477, 1478, 1479 и 1480 ст. ул. о нак. Въ первой статьѣ подробно поименовываются разные виды «*тяжкихъ*» увѣчій, во второй и третьей упоминается объ увѣчьяхъ «*менѣе и не столь тяжкихъ*», наконецъ въ послѣдней «о болѣе или менѣе тяжкомъ увѣчьѣ». Что же касается названія «*легкихъ увѣчій*», то оное встрѣчается только въ примѣчаніи къ 1496 ст. ул. о нак., гдѣ сказано, что дѣла о легкихъ увѣчьяхъ начинаются не иначе какъ по жалобѣ потерпѣвшаго лица, но въ предшествующихъ сему примѣчанію статьяхъ, никакихъ указаній по сему предмету не встрѣчается. Это обстоятельство и подаетъ поводъ къ сомнѣнію о томъ, что разумѣть подъ легкими увѣчьями? До изданія Уложенія 1845 г. въ нашихъ уголовныхъ законахъ всѣ увѣчья безъ различія были подведены подъ правила о тяжкихъ ранахъ, впослѣдствіи же

было признано необходимымъ допустить въ постановленіяхъ объ увѣчьяхъ то же различіе, которое до сего времени принималось въ отношеніи къ ранамъ, тяжкимъ и легкимъ, и опредѣлить за увѣчья тяжкія, когда онѣ предумышленныя, одно наказаніе, а за менѣе тяжкія—наказаніе не слишкомъ строгое. Съ этихъ поръ введено въ уложеніе два вида увѣчій, тяжкія и менѣе тяжкія. Основаніемъ къ такому дѣленію послужила различная степень предумышленія, принятая при опредѣленіи наказаній за раны, а не относительная важность тяжести увѣчій. Увѣчья по прежнему остались тяжкими, но только съ небольшимъ оттѣнкомъ. Нѣкоторыя изъ нихъ стали называться «менѣе тяжкими», но все таки тяжкими. По этому нельзя думать, что законъ этимъ дѣленіемъ желалъ провести параллель между увѣчьями и ранами съ тѣмъ, чтобы тяжкія увѣчья соотвѣтствовали таковымъ же ранамъ, а менѣе тяжкія увѣчья—легкимъ ранамъ. Если бы имѣлся въ виду подобный взглядъ, то въ такомъ случаѣ менѣе тяжкія увѣчья обложены были бы такимъ же наказаніемъ, какъ и легкія раны, но изъ сопоставленія 1480 ст. съ 2 отд. 1483 ст. видно, что первыя наказываются несравнено строже, чѣмъ вторыя. Такъ за менѣе тяжкія увѣчья назначается наказаніе или по 5 степ. 35, или по 2 ст. 36, или по 2 ст. 38 ул. о нак., тогда какъ за легкія раны самая высшая отвѣтственность можетъ быть опредѣлена только по 3 ст. 38 статьи. И такъ особаго узаконенія о преслѣдованіи за легкія увѣчья не встрѣчается. Это впрочемъ въ улож. о нак. не единственный случай. Въ законѣ не упоминается также и о легкихъ побояхъ, но тѣмъ не менѣе ихъ нельзя приравнять къ побоямъ «менѣе тяжкимъ» (1533 ст. ул. о нак.). Сенатъ отождествляетъ ихъ съ оскорбленіемъ дѣйствіемъ (рѣш. касс. деп. 1868 г. №№ 403, 418, 725 и 1871 г. № 274). Слѣдуя этому правилу, и легкія увѣчья также должно относить къ наиболѣе сходному съ ними дѣянію, каковымъ представляются «легкія поврежденія», упоминаемыя во 2 отд. 1483 ст. улож. о нак. Взглядъ этотъ, насколько мнѣ извѣстно, раздѣляемый московскою судебною палатою, противоположенъ направленію, принятому казанскою судебною палатою по сему предмету.

X

Въ старой судебной практикѣ растрата церковнымъ старостою денегъ, принадлежащихъ церкви, признавалось свитотатствомъ

(сбор. рѣш. прав. сената т. II изд. 1866 г. № 1232 стр. 859). Подобнаго рода случай повторился на дняхъ въ практикѣ и новыхъ судовъ.

Противъ церковнаго старосты, сознавшагося въ растратѣ ввѣренныхъ ему на сохраненіе церковныхъ денегъ, возбуждено прокурорскимъ надзоромъ преслѣдованіе по обвиненію въ святотатствѣ. Основаніемъ къ сему послужило то обстоятельство, что въ нашихъ законахъ не говорится о растратѣ церковнаго имущества, которая поэтому и должна быть, на основ. 228 ст. улож. о наказ. приравниваема къ святотатству. Но съ этимъ согласиться нельзя. Опредѣляя святотатство, законъ (219 ст. улож. о нак.) для бытія сего преступленія требуетъ: 1) чтобъ оно было *похищеніе*, причемъ все равно къ какому бы роду его (1626 ст. ул. о нак.) оно не относилось; 2) чтобы похищенныя вещи или деньги принадлежали церкви и 3) чтобы похищеніе совершено было въ церкви, часовнѣ или церковномъ хранилищѣ. Только при взаимномъ дѣйствіи всѣхъ этихъ условій, получается понятіе о святотатствѣ. Гдѣ нѣтъ одного изъ нихъ, тамъ не можетъ быть и рѣчи о святотатствѣ—на томъ главномъ соображеніи, что святотатство по своимъ особенностямъ, не составляетъ общаго преступленія, а всякаго рода особенности и исключенія въ уголовномъ правѣ, не подлежа распространительному толкованію, должны оставаться въ точно-опредѣленныхъ имъ закономъ предѣлахъ. Припомнивъ такимъ образомъ значеніе святотатства, перейдемъ ближе къ разсматриваемому вопросу. Присвоивая въ свою пользу церковныя деньги, очевидно, что староста совершаетъ дѣяніе, подходящее подъ послѣднія два условія святотатства, но чтобы судить, имѣетъ ли оное вмѣстѣ съ тѣмъ и характеръ похищенія (1626 ст. ул. о нак.), т.-е. первое условіе, нужно обратиться къ разсмотрѣнію учрежденія церковныхъ старостъ вообще. Церковные старосты установлены по указу Петра Великаго 28-го февраля 1721 года и первоначально обязанность ихъ состояла только *въ единой продажѣ свѣчъ* (полн. собр. зак. т. V № 3175 стр. 548). Но впослѣдствіи обязанность эта распространена синодомъ и, по опредѣленіямъ его 1723 и 1747 годовъ присвоено имъ между прочимъ участіе въ храненіи церковной суммы (полн. собр. зак. т. VII № 4277). Наконецъ, по Высочайшему указу въ 1806 году, храненіе церковныхъ денегъ сдѣлалось однимъ изъ главныхъ предметовъ ихъ должности (полн. собр. зак. т. XXX № 22971 стр. 185). Въ

1808 году вышла Высочайше утвержденная, и понынѣ дѣйствующая, инструкція церковнымъ старостамъ (тотъ же томъ стр. 188). Просматривая эту инструкцію, видно, что церковный староста есть повѣренный прихожанъ церкви, избранный изъ числа ихъ (указъ синода 1736 г. № 6994), достойный человѣкъ, для охраненія и употребленія церковныхъ денегъ и для храненія всякаго церковнаго имущества. Поэтому онъ обязанъ собирать отъ доброхотныхъ дателей деньги, продавать свѣчи, принимать приношенія, смотрѣть за сохранностью церковной суммы, которая должна находиться за его ключемъ, пещись о цѣнности церковнаго имущества и вносить въ особую опись требуемыя вещи, вести особую отчетность и книги. Кромѣ того на старосту возлагается покупка нужныхъ для церкви вещей, подряды, починки и постройки; присмотръ за домами и лѣсомъ, гдѣ таковыя имѣются. Надо замѣтить (п. 19), что священно-церковные служители ни въ какія распоряженія старосты не вступаются, а обязаны только въ случаѣ отступленія имъ отъ предписанныхъ въ инструкціи правилъ, доносить о томъ своему духовному начальству. Такимъ образомъ, судя по возложеннымъ на старосту обязанностямъ, законъ представляетъ его человѣкомъ, имѣющимъ на рукахъ своихъ ввѣренное ему прихожанами церковное имущество для храненія и извѣстнаго употребленія. Эта обязанность охранять имущество, какъ можно заключить изъ 2 п. инструкціи, вытекаетъ не только изъ существующихъ между церковью и церковнымъ старостою отношеній, свойственныхъ всѣмъ вообще служащимъ при церквахъ лицамъ, но основывается главнымъ образомъ на особомъ назначеніи старосты въ сію должность по выбору и приговору, подписанному прихожанами и утвержденному епархіальнымъ архіереемъ. Я думаю, что сказаннаго достаточно для разрѣшенія поставленнаго выше вопроса въ томъ смыслѣ, что въ присвоеніи старостою денегъ не заключается похищенія,—этого необходимаго элемента при святотатствѣ. Въ его дѣяніи скорѣе можно усмотрѣть нарушеніе довѣрія, оказаннаго ему прихожанами и духовнымъ начальствомъ, т.-е. признакъ свойственный преступленію растраты. Онъ не похищаетъ церковной суммы, а присвоиваетъ или растрачиваетъ оную, пользуясь нахожденіемъ ея подъ своимъ наблюденіемъ и охраною. Такое дѣяніе представляется менѣе важнымъ въ нравственномъ отношеніи, чѣмъ похищеніе: здѣсь виновный не обнаруживаетъ въ своихъ дѣйствіяхъ нападенія на чужую собственность, ибо онъ

введенъ въ искушеніе тѣми лицами, которыя быть можетъ слишкомъ уже довѣрились ему. Вотъ почему за присвоеніе церковныхъ денегъ староста долженъ преслѣдоваться какъ за растрату. Этому нисколько не противорѣчитъ и 228 ст. улож., приводимая обыкновенно въ опроверженіе сего взгляда. Въ ней хотя говорится о святотатствѣ, учиненномъ тѣмъ лицомъ, коему поручено храненіе похищенныхъ церковныхъ предметовъ, вещей или денегъ,—но изъ этого еще нельзя заключить, чтобы законъ разумѣлъ здѣсь растрату и преслѣдовалъ ее какъ святотатство. Разсмотрѣніе источниковъ, на коихъ основана приведенная статья показываетъ, что она не предусматриваетъ какого-либо самостоятельнаго преступленія, а изображаетъ лишь общее правило, по которому виновные во всякомъ похищеніи, а слѣдовательно и въ святотатствѣ подвергаются наказаніямъ болѣе строгимъ, когда оное учинено тѣми лицами, коимъ ввѣрено храненіе похищенныхъ предметовъ (249 ст. проэктъ улож. о наказ. изд. 1871 г. стр. 79). Итакъ подъ дѣйствіе 228 ст. нельзя подводить растрату. Это было бы соединено съ нарушеніемъ юридическаго опредѣленія святотатства и растраты. Отождествлять эти два различныя по свойству своему преступленія изъ того только, что въ отдѣлѣ о святотатствѣ не говорится о растратѣ, — не представляется правильнымъ. Если держаться этаго взгляда, тогда придется преслѣдовать за святотатство всякаго рода утрату старостою денегъ по нерадѣнію въ охраненіи или вслѣдствіе потери ихъ, ибо сего обстоятельства также не предусмотрѣно въ законахъ о святотатствѣ. Но допустить этого нельзя. Опорою высказываемаго мнѣнія служитъ отчасти интересное въ юридическомъ отношеніи Высочайше утвержденное въ 1811 году, положеніе святѣйшаго синода о «*непризнаваніи*» святотатствомъ растраты суммъ, собранныхъ на поддержаніе монастырей и продовольствіе монаховъ трапезою и одѣяніемъ (полн. собр. зак. т. XXXI стр. 819). Очевидно, что этотъ случай законодателемъ не признанъ святотатствомъ, за отсутствіемъ въ немъ признаковъ похищенія, а посему нѣтъ основанія признавать таковымъ и растрату, учиненную церковнымъ старостою. Переходимъ теперь къ разсмотрѣнію процессуальнаго вопроса. Если на основаніи изложеннаго церковный староста будетъ обвиняться въ растратѣ, то какимъ порядкомъ должно быть возбуждено о немъ преслѣдованіе, общимъ или особымъ, для должностныхъ лицъ установленнымъ? Преступленія должности преслѣдуются въ особомъ

порядкѣ потому, что въ дѣйствіяхъ виновныхъ усматривается нарушеніе особыхъ служебныхъ обязанностей и употребленіе во зло того довѣрія, которымъ всякое лицо, состоящее на службѣ, пользуется по своему положенію. Посему разрѣшеніе означеннаго вопроса главнымъ образомъ зависитъ отъ того — составляетъ ли противозаконное дѣйствіе старосты преступленіе должности, т.-е. нарушеніе имъ обязанностей службы (рѣш. касс. деп. 1866 г. № 87 и 1869 г. № 982). Мы уже видѣли, что церковный староста находится на службѣ по выбору прихожанъ и приговору, ими подписанному и утвержденному епархіальнымъ архіереемъ. Чтобы привлечь (докладъ синода) на эту должность людей, заслуживающихъ довѣрія и чтобы оная имѣла желаемый успѣхъ, святѣйшій синодъ исходатайствовалъ Высочайшее повелѣніе, о дарованіи избраннымъ въ церковные старосты лицамъ нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ, присвоенныхъ вообще службѣ по выборамъ (полн. собр. зак. т. XXX стр. 186—188. Св. зак. т. IV ст. 270 и 15, т. I учр. орден. ст. 822, 852, 853 и 861). Изъ всѣхъ этихъ преимуществъ въ юридическомъ отношеніи важно то, что церковные старосты, во все время отправленія своихъ обязанностей, не могли быть избираемы въ другія какія-либо должности (полн. собр. зак. т. XXX № 23080 стр. 307 п. 6). Значитъ, что старосты, находясь при церкви для храненія ея имущества, состоятъ на службѣ. Впослѣдствіи имъ даже присвоенъ классный мундиръ духовнаго вѣдомства (сборн. узак. 1869 г. № 104—755). Должность старосты, по своему значенію и цѣли, есть должность облеченная особымъ довѣріемъ. Растративъ церковныя деньги, староста оказывается тѣмъ самымъ виновнымъ не только въ нарушеніи вообще правъ собственности церкви, но и въ употребленіи во зло довѣрія, оказаннаго ему со стороны прихожанъ и духовнаго начальства, въ чемъ, разумѣется, нельзя не видѣть нарушенія старостою обязанностей его службы, Что же касается вопроса, кѣмъ долженъ быть преданъ суду церковный староста, то разрѣшеніе его не представляетъ затрудненія. Должностныя лица за преступленія предаются суду начальствомъ, отъ котораго зависитъ утвержденіе ихъ въ должности. Имѣя въ виду (2 и 19 п. инстр.), что церковные старосты утверждаются въ должности епархіальнымъ архіереемъ, слѣдуетъ признать, что сему послѣднему и принадлежитъ иниціатива въ преслѣдованіи старостъ за преступленія.

Окончивъ свою замѣтку, я не могу умолчать о кассаціонномъ рѣшеніи по дѣлу Медиканова (сбор. уг. рѣш. 1869 г. за № 528), въ которомъ сказано, что въ 228 ст. ул. о нак. подразумѣвается не общая обязанность всѣхъ служащихъ при церкви, напр. обязанность сторожа, а особая спеціальная обязанность въ сохраненіи церковнаго имущества. Сенатъ какъ бы хотѣлъ сказать, что приведенный законъ относится къ церковному старостѣ и преслѣдуетъ растрату, ибо только при растратѣ можетъ быть рѣчь объ особой спеціальной обязанности въ сохраненіи имущества. Впрочемъ сенатъ не высказалъ этого прямо, ктому-же изъ рѣшенія его не видно, чтобъ онъ руководствовался инструкціею церковнымъ старостамъ, а также источниками, на коихъ основана 228 статья.

Д. П. Тихомировъ.

III.

ВЗЫСКАНІЯ ПО ВЕКСЕЛЯМЪ

и

Московскій Промышленный Съѣздъ.

Уже давно слышатся жалобы на неудовлетворительность нашего новаго порядка судопроизводства по отношенію къ вексельнымъ взысканіямъ: медленность, ничѣмъ неоправдываемыя проволочки, необезпеченность взыскателей и т. п., и вотъ наконецъ, на дняхъ (14 или 15 Іюня текущаго года), въ Московскомъ Промышленномъ Съѣздѣ обсуждались тѣ мѣры, которыя, по мнѣнію съѣзда, должны быть приняты для устраненія стѣснительности производства взысканій по векселямъ.

Резолюціею, принятою III отдѣленіемъ съѣзда, по выслушаніи доклада Н. А. Найденова, признано необходимымъ:

1) Чтобы въ мѣстностяхъ, гдѣ введены судебные уставы 20 Ноября 1864 г., взысканія по векселямъ производились по правиламъ, указаннымъ въ 649—654 ст. уст. торг. (Св. зак. т. XI ч. 2);

2) Чтобы всѣ вексельныя взысканія, безъ ограниченія суммы, были отнесены къ вѣдомству мѣстныхъ мировыхъ судей, причемъ, въ случаѣ предъявленія со стороны должниковъ означенныхъ въ 651 ст. уст. торг. возраженій, дѣла о томъ, смотря по суммѣ иска и роду возраженія, или разсматривались бы тѣми же мировыми судьями или же передавались бы ими въ мѣстные окружные суды (если только въ тѣхъ мѣстностяхъ не будутъ существовать коммерческіе суды);

3) Чтобы истцамъ, въ случаѣ неизвестности мѣста жительства должниковъ, было предоставлено право предъявлять векселя черезъ почту въ мѣстные мировые съѣзды, порядкомъ, указаннымъ въ 645 ст., для немедленной передачи тѣхъ векселей подлежащимъ мировымъ судьямъ;

4) Чтобы при такомъ предъявленіи не было требуемо подробнаго означенія мѣста жительства должника—части, квартала и дома, какъ указано въ 645 ст. уст. торг.;

5) Чтобы постановленныя мировыми судьями по предъявленнымъ вексельнымъ искамъ рѣшенія были передаваемы ими для исполненія немедленно, безъ особыхъ указанныхъ въ уст. гражд. судопр. просьбъ со стороны взыскателей, судебнымъ приставамъ или полиціи;

6) Чтобы о рѣшеніяхъ, а также о послѣдствіяхъ исполненія рѣшеній истцы были увѣдомляемы учрежденіями, постановившими или исполнившими рѣшенія, и

7) Чтобы все вышеизложенное было введено въ скорѣйшемъ времени, до составленія новыхъ правилъ о взысканіяхъ по вексельному порядку, и было принято во вниманіе при составленіи этихъ правилъ.

Мы не принадлежимъ ни къ безусловнымъ хвалителямъ новаго порядка судопроизводства, ни къ абсолютнымъ порицателямъ порядка, уже упраздненнаго и порицаемаго многими уже потому одному, что это *старый* порядокъ. Не можемъ однако не замѣтить, что изъ рекомендуемыхъ съѣздомъ мѣръ къ устраненію стѣснительности вексельныхъ взысканій ясно видно, что разрѣшеніе задачи оказалось не по силамъ промышленнаго съѣзда, повидимому неуяснившаго себѣ даже главныхъ основъ отправленія человѣческаго правосудія.

Тѣмъ не менѣе нельзя не сочувствовать основной мысли съѣзда и нельзя не согласиться съ нимъ, что нынѣ дѣйствующій порядокъ судопроизводства, при всей его сообразности съ требованіями правосудія, которое не мыслимо безъ соблюденія правила: audiatur et altera pars, оказывается сравнительно крайне тяжелымъ, неподвижнымъ, медленнымъ и въ иныхъ случаяхъ не вполнѣ обезпечивающимъ интересы взыскателей.

При прежнемъ полицейскомъ порядкѣ взысканія должникъ по векселю тотчасъ же по предъявленіи ему векселя, вслучаѣ неплатежа и непредставленія надежнаго поручительства, подвергался личному задержанію, движимое его имущество немедленно арестовывалось и подвергалось продажѣ, и все это совершалось въ чрезвычайно короткое время. Мы не станемъ утверждать, чтобы всегда и во всѣхъ случаяхъ все происходило такъ, какъ мы сейчасъ описали, но по крайней мѣрѣ таковъ былъ *законный* порядокъ.

Таковъ-ли порядокъ взысканій по уставамъ 20-го ноября? Отъ дня подачи исковаго прошенія до дня назначенія засѣданія, предполагая самыя благопріятныя условія, проходитъ по крайней мѣрѣ недѣля. Въ день доклада отвѣтчикъ не является и судъ постановляетъ заочное рѣшеніе, назначая день прочтенія этого рѣшенія на письмѣ, опять таки при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, чрезъ десять дней. Допуская даже, что отвѣтчикъ получитъ копію съ этого рѣшенія на четвертый день послѣ объявленія рѣшенія въ окончательной формѣ, оказывается, что съ момента предъявленія иска прошло уже двадцать дней, а между тѣмъ до окончанія дѣла все-таки еще далеко. Черезъ двѣ недѣли по полученіи копіи заочнаго рѣшенія должникъ подаетъ отзывъ. Новое засѣданіе назначается чрезъ недѣлю по полученіи отзыва. Постановляется новое рѣшеніе. День изложенія его въ окончательной формѣ опять-таки черезъ десять дней. Съ десятаго же дня мѣсячный срокъ для обжалованія рѣшенія. И благо еще, если должникъ не пожелаетъ тянуть дѣло далѣе!.. А между тѣмъ искъ не обезпеченъ и взыскатель вправѣ думать и ожидать, что въ теченіи процесса должникъ успѣетъ и продать все свое недвижимое и скрыть все движимое свое имущество, что нерѣдко и случается.

Правда уставы 20-го ноября даютъ возможность взыскателю обезпечить свой искъ, но судя по практикѣ напр. Московскаго окружнаго суда, онъ можетъ расчитывать на удовлетвореніе его просьбы по этому предмету только тогда, когда вексель былъ совершенъ явочнымъ порядкомъ или когда при протестѣ векселя должникъ заявитъ нотаріусу, что протестуемый вексель выданъ дѣйствительно имъ. Есть и другой способъ обезпеченія интересовъ взыскателя, хотя и менѣе удовлетворительный,—допущеніе предварительнаго исполненія рѣшеній; но опять-таки и этотъ способъ примѣняется не ко всѣмъ векселямъ. А между тѣмъ извѣстно, что въ торговомъ мірѣ нашемъ обращаются векселя преимущественно домашніе; векселя же явочные представляютъ только весьма рѣдкое исключеніе.

Читатель видитъ, что для сравненія того и другаго порядка взысканія нами взятъ самый простой случай. Но въ дѣйствительности нерѣдко встрѣчаются комбинаціи, значительно усложняющія процедуру взысканія (разные отводы, заявленія сомнѣнія въ подлинности акта, споръ о подлогѣ и т. п.), а вмѣстѣ съ тѣмъ замедляющія еще болѣе самое взысканіе.

Въ виду этого не могло быть почти сомнѣнія въ томъ, какому порядку отдадутъ предпочтеніе гг. промышленники, обсуждавшіе вопросъ о мѣрахъ къ устраненію медленности и стѣснительности вексельныхъ взысканій, и, повторяемъ, нельзя не согласиться съ ними, что новый порядокъ судопроизводства стѣснителенъ для взыскателей, такъ какъ онъ даетъ возможность недобросовѣстному должнику оттянуть взысканіе, при самыхъ благопріятныхъ для взыскателя условіяхъ, по крайней мѣрѣ на полгода, что̀ весьма естественно должно отражаться крайне невыгоднымъ образомъ на торговомъ оборотѣ.

Тоже самое можно сказать конечно и о гражданскомъ оборотѣ вообще. Стѣснительность взысканія по Судебнымъ Уставамъ по всякаго рода сдѣлкамъ уже замѣчена и въ оффиціальныхъ сферахъ, и коммиссіею, занимавшеюся составленіемъ устава объ ипотекѣ, предположены кое-какія мѣры къ ея устраненію.

Въ проектѣ этого устава *) между прочимъ постановлено слѣдующее правило: «Если при предъявленіи закладной ко взысканію будетъ доказано, что въ крѣпостной книгѣ не имѣется отмѣтки объ уплатѣ долга, а также, что срокъ платежа по закладной уже наступилъ, судъ, *не вызывая отвѣтчика*, постановляетъ опредѣленіе объ обращеніи взысканія по закладной на заложенное имущество и о выдачѣ исполнительнаго листа.» **) Итакъ, въ силу этого правила, рѣшеніе постановляется даже *безъ вызова* отвѣтчика, который (по дальнѣйшимъ правиламъ) только увѣдомляется о состоявшемся противъ него рѣшеніи и о выдачѣ исполнительнаго листа посылкою повѣстки или въ самое заложенное имѣніе или въ мѣсто его жительства, если оно извѣстно. Впрочемъ сила этого правила значительно ослабляется послѣдующимъ постановленіемъ, по которому «отвѣтчикъ противъ опре-

*) См. журн. гр. и торг. пр. 1872 г. кн. 2 стр. 268 и послѣд.

**) Намъ кажется страннымъ только, почему судъ долженъ постановлять опредѣленія о выдачѣ исполнительнаго листа. По нашему мнѣнію выдача исполнительнаго листа ясна сама собою и безъ особаго судебнаго о томъ опредѣленія, если только рѣшенія о взысканіяхъ по закладнымъ должны быть обращаемы по закону къ немедленному предварительному исполненію. Было бы желательно также, чтобы разныя коммиссіи въ своихъ работахъ сохраняли терминологію, уже принятую нашимъ законодательствомъ. По-судебнымъ уставамъ рѣшеніе суда по существу дѣла называется *рѣшеніемъ*, а не опредѣленіемъ.

дѣленія объ обращеніи взысканія на заложенное имѣніе можетъ подать отзывъ въ судъ, постановившій опредѣленіе, въ *мѣсячный срокъ*, или со времени полученія въ заложенномъ имѣніи повѣстки суда объ обращеніи взысканія, или же со времени предъявленія повѣстки судебнаго пристава, посылаемой на основаніи ст. 1095 уст. гр. суд.» — Мы рѣшительно недоумѣваемъ, для чего коммиссія сочла нужнымъ удлинять срокъ на подачу отзыва, опредѣленный уставами 20-го ноября? Ужъ если поддержка поземельнаго кредита несовмѣстна съ главнымъ правиломъ всякаго судопроизводства, по которому рѣшеніе дѣла немыслимо безъ вызова противной стороны, то тѣмъ менѣе можетъ она мириться съ проектированнымъ коммиссіею мѣсячнымъ срокомъ для отзыва. *)—Самое важное измѣненіе, по проекту коммиссіи, заключается, по нашему мнѣнію, въ значительномъ сокращеніи срока, даваемаго уставами должнику, при обращеніи взысканія на его недвижимое имѣніе, для пріисканія средствъ къ погашенію долга, по истеченіи котораго, какъ извѣстно, приступается къ описи и продажѣ имѣнія. Существующій въ насто-

---

*) Должно впрочемъ замѣтить, что проектированныя ипотечною коммиссіею правила во многихъ случаяхъ оказываются и неопредѣленными и несоотвѣтствующими преслѣдуемой ею цѣли. Такъ напр. по общимъ правиламъ уставовъ 20 ноября съ подачею отзыва дѣло возвращается въ прежнее, до рѣшенія, положеніе, и исполненіе рѣшенія, если только къ нему уже было приступлено, пріостанавливается. Судя по тому, что ипотечная коммиссія въ своемъ проектѣ не вводитъ въ этомъ отношеніи ничего новаго, мы должны заключить, что этотъ порядокъ сохраняется и для взысканій по закладнымъ. Если же такъ, то на дѣлѣ легко можетъ случиться, что недобросовѣстный должникъ, мѣсто жительства котораго неизвѣстно, зная очень хорошо, что въ судѣ уже состоялось рѣшеніе, станетъ выжидать повѣстки судебнаго пристава, а затѣмъ по полученіи ея въ мѣсячный срокъ подастъ отзывъ и т. д. Къ чему же, спрашивается, послужитъ тогда рѣшеніе суда, постановленное безъ вызова отвѣтчика? Очевидно, что оно не только не удовлетворитъ поземельнаго кредита, для котораго, по мнѣнію г. Маркова—автора статьи „Ипотечная система и законодательныя работы по введенію ея въ Россіи.“ (Журн. гр. и торг. пр. 1872 г. кн. 2),—необходимо возможно скорое взысканіе, но напротивъ взысканіе по закладнымъ при удлиненномъ срокѣ на подачу отзыва значительно замедлится. Если же проектъ подъ отзывомъ разумѣетъ что-либо другое, а не то, что разумѣютъ уставы 20-го ноября, и если съ нимъ проектъ не связываетъ тѣхъ послѣдствій, какія усвоены этими уставами, то объ этомъ должно было постановить какія-либо новыя правила.

ящее время двухмѣсячный срокъ предполагается замѣнить двухнедѣльнымъ.

Обращаясь къ обсужденію мѣръ, предположенныхъ съѣздомъ господъ промышленниковъ, мы считаемъ нужнымъ повторить, что находимъ ихъ не только несообразными съ сущностью правосудія вообще и съ принятою у насъ системой судопроизводства, но и находящимися въ нѣкоторомъ противорѣчіи другъ съ другомъ.

Однимъ изъ главныхъ началъ правильнаго судопроизводства признается, какъ извѣстно, устность, требующая личной явки сторонъ на судъ для словесныхъ объясненій и устраняющая въ большей или меньшей мѣрѣ письменность. Мы не будемъ входить въ разборъ того, почему именно этотъ порядокъ признается лучшимъ. Ограничимся только указаніемъ, что онъ принятъ въ большей части цивилизованныхъ странъ, населеніе которыхъ не только не находитъ въ немъ ничего неудобнаго и «стѣснительнаго,» но видитъ самую лучшую гарантію правильнаго суда. Для промышленнаго съѣзда эта истина, повидимому не существуетъ. Въ 3 и 6 п. п. своей резолюціи онъ желаетъ, чтобы истцамъ возможно было и неявляться въ судъ, а сноситься съ нимъ письменно черезъ почту. Мы приведемъ только одинъ случай, который, надѣемся, докажетъ гг. промышленникамъ, что неявка истцовъ будетъ для нихъ не всегда облегченіемъ. Положимъ, что должникъ по векселю предъявитъ суду въ свое оправданіе росписку или какіе-либо счеты, торговыя свои книги и т. п., изъ которыхъ будетъ явствовать, что долгъ по векселю или погашенъ или подлежитъ компенсаціи. Если, по мнѣнію съѣзда, необходимо предъявить эти доказательства истцу, то въ такомъ случаѣ взысканіе должно замедлиться гораздо болѣе, чѣмъ при личной явкѣ самаго истца, который могъ бы въ этомъ послѣднемъ случаѣ представить тотчасъ же и свои возраженія противъ нихъ. Если же, по мнѣнію съѣзда, предъявленіе истцу доказательствъ и возраженій отвѣтчика не необходимо, то тогда въ нерѣдкихъ случаяхъ суду прійдется отказывать въ искѣ.

Ревнуя объ устраненіи стѣснительности взысканій по векселямъ, съѣздъ понимаетъ ее только по отношенію къ истцамъ, забывая, что къ числу главныхъ основъ правильнаго суда принадлежитъ также равноправность сторонъ предъ судомъ, и въ то время какъ истцы, по резолюціямъ съѣзда, имѣютъ въ судьѣ чуть не своего адвоката, объ отвѣтчикахъ, за исключеніемъ

ссылки на 651 ст. (п. 2) совершенно умалчивается. Между тѣмъ современное законодательство наше признаетъ, что ограничивать возраженія и доказательства той или другой стороны какими нибудь опредѣленными видами нѣтъ никакого разумнаго основанія, и это вполнѣ сообразно съ природою вещей. «Эксцепцій, говоритъ Марецолль, *) можетъ быть столько, сколько вообще есть мыслимыхъ фактовъ, которые должны быть приняты во вниманіе прежде произнесенія приговора, дабы приговоръ этотъ не былъ противенъ естественной справедливости» и, прибавимъ отъ себя, положительному закону. «Доказательствомъ, говоритъ другой юристъ, можетъ служить всякій признакъ или совокупность всякихъ признаковъ событія, изъ коихъ судья посредствомъ логическаго вывода можетъ заключить о достовѣрности событія.» «Посему доказательства состоятъ не въ однихъ только внѣшнихъ или матеріальныхъ признакахъ событія (таковы напр. документы, свидѣтели и т. под.), но каждая сторона можетъ почерпать свои доказательства въ самыхъ показаніяхъ и отзывахъ другой стороны относительно спорныхъ событій или принадлежностей ихъ и признаковъ.» **) И дѣйствительно могутъ быть возраженія, совершенно неподходящія подъ категоріи возраженій, исчисленныхъ въ 651 ст., и однакожъ не менѣе вѣскія. Упомянемъ напр. хоть о случаѣ возраженія отвѣтчика, что онъ никого не уполномочивалъ на выдачу отъ его имени предъявленнаго ко взысканію векселя.

Не можемъ понять, для чего понадобилось измѣнять оцѣночную подсудность исковъ (п. 2.)? Еслибы было признано возможнымъ, какъ этого желаетъ промышленный съѣздъ, измѣнить порядокъ судопроизводства по вексельнымъ дѣламъ въ мировыхъ учрежденіяхъ, то почему бы нельзя было сдѣлать подобныя же измѣненія и въ судопроизводствѣ общихъ судебныхъ мѣстъ?

Впрочемъ пожелавъ во 2-мъ п. подчиненія всѣхъ вексельныхъ взысканій, *безъ ограниченія суммы*, мировымъ судамъ, промышленный съѣздъ въ томъ же самомъ пунктѣ желаетъ далѣе, чтобы вслучаѣ предъявленія со стороны должниковъ возраженій, означенныхъ въ 651 ст., дѣла, *смотря по суммѣ* иска и роду возраженій, или разсматривались тѣми же мировыми судьями или

---

*) Учебн. рим. гр. пр. стр. 123.

**) К. П. Побѣдоносцевъ. Суд. Рук. стр. 231. § 681.

передавались въ окружные и коммерческіе суды. Въ 651 ст. исчислены слѣдующія возраженія, пріостанавливающія полицейскій порядокъ взысканія: a) споръ о подлогѣ, b) платежное свидѣтельство присутственнаго мѣста и c) заявленіе о выдачѣ векселя такимъ лицемъ, которое по закону не имѣло права обязываться онымъ.

По общему правилу, которое можно вывести изъ процессуальныхъ нашихъ законовъ, судъ, которому предоставлена власть разрѣшить дѣло по существу, имѣетъ право разсмотрѣть и разрѣшить также и всѣ возраженія, предъявленныя сторонами при производствѣ дѣла. Исключеніе составляетъ только возраженія, имѣющія значеніе вопросовъ преюдиціальнаго свойства и между прочимъ, по отношенію къ мировымъ судамъ, споръ о подлогѣ: мировые суды не имѣютъ права разсматривать и рѣшать этого возраженія. Если существуютъ какія-либо особыя уважительныя причины, по которымъ мировымъ судамъ признано было невозможнымъ предоставить разрѣшеніе спора о подлогѣ, то мы рѣшительно не понимаемъ, почему бы имъ нельзя было предоставить власть разрѣшать всѣ другія возраженія, поименованныя въ 651 ст., хотя бы они относились къ векселямъ, которые по суммѣ своей выходятъ изъ предѣловъ компетенціи мировыхъ судей, въ то время когда вексельныя взысканія безъ ограниченія суммы подсудны имъ?—Вѣдь это значитъ для одного и того же дѣла создавать два суда! Представляется ко взысканію вексель въ 200 р. Я возражаю, что онъ выданъ лицемъ, неимѣвшимъ права обязываться векселями. Мировой судья разсматриваетъ возраженіе и разрѣшаетъ дѣло. Предъявляется ко взысканію вексель въ 2000 р. Я дѣлаю тоже возраженіе, и мировой судья долженъ иредставить дѣло въ окружный или коммерческій судъ, ибо хотя по роду своему это возраженіе можетъ быть имъ разсмотрѣно и по суммѣ вексель долженъ быть представленъ къ нему же для взысканія, но.... *по суммѣ иска* возраженіе не можетъ быть имъ обсуждено. Постановленіе очень странное!

Не менѣе странное постановленіе встрѣчаемъ мы въ 3 и 4 пп. резолюціи съѣзда. — Требуется, чтобы вслучаѣ неизвѣстности мѣста жительства должника, истцу дозволено было предъявлять вексель черезъ почту въ мѣстный (?) мировой съѣздъ, безъ подробнаго (?) обозначенія мѣста жительства должника, для немедленной передачи того векселя подлежащему (?) мировому судьѣ. Трудно даже понять это требованіе. Если мѣсто жительства

должника неизвѣстно, то какой же мировой съѣздъ долженъ считаться *мѣстнымъ?* Если мѣсто жительства должника неизвѣстно, то какой же затѣмъ мировой судья будетъ считаться *подлежащимъ?* Далѣе, если мѣсто жительства должника неизвѣстно, то какія же мѣры должны быль принимаемы съѣздомъ для его отысканія? Если примѣнять установленный судебными уставами порядокъ вызова черезъ публикаціи *), то очевидно о «немедленной передачѣ» не можетъ быть и рѣчи. А если должникъ и послѣ публикацій не явится, что же дѣлать тогда? Какимъ образомъ найти *подлежащаго* мироваго судью?—Далѣе, если мѣсто жительства должника неизвѣстно, то можетъ-ли быть рѣчь не только о *подробномъ*, но и вообще о какомъ бы то ни было означеніи его мѣста жительства?—Наконецъ, почему только при неизвѣстности мѣста жительства должника истцу должно быть предоставлено право предъявленія иска черезъ почту? Очевидно, что «умыселъ другой тутъ былъ», но по недостатку ли законодательныхъ пріемовъ, по невнимательности-ли, а можетъ быть и по непониманію вышло нѣчто не то, чего хотѣли. Мы полагаемъ, что промышленному съѣзду въ его стремленіи къ устраненію извѣстной уже намъ «стѣснительности», разумѣемой только по отношенію къ истцамъ, желательно было вообще освободить сихъ послѣднихъ отъ личной явки въ судъ, когда они сами живутъ въ округѣ другаго суда, болѣе или менѣе отдаленномъ отъ мѣстопребыванія ихъ должниковъ. Такого рода постановленіе по крайней мѣрѣ было бы понятно. По нынѣшнему же своему содержанію и въ особенности въ связи съ своеобразнымъ пониманіемъ съѣзда о неизвѣстности мѣстожительства оно является мало вразумительнымъ.

Такая путаница въ разобранныхъ нами постановленіяхъ промышленнаго съѣзда свидѣтельствуетъ, по нашему мнѣнію, съ одной стороны о крайне легкомысленномъ и небрежномъ отношеніи его къ той задачѣ, которая подлежала его разрѣшенію, а съ другой—о совершенномъ незнакомствѣ съ дѣломъ. Видно, что съѣздъ не усвоилъ себѣ той истины, что всякій вопросъ и всякая задача требуютъ для своего разрѣшенія участія лицъ ком-

*) Относительно примѣнимости этого порядка въ мировыхъ судахъ существуетъ еще споръ (см. Суд. Вѣст. за текущій годъ № 75, ст. А. Муравьева).

петентныхъ, истины, сознанной уже и правительственными учрежденіями, и предпочелъ довольствоваться, такъ сказать, домашними средствами и силами. Все это, конечно, значительно ослабляетъ авторитетность принимаемыхъ съѣздомъ рѣшеній, а съ другой стороны вредитъ и самому дѣлу. Вотъ почему мы имѣемъ основаніе желать, чтобы рекомендуемыя съѣздомъ мѣры не только не были введены въ скорѣйшемъ времени, но чтобы онѣ не были даже приняты во вниманіе при составленіи новыхъ правилъ вексельнаго взысканія, какъ того желаетъ съѣздъ.

По нашему мнѣнію, вмѣсто того чтобы создавать неудобомыслимые и по разобраннымъ нами причинамъ никуда негодные порядки, промышленный съѣздъ поступилъ бы гораздо лучше, посвятивъ свою дѣятельность указанію такихъ мѣръ, которыя ни въ чемъ не искажая основъ дѣйствующаго у насъ порядка судопроизводства, представляли бы только дальнѣйшее развитіе этихъ основъ. Что можно было бы легко достигнуть соглашенія дѣйствующаго порядка судопроизводства съ требованіями торговаго кредита, доказательствомъ служитъ практика Нижегородскаго окружнаго суда и мировыхъ судей г. Курска во время бывающихъ тамъ ярмарокъ. Для достиженія этой цѣли могло бы послужить распространеніе правилъ объ обезпеченіи иска и на всякаго рода векселя, и въ особенности распространеніе власти предсѣдателя суда, присвоенной ему 598 ст. Уст. Гражд. Судопр., на всякіе другіе случаи, кромѣ того, который указанъ въ этомъ законѣ. Для той же цѣли можно было бы ограничить право отвѣтчика на отзывъ противъ заочнаго рѣшенія, сократить положенные уставомъ сроки на обжалованіе рѣшеній и т. п. Наконецъ, можно бы даже сохранить въ силѣ правило о немедленномъ личномъ задержаніи отвѣтчика, если только эта мѣра можетъ быть признаваема какимъ-либо обезпеченіемъ взыскателя.

С. М.

IV

КОМУ ПРИНАДЛЕЖИТЪ ЗВѢРЬ,

попавшійся въ капканъ къ одному, но убитый другимъ охотникомъ?

Въ одной рощѣ Боровскаго уѣзда въ лѣсной сторожкѣ жилъ прикащикъ рощенника мѣщанинъ Пашутинъ и въ зимнее время занимался охотою—ставилъ капканы по лѣсу на лисицъ и на зайцевъ. Однажды случилось такъ, что въ поставленный Пашутинымъ лисій капканъ попался волкъ и, разумѣется, ушелъ съ капканомъ на передней ногѣ. Пашутинъ долго ходилъ за волкомъ по слѣду и бросилъ свои поиски только тогда, когда ночь наступила. На другой день онъ узналъ, что волкъ съ его капканомъ убитъ крестьянами села Маломахова въ самомъ селѣ, отстоящемъ отъ мѣста, гдѣ стоялъ капканъ, на 8 верстъ. Пашутинъ отправляется къ крестьянамъ с. Маломахова. Ему говорятъ, что капканъ уже отданъ лѣсному сторожу Андрееву, который заявилъ имъ свои права на капканъ, а о волкѣ сказалъ, что за нимъ «не гонится.» Андреевъ, къ которому пришелъ Пашутинъ за капканомъ, объяснилъ ему, что вклепался въ его капканъ по ошибкѣ и возвратилъ ему капканъ, но крестьяне с. Маломахова отказали Пашутину въ волкѣ. Вслѣдствіе этого Пашутинъ предъявилъ къ нимъ у мироваго судьи искъ о возвращеніи ему волка, какъ убитаго въ его капканѣ. На судебномъ разбирательствѣ у мироваго судьи явившіеся въ качествѣ отвѣтчиковъ двое крестьянъ с. Маломахова объяснили, что отказали Пашутину въ выдачѣ волка потому, что въ его капканъ вклепался другой и если бы не случилось этого обстоятельства они никогда бы не постояли за этимъ. На вопросъ мироваго судьи бывали ли подобные случаи прежде и какъ поступали въ этихъ

случаяхъ, отвѣтчики объяснили, что нерѣдко и лисицы попавшіяся въ капканъ уходятъ съ капканомъ далеко отъ мѣста, гдѣ стоялъ капканъ. Охотники слѣдятъ за звѣремъ и если имъ не удается сослѣдить и звѣрь попадется въ чужія руки, то хозяинъ капкана обязанъ уплатить тому, кто убилъ лисицу вознагражденіе «за переймы», а послѣдній обязанъ выдать лисицу тому, чей капканъ. Точно также поступаютъ и относительно волковъ. Размѣръ вознагражденія зависитъ отъ добровольнаго соглашенія и отъ цѣнности звѣря. По б. ч. онъ равняется половинѣ этой цѣнности. Обычай этотъ свято соблюдается и еслибы не случилось, что въ капканъ Пашутина вклепался Андреевъ, то и въ данномъ случаѣ они выдали бы волка Пашутину за 1 рубль, такъ какъ волкъ стоитъ 2 рубля. Истецъ Пашутинъ утверждалъ, что волкъ стоитъ только 1 р. 50 к. и что въ вознагражденіе за переймы всегда дается третья часть стоимости звѣря. Поэтому просилъ обязать отвѣтчиковъ выдать ему волкка за 50 к. Соглашенія не послѣдовало. Истцы просили обязать Пашутина явиться къ нимъ для полученія волка не иначе какъ вмѣстѣ съ сторожемъ Андреевымъ, которому они выдали капканъ. Мировой судья приступивъ къ разрѣшенію этого дѣла, нашелъ что подлежащій его разрѣшенію случай закономъ положительно не предусмотрѣнъ, что сами отвѣтчики признаютъ обычай, по которому волкъ долженъ быть возвращенъ хозяину капкана за извѣстное вознагражденіе и потому на осн. 130 ст. Уст. Гр. Суд. опредѣлилъ: признать крестьянъ с. Маломахова обязанными возвратить Пашутину убитаго въ его капканѣ волка, а Пашутина обязать уплатить крестьянамъ при полученіи волка 75 коп. и явиться за волкомъ вмѣстѣ съ Андреевымъ для удостовѣренія послѣднимъ принадлежности Пашутину капкана. Рѣшеніе это было исполнено добровольно.

Такимъ образомъ вопросъ, поставленный нами въ заглавіи нашей замѣтки, разрѣшается обычаемъ въ пользу хозяина капкана. Обычай этотъ съ одной стороны является какъ бы дополненіемъ и развитіемъ того юридическаго начала, которое выражено въ примѣч. къ ст. 539 X т. 1 ч. св. зак., но съ другой стороны онъ является какъ бы отрицаніемъ того законнаго правила, по которому право охоты находится въ неразрывной связи съ правомъ поземельнаго владѣнія (535 и 536 ст. Уст. о гор. и сел. хоз. XII т. св. зак.). Звѣрь убитый собственникомъ земли по приведенному обычаю принадлежитъ не ему, а тому въ чьемъ

капканѣ онъ былъ убитъ. Право поземельное, слѣдовательно, не даетъ права на звѣря убитаго на собственной землѣ. Но это разнорѣчіе приведеннаго нами обычая съ закономъ только кажущееся. По закону право охоты принадлежитъ владѣльцу земли и звѣри пойманные или убитые на собственной землѣ безспорно принадлежатъ ему же. Но это право мыслимо только въ отношеніи дикихъ животныхъ, никому непринадлежащихъ и свободно переходящихъ изъ одной мѣстности въ другую. Но звѣрь, попавшійся въ капканъ поставленный владѣльцемъ дачи и ушедшій въ другую дачу съ капканомъ, едва ли можетъ быть разсматриваемъ какъ дикое и никому не принадлежащее животное. Хотя капканъ и не лишаетъ звѣря возможности переходить съ мѣста на мѣсто, но уже вмѣстѣ съ собою звѣрь повсюду носитъ очевидный знакъ чужаго права—капканъ. Капканъ есть одно изъ орудій охоты, и если звѣрь въ него попавшійся и не остается на мѣстѣ, все таки съ капканомъ онъ уже не можетъ двигаться съ такой свободой и удобствомъ, и потому въ такомъ положеніи онъ гораздо легче можетъ быть убитъ. Слѣдовательно право землевладѣльца очевидно не можетъ распространяться на звѣрей пришедшихъ въ его дачу съ капканами, и поэтому занимающій насъ обычай по нашему мнѣнію нисколько не противорѣчитъ закону.

— О. —

Г. Боровскъ. 1872 года 12 марта.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

(ДИСПУТЪ Г. САБЛЕРА).

29 марта текущаго года въ нашемъ университетѣ происходилъ публичный диспутъ В. Саблера, воспитанника Московскаго университета (выпускъ 67 г.), на степень магистра уголовнаго права. Думаемъ, что читателямъ Юридическаго Вѣстника будетъ не безынтересно познакомиться какъ съ ходомъ этого диспута, такъ и съ его результатами. Причемъ мы считаемъ нужнымъ предварить читателя, что онъ не вправѣ ожидать отъ насъ полнаго воспроизведенія всѣхъ подробностей диспута, такъ какъ авторъ этихъ строкъ не знакомъ съ стенографіей.

Диспутантъ представилъ для соисканія упомянутой нами ученой степени сочиненіе: «О значеніи давности въ уголовномъ правѣ».

Въ этомъ сочиненіи авторъ даетъ намъ сначала краткій очеркъ исторіи развитія занимающаго его института, затѣмъ значеніе его въ современныхъ законодательствахъ, а въ томъ числѣ и въ законодательствѣ отечественномъ. Здѣсь, т.-е. по отношенію къ нашему законодательству, онъ между прочимъ указываетъ на несостоятельность подраздѣленія давности на давность происшествія и давность виновнаго, — подраздѣленія, какъ извѣстно, принятаго нашею судебною практикою въ лицѣ кассаціоннаго сената, безусловная обязательность приговоровъ котораго находитъ себѣ немало защитниковъ среди нашихъ юристовъ-практиковъ. Для членовъ Юридическаго Общества не безынтересно будетъ узнать мнѣніе автора по вопросу, который не такъ давно обсуждался въ одномъ изъ засѣданій Общества, а именно по вопросу: прерывается ли теченіе уголовной давности, если на существованіе преступленія указывало производ-

ство по гражданскому дѣлу. Сдѣлавши краткій анализъ 158 ст. Улож. о Нак., авторъ говоритъ: «Изъ этого опредѣленія понятно, что подъ преступленіемъ гласнымъ Уложеніе разумѣетъ преступленіе, извѣстное органамъ *уголовнаго* прасосудія» и т. д. (стр. 69). Изъ этого хотя косвеннаго разсужденія видно, что авторъ приходитъ или долженъ прійти, по указанному вопросу, къ такому же рѣшенію, къ какому, какъ кажется, пришло и Юридическое Общество, т.-е. къ отрицательному.

Далѣе сочиненіе занимается изслѣдованіемъ тѣхъ началъ, на которыхъ покоится давность. Въ этомъ отдѣлѣ авторъ имѣетъ дѣло съ теоріями основанія давности: французскими и германскими; съ теоріями, пытавшимися основать давность на данныхъ, лежащихъ въ лицѣ самого преступника (исправленіе, мученія и др.), и внѣ его лица (утрата доказательствъ, непоколебимость авторитета судебной власти, отказъ лица, потерпѣвшаго отъ преступленія, всепогашающая сила времени) и наконецъ съ мнѣніями, совершенно отрицавшими давность.

Подвергнувъ критикѣ всѣ эти воззрѣнія авторъ приходитъ къ заключенію объ ихъ неудовлетворительности и наконецъ строитъ собственную теорію давности, начала которой, какъ полагаетъ авторъ, различны для давности долгосрочной и краткосрочной. Первая, по мнѣнію автора, находитъ полное оправданіе въ идеѣ *справедливости*. Осуждающій приговоръ, постановленный по истеченіи многихъ лѣтъ послѣ совершенія преступленія, не будетъ справедливымъ, потому что вопросъ о преступности подсудимаго будетъ опираться на сомнительныхъ данныхъ какъ относительно объективнаго, такъ и относительно субъективнаго состава преступленія. Такъ понимаетъ автотъ идею справедливости. Что же касается до давности краткосрочной (до 5 л. включительно), то она, по мнѣнію автора, покоится на требованіяхъ уголовной политики.

Послѣднія двѣ главы посвящены ученію о давности, погашающей преступленіе, и давности, погашающей наказаніе. Въ нихъ авторъ разсматриваетъ условія примѣненія той и другой, продолжительность давностнаго срока, обстоятельства, прерывающія теченіе давности. Этими главами сочиненіе заканчивается.

Оффиціальными оппонентами были назначены профессоры С. И. Баршевъ и В. Н. Лешковъ.

Первымъ возражалъ г. Баршевъ. Онъ началъ замѣчаніемъ, что принимаетъ на себя обязанность вступиться за наше Уложеніе,

на которое, какъ замѣтилъ и самъ авторъ, и безъ того не мало нападаютъ, что прежде всего онъ считаетъ нужнымъ замѣтить автору неправильность интерпретаціи, данной имъ 162 ст. Уложенія. На стр. 84 онъ говоритъ: «О преступленіяхъ, изъятыхъ отъ дѣйствія давности, говоритъ также 162 ст. Статья эта распадается на двѣ части: первая часть опредѣляетъ, что «сила постановленій о давности не распространяется на вину перешедшихъ изъ православія въ другое, хотя и пользующееся свободою богослуженія въ Россіи, христіанское исповѣданіе, и тѣмъ менѣе еще на преступленія отпавшихъ вовсе отъ вѣры христіанской, какъ безпрерывно продолжающіяся, доколѣ они не обратились къ долгу». Далѣе на стр. 85 авторъ говоритъ: «Первая часть разсмотрѣнной нами 162 ст. не можетъ представлять на практикѣ никакихъ затрудненій, но за то редакція второй части отличается крайней недостаточностью. Такъ въ ней изображено: «На семъ же основаніи давность не распространяется и на вступившихъ завѣдомо въ противозаконный бракъ, и на виновныхъ въ присвоеніи себѣ непринадлежащихъ имъ состоянія, должности, чина, ордена, почетнаго титула или имени». Уложеніе, разсуждая такимъ образомъ, сопоставляетъ преступленія, существенно различныя по своему внутреннему характеру; вѣроотступничество, составляя нарушеніе религіозной обязанности, съ обращеніемъ виновнаго къ долгу, перестаетъ быть преступленіемъ. Но ясно, что этотъ моментъ нравственнаго возрожденія не можетъ имѣть подобнаго значенія въ преступленіяхъ, исчисленныхъ во второй части 162 ст. Двоеженецъ и вообще лицо, вступившее въ противозаконный бракъ, будутъ подлежать преслѣдованію, не смотря на все обнаруженное ими желаніе обратиться къ долгу. Присвоеніе виновными непринадлежащихъ имъ состоянія, должности и т. д, точно также не можетъ быть разсматриваемо, какъ грѣхъ, сглаживаемый покаяніемъ». Такимъ образомъ, заключилъ г. Баршевъ, вы относите слова второй части 162 ст.: «на семъ же основаніи» къ словамъ первой части той же статьи: «доколѣ они не обратились къ долгу» и изъ этого дѣлаете свой выводъ о недостаточности редакціи этой второй части, тогда какъ слова эти: «на семъ же основаніи» должны быть отнесены не къ словамъ: «доколѣ» и т. д., а къ словамъ: «какъ безпрерывно продолжающіяся». При такомъ толкованіи устраняется та неясность и та недостаточность, которую вы нашли въ редакціи 162 ст.

Противъ этого г. Саблеръ возражалъ, что въ этомъ и состоитъ неясность второй части 162 ст., что г. Баршевъ можетъ отнести слова: «на семъ же основаніи» къ словамъ первой части: «какъ безпрерывно продолжающіяся», а онъ, диспутантъ, къ словамъ: «доколѣ они не обратились» и т. д.

На это г. Баршевымъ было замѣчено, что по общему правилу интерпретаціи законовъ слѣдуетъ избирать такое толкованіе, при которомъ законъ не обращался бы въ безсмыслицу или нелѣпость

Далѣе г. Баршевъ замѣтилъ, что диспутантъ напрасно приписываетъ Уложенію подраздѣленіе давности на давность происшествія и давность личности. Такого подраздѣленія Уложеніе наше не знаетъ. Если въ 158 ст. и говорится, что показаніе отмѣняется за давностью, когда во все сіе время преступленіе то не сдѣлалось гласнымъ, или когда въ теченіи того же времени виновный въ ономъ, не смотря на произведенное слѣдствіе, не былъ обнаруженъ, то подъ этими послѣдними словами законъ разумѣетъ все-таки одну и туже давность преступленія, съ момента совершенія котораго виновный въ ономъ всегда предполагается.

На это диспутантъ отвѣчалъ, что хотя въ Уложеніи и не встрѣчается дѣйствительно такого подраздѣленія, но что оно выведено цѣлымъ рядомъ рѣшеній кассаціоннаго сената, съ которымъ онъ также долженъ былъ считаться.

Затѣмъ г. Баршевъ перешелъ къ разбору критики автора, обращенной къ тѣмъ нѣмецкимъ теоріямъ, которыя, по его мнѣнію, кладутъ въ основу давности безконечную и всепогашающую силу времени. Эта критика, замѣтилъ оппонентъ, не совсѣмъ основательна. Ученые, которыхъ опровергаетъ авторъ, вовсе не придавали времени такого безусловнаго значенія, какое желаетъ приписать имъ г. Саблеръ, но принимали при этомъ въ соображеніе и другія обстоятельства, принимаемыя и самимъ диспутантомъ въ его теоріи давности, какъ-то: сумму страданій, невозможность возстановленія состава преступленія и т. п., и если придавали особенное значеніе времени, то для того только, чтобы въ каждомъ данномъ случаѣ устранить надобность доказывать существованіе и другихъ условій, при которыхъ давность должна быть примѣнена. Вотъ что, заключилъ г. Баршевъ, говоритъ напр. Бернеръ: «Но это сложеніе наказанія не требуетъ доказательства того, что въ данномъ случаѣ находятся на лицо

всѣ особенныя основанія давности; оно основывается только на фактѣ *истеченія времени*, потому что только въ немъ заключается общая основа всѣхъ особыхъ основаній давности, *основаніе основаній;* только оно дѣлаетъ возможнымъ *точное вычисленіе* давности, необходимой въ интересѣ безопасности права.» *)

Противъ этого г. Саблеръ возразилъ, что онъ въ своемъ сочиненіи подвергаетъ критикѣ мнѣнія не одного только Бернера, эклектизмъ воззрѣній котораго указанъ имъ въ самой диссертаціи, а и другихъ ученыхъ: Вирта, Вильда, Абегга, Кёстлина. Но если обратить вниманіе и на мѣсто, прочитанное г. Баршевымъ, то и изъ него мы видимъ, что и Бернеръ считаетъ время за *основаніе оснований* давности.

Послѣднее возраженіе г. Баршева состояло въ замѣчаніяхъ противъ принятой авторомъ основанія давности—идеи справедливости. Во первыхъ, замѣтилъ г. Баршевъ, этому основанію не можетъ быть дано значеніе начала, такъ какъ имъ не объясняется и не оправдывается существованіе краткосрочной давности, для которой и самъ авторъ подыскалъ другое основаніе — уголовную политику. Во вторыхъ, давность противорѣчитъ самой идеѣ справедливости, такъ какъ принципъ послѣдней, состоящій въ требованіе воздать каждому должное, давностью совершенно уничтожается.

Вотъ въ краткихъ словахъ сущность возраженій г. Баршева, который, разбирая послѣдній вопросъ, высказался въ пользу принятія необходимости за основаніе давности.

Мы не воспроизводимъ здѣсь возраженій В. Н. Лешкова, такъ какъ по слухамъ уважаемый авторъ ихъ намѣренъ самъ изложить ихъ печатно.

Кромѣ оффиціальныхъ оппонентовъ г. Саблеру возражали еще: профессоръ Юркевичъ, сдѣлавшій нѣсколько замѣчаній съ точки зрѣнія общихъ началъ, не помѣщаемыхъ нами по безъинтересности ихъ для юристовъ, и какой-то неизвѣстный, сдѣлавшій г. Саблеру вопросъ, который былъ для насъ не совсѣмъ понятенъ и въ отвѣтъ на который диспутантъ посовѣтовалъ возражателю обстоятельнѣе познакомиться съ содержаніемъ его сочиненія.

Этимъ закончились пренія, послѣ которыхъ деканомъ факультета было прочитано рѣшеніе юридическаго факультета, признающее г. Саблера достойнымъ отыскиваемой имъ степени.

С. М.

*) Стр. 890 въ русскомъ переводѣ г. Неклюдова.

II.

ПРЕОБРАЗОВАНІЕ ВЪ СУДѢ.

О новѣйшемъ веденіи дѣлъ на судѣ, по поводу нѣкоторыхъ недавнихъ сочиненій.

Въ то время когда каждый стремится занять въ современной исторіи то мѣсто, на которое считаетъ себя вправѣ, когда увлекаемые благороднымъ соревнованіемъ ораторы, судьи, дипломаты и государственные люди, каждый въ свою очередь, указываютъ посредствомъ какихъ трудовъ связаны они съ начатымъ, если еще не вполнѣ совершившимся, дѣломъ пробужденія страны,—въ это время, говоримъ, не безъинтересно остановиться на сочиненіяхъ, касающихся адвокатуры и судебной жизни. Нельзя отрицать, что адвокатура въ значительной мѣрѣ способствовала движенію, отмѣтившему первую половину настоящаго вѣка. Подобно трибунѣ она также имѣла свои блестящіе дни. Она мужественно выдержала удары, наносимые ей въ тѣхъ или другихъ столкновеніяхъ, правда завязавшихся въ тѣсномъ кругу, но тѣмъ не менѣе не лишенныхъ отголоска, далеко разносившагося за арену борьбы. Это даетъ право адвокатурѣ возвысить голосъ о самой себѣ и постараться дать прочную жизнь сборнику рѣчей, предназначенныхъ, казалось, не болѣе какъ для успѣха передъ судомъ. Не мало утрачено до сихъ поръ судебныхъ рѣчей, которыя стоили-бы того, чтобы собрать и распространить ихъ. Вліяніе ихъ, хотя быть мо-

жетъ запоздавшее, на общественное мнѣніе не осталось бы безплоднымъ. Какую интересную страницу въ исторіи прессы представили-бы напр. судебныя пренія, происходившія нѣкогда передъ судомъ присяжныхъ, а въ наши дни передъ исправительнымъ трибуналомъ. Не здѣсь ли также дано было адвокатурѣ показать все свое мужество и преданность свободѣ? Вотъ почему было-бы въ высшей степени желательно изучить ее съ этой точки зрѣнія, въ особенности въ ея возвышенныхъ и симпатичныхъ твореніяхъ. Но нельзя ли покрайней мѣрѣ въ настоящую минуту раскрыть это благородное и могущественное дѣйствіе адвокатуры изъ тѣхъ сочиненій, которыя до сихъ поръ появились уже въ свѣтъ?

Нѣкоторые изъ адвокатовъ, въ продолженіи долгаго періода занимавшихъ различнымъ образомъ вниманіе суда, рѣшились собрать свои рѣчи. Такимъ образомъ они сами свидѣтельствуютъ объ участіи, какое принимали въ юридической борьбѣ своего времени, а также и о томъ, что сдѣлали они для свободы защиты, на стражѣ которой они поставлены. Посредствомъ обнародованія своихъ мемуаровъ Дюпенъ, на глазахъ котораго произошло паденіе первой имперіи и который игралъ роль почти во всѣхъ большихъ процессахъ временъ реставраціи, даетъ намъ возможность наблюдать какъ быстро развернулись всѣ силы адвокатуры при первыхъ шагахъ конституціоннаго правительства. Другой слѣдовавшій за нимъ адвокатъ Шэ-д'Эт-Анжъ съ своей стороны довѣряетъ дружескимъ попеченіямъ заботу объ изданіи въ свѣтъ избранныхъ рѣчей своихъ на судѣ.

Никогда быть можетъ эта борьба слова не была болѣе блестяща, какъ въ ту эпоху когда трибуна и пресса пользовались свободой. Адвокатура находилась тогда въ исключительно благопріятныхъ условіяхъ для того, чтобы исполнять свое призваніе, чтобы дать возможность оцѣнить все значеніе ея для страны, ея вліяніе на общественную и личную свободу, наконецъ показать всю могучесть своихъ жизненныхъ силъ. Въ это-то именно время и слѣдовало-бы изучать адвокатуру, прослѣдить ея ходъ во всѣхъ ея дѣйствіяхъ, изслѣдовать наконецъ какимъ образомъ поняла она свою за-

дачу въ то время, когда духъ преобразованія повѣялъ на столь многое во Франціи. Вотъ почему если недавно обнародованныя сочиненія бросаютъ нѣкоторый свѣтъ на этотъ вопросъ, то этого уже достаточно, чтобы остановить на нихъ все наше вниманіе.

Въ продолженіи почти полувѣка будучи адвокатомъ, депутатомъ, судьей, Дюпенъ имѣлъ преимущество привлекать на себя общественное вниманіе съ совершенно различныхъ сторонъ. Юридическія воспоминанія его помѣщены въ первомъ томѣ, который начинается трагическимъ дѣломъ маршала Нея и кончается процессомъ объ имуществахъ Орлеанскаго дома. Еще свѣжо у всѣхъ въ памяти какъ въ эпоху, когда разсматривалось это послѣднее дѣло, судья снялъ съ достоинствомъ свою тогу и снова надѣлъ платье адвоката, которое всегда было, какъ онъ говорилъ, его внутреннимъ одѣяніемъ. Переносясь воспоминаніемъ на поприще, столь любимое имъ, Дюпенъ признается, что всегда находилъ въ немъ въ высшей степени живое и чистое удовлетвореніе для себя. Чувство это безспорно весьма понятно въ авторѣ рѣчей, которыя принесли утѣшеніе столькимъ семействамъ и оказали покровительство не одному интересу, которому грозила серьезная опасность. Но когда Дюпенъ касается предметовъ чисто политическихъ, иное чувство овладѣваетъ авторомъ и съ первыхъ же словъ онъ заявляетъ, что жизнь политическая всегда менѣе улыбалась ему, чѣмъ жизнь юридическая. „Я началъ писать этотъ второй томъ, говоритъ онъ, съ гораздо меньшимъ увлеченіемъ, чѣмъ первый.“ И въ самомъ дѣлѣ, среди вихря общественныхъ дѣлъ мало приходится думать о защитѣ другихъ; прежде всего нужно защищать себя самого—въ этой борьбѣ, въ этихъ ежечасныхъ столкновеніяхъ, все грозитъ гибелью. Къ тому же правительства, подобно тѣнямъ въ балладахъ, движутся съ особенною быстротою такъ что логика тѣхъ, кто попытался бы слѣдовать за ними, сильно рискуетъ обратиться въ заблужденіе.

Дюпенъ, весьма основательно жалуясь на эту неустойчивость учрежденій, припоминаетъ остроумное сравненіе римскаго оратора, благодаря которому власть представляется

ему въ формѣ мяча, который поочередно перебрасываютъ между собою республика, конституціонная монархія и абсолютныя правительства. Къ несчастію однако замѣчается какъ бы нѣкоторое ослѣпленіе въ этомъ живомъ умѣ, такъ что когда онъ присутствуетъ, выражаясь словами метафоры, при этомъ перекрестномъ огнѣ, при этой игрѣ, мы скажемъ прямо, что въ эти минуты онъ смущается и какъ будто не увѣренъ въ самомъ себѣ. Когда онъ высказываетъ хвалу конституціонному правленію, предмету его первыхъ юношескихъ увлеченій, у него проскальзываютъ выраженія въ родѣ слѣдующихъ: „безъ сомнѣнія правленіе превосходное, но какимъ образомъ однако согласить власть и свободу, *principatum ac libertatem?*“ Призывая затѣмъ въ свидѣтели Цицерона и Тацита, онъ заставляетъ предполагать вмѣстѣ съ этими знаменитыми учителями, что абсолютныя правительства суть наиболѣе прочныя, если не самыя лучшія. Чѣмъ же дѣлается тогда цѣлая жизнь адвоката, публициста, парламентскаго оратора? Чѣмъ становится тогда этотъ гимнъ свободѣ, который звучитъ всѣми тонами въ судебныхъ рѣчахъ перваго тома? Что же думаетъ наконецъ самъ Дюпенъ? Придерживается ли онъ уравновѣшенія власти и свободы, или хочетъ онъ абсолютной монархіи и насилія? Да и совершенно ли было необходимо объясняться относительно этого предмета на языкѣ Тацита и Цицерона?

Кстати по поводу приведеннаго мѣста слѣдуетъ сдѣлать одно замѣчаніе. Ни Цицеронъ, ни Тацитъ,—слѣдуетъ ли даже говорить это?—не имѣли ни малѣйшей склонности къ абсолютной власти. Когда римскій ораторъ оплакиваетъ неустойчивость правительствъ, какова бы ни была ихъ форма, онъ не колеблется въ тоже время заявить, что по мнѣнію его умѣренное и свободное правленіе, основанное на совокупности того, что называетъ онъ тремя властями, есть еще самое прочное правленіе: *haec constitutio habet firmitudinem.* Тѣмъ болѣе Тацитъ никогда не отчаявался въ возможности соглашенія между властью и свободой, *principatum ac libertatem.* Далекій отъ этого (цитата у Дюпена очевидно искажена), онъ воздаетъ честь Нервѣ за то, что онъ умѣлъ со-

гласить эти два понятія, которыя *нѣкогда*, говорить онъ, казались несовмѣстимыми, *res olim dissociabiles*, и говорилъ онъ такимъ образомъ въ царствованіе Траяна. Такимъ образомъ величайшій историкъ Рима и первый изъ ораторовъ его ничего не могли сдѣлать въ этомъ отношеніи. Призванные свидѣтельствовать въ пользу неограниченной власти, они видимо были неспособны къ этому, предоставляя другимъ заботу о прославленіи ея. Послѣ этого становятся понятными ихъ сожалѣнія и обманутыя надежды относительно свободныхъ учрежденій. Но уныніе не есть еще сомнѣніе. Иначе чѣмъ сдѣлались бы тогда для адвоката проигранныя имъ вѣрныя дѣла? Долженъ ли онъ послѣ этого перестать вѣрить въ правосудіе и истину? Тацитъ и Цицеронъ превосходно знали чего стоитъ свобода. Неужели же Дюпенъ забылъ, что только ей одной онъ обязанъ своею извѣстностью?

Мы остановились нѣсколько болѣе на этомъ пунктѣ, потому что онъ тѣсно связанъ съ самымъ предметомъ настоящаго очерка. Адвокатура принадлежитъ къ числу тѣхъ учрежденій, которыя черпаютъ жизнь только въ свободѣ и не могутъ возрастать помимо нея. Опираясь на право свободной защиты, она всегда считала своимъ врагомъ деспотизмъ, подавляющій возраженія и видящій опасность для себя въ противорѣчіи и просвѣщеніи. Дюпенъ могъ лучше чѣмъ кто-либо видѣть, что можетъ сдѣлать деспотизмъ противъ слова. Въ ту минуту когда онъ выступилъ на поприще адвокатуры, Франція, смущенная и молчаливая въ своей внутренней жизни, отвыкла слышать что либо кромѣ отдаленныхъ звуковъ оружія. Законы только еще появлялись на свѣтъ, судебная защита едва лишь была организована. Молодой стажеръ могъ еще слышать послѣднія рѣчи парламентскихъ адвокатовъ, пережившихъ революціонныя волненія. Что-же, были ли эти рѣчи церемоніальными рѣчами прежняго времени? Безъ сомнѣнія, нѣтъ. Горячая, ясная и сжатая полемика Вольтера и философовъ прошлаго вѣка, бодрое и трезвое слово Жербье, рѣзкія творенія Бомарше разумѣется измѣнили нѣсколько все это, но далеко не въ той мѣрѣ какъ можно было предполагать. Конечно, если бы новое поколѣніе адвокатовъ

сформировалось подъ вліяніемъ величественныхъ парламентскихъ преній во времена революціи, если бы эта плеяда ораторовъ, голосъ которыхъ раздавался тогда и которые основали новѣйшее законодательство, опять возвратилась въ среду адвокатуры, тогда послѣдовали бы совершенно другія измѣненія въ судебномъ словѣ. Но школы права были закрыты, адвокатское сословіе разрушено. Что касается тѣхъ, которые были отмѣчены какъ ораторы или законовѣды, то одни изъ нихъ погибли на эшафотѣ, другіе съ глубокимъ унынiемъ удалились въ совѣщательныя государственныя собранія и занялись приготовленіемъ новыхъ кодексовъ. Адвокатура опустѣла, лишена была руководителей. Какъ выйдетъ она изъ этого упадка, изъ этой могилы? Прессы и трибуны не существуетъ. Школы открыты, но мысль въ нихъ подавлена. Воинственный духъ, распространяющійся всюду, все изсушилъ. Воспитаніе приготовляетъ только солдатъ, страна превратилась въ громадную казарму. Свобода называется недостаткомъ дисциплины и возмущеніемъ, если не революціей. Но молодые люди все-таки есть тамъ. Въ глубинѣ души своей они питаютъ горячія стремленія. Они ждутъ той минуты, когда слово снова возвратитъ себѣ свободу, и посредствомъ терпѣливаго изученія приготовляются дать ему блестящую жизнь. Паденіе имперіи было точкой отправленія для новой эры. Выдержавъ долгое угнетеніе, общественный духъ поднялся повсюду, смѣлый, быстрый, сверкающій, свободный наконецъ. И вотъ еще разъ можно было убѣдиться, что нельзя требовать ничего великаго и истиннаго во всякаго рода искусствахъ отъ несвободнаго народа. Деспотизмъ имѣетъ на духъ народа такое же вліяніе, какъ рабство на отдѣльнаго человѣка—онъ развращаетъ и уничтожаетъ его. Сколько разъ повторяться еще этому опыту? Неужели политическими уроками можетъ пользоваться только то поколѣніе, которое получаетъ ихъ и проходитъ, никогда не научая ничему другое, идущее на смѣну ему?

I.

Новый судебный слогъ.

Благодаря появленію въ то время въ судахъ громкихъ процессовъ, получившихъ большую извѣстность, адвокатура должна была возродиться въ этихъ величавыхъ дебатахъ. Среди ихъ она быстро возрасла и заняла въ ряду учрежденій страны мѣсто, котораго прежде еще никогда не имѣла. Когда наконецъ закономъ 1819 г. дѣла о печати предоставлены были вѣдѣнію суда присяжныхъ, адвокатура поднималась иногда на высоту парламентскаго краснорѣчія. Здѣсьто именно и слѣдуетъ искать начала преобразованія, которое съ тѣхъ поръ совершилось въ ораторскомъ искусствѣ на судѣ. Декламація исчезла, общественное и гражданское право замѣтно измѣнило съ этого времени свой языкъ. Въ это же самое время французскій духъ начинаетъ волноваться и искать во всемъ новыхъ путей. Въ искусствѣ какъ и въ литературѣ происходитъ настоящая революція. Живопись отвергла академическія позы и условныя краски. Она хочетъ найти во всемъ жизнь и приблизиться къ истинѣ, не впадая въ рабское воспроизведеніе дѣйствительности. Самая музыка изобрѣла новыя комбинаціи и область гармоніи въ свою очередь пробудилась. Театръ также не остается позади, онъ стремится къ тому, чтобы дѣйствующія лица двигались и говорили съ большею естественностью. Что касается исторіи, то эта послѣдняя начинаетъ въ свою очередь обращаться къ памятникамъ и хартіямъ, стараясь восходить непосред-

ственно къ источникамъ, вслѣдствіе чего множество общепринятыхъ фактовъ появляются въ новомъ болѣе правдивомъ и поражающемъ свѣтѣ. Среди этой работы возрожденія или освобожденія адвокатура, само собою разумѣется, не остается безъ движенія. Имѣя значительную поддержку въ новой литературѣ, трибунѣ, прессѣ, въ наукѣ новаго права, въ этомъ изобиліи дѣлъ, фактовъ и происшествій, раждающихся изъ новаго порядка вещей, изъ этого новѣйшаго общества, которое въ свою очередь свободнѣе живетъ и дѣйствуетъ, какъ бы ставъ впервые, среди всего этого, въ свое естественное положеніе,—адвокатура также вырабатываетъ себѣ новый языкъ, быстрый, ясный и живой слогъ, гдѣ слово идетъ наряду съ мыслью, гдѣ каждая фраза продумана, гдѣ все наконецъ развивается, сплетается и связывается какъ бы само собою. Пренія исполнены энергіи, жизни и движенія. Слово дѣлается гибкимъ. Адвокатура такимъ образомъ выступила на свой истинный путь.

Однако въ первыя минуты этого возрожденія судебныя рѣчи не лишены были рѣзкости: надо было сильно поражать, глубоко проникать въ умы; слѣдовало не очаровывать, а скорѣе побѣждать. Всѣ партіи въ борьбѣ, а въ вихрѣ столкновенія ихъ надо умѣть говорить громко и мужественно. Для того чтобы живѣе и быстрѣе вліять на воображеніе, Дюпенъ создалъ себѣ особенное оружіе. Никто лучше его не постигъ тѣхъ выраженій, которыя дѣйствуютъ какъ удары рапиры, тѣхъ смущающихъ неожиданностей, тѣхъ остроумныхъ мыслей, которыя освѣщаютъ пренія и сверкаютъ подобно молніи. Почти во всѣхъ его защитахъ по болѣе важнымъ дѣламъ встрѣчаются эти смѣлыя или колкія черты, которыя остаются послѣднимъ словомъ процесса. Эта своего рода аргументація, употреблявшаяся иногда съ такимъ успѣхомъ самимъ Цицерономъ, дѣлалась у Дюпена еще болѣе грозною, потому что она шла на ряду съ основательнымъ въ высшей степени знаніемъ закона и изученіемъ дѣла. Въ его величавыхъ, живыхъ рѣчахъ чувствуется могучая нить жизни, разумный и прочно скрѣпленный механизмъ. Благодаря этимъ сжатымъ преніямъ, этимъ выводамъ, строго вы-

текающимъ изъ закона и факта, въ область судебной практики проникъ свѣтъ, весь обращенный на пользу истины и здраваго смысла какъ въ гражданскихъ, такъ и въ уголовныхъ дѣлахъ. Уголовное судопроизводство стало освобождаться наконецъ отъ смѣшной, высокопарной и пустой фразеологіи, характеризовавшей его въ прошедшемъ столѣтіи, и сохранявшейся еще долго потомъ, несмотря на преобразованіе старыхъ судебныхъ учрежденій. Обвинительные акты временъ директоріи и имперіи состояли по большей части изъ дѣтски-догматическихъ разсужденій, которыя въ наше время вызвали бы одну только улыбку. Реформа эта безъ сомнѣнія вызвана была духомъ времени, но тѣмъ не менѣе быстротою, съ какою она проводилась въ жизнь, она была обязана другой реформѣ, совершавшейся въ адвокатурѣ. Съ этихъ поръ рѣчь адвоката стала отличаться жизнью и движеніемъ, этою великою тайною римскихъ ораторовъ, мало занимавшею старинную французскую адвокатуру, а также основательнымъ знаніемъ права, счастливо сочетавшимся съ искусствомъ неподдѣльнаго краснорѣчія.

Въ наше время адвокатъ-консультантъ, юрисконсультъ въ собственномъ смыслѣ слова, не существуетъ болѣе, онъ смѣшивается съ адвокатомъ-защитникомъ. Долгое время эти двѣ роли существовали отдѣльно, въ такомъ видѣ мы встрѣчаемъ ихъ и въ древности. Можно даже сказать, что древній ораторъ чувствовалъ какъ-бы нѣкоторое презрѣніе къ юрисконсульту. Квинтиліанъ унижаетъ его значеніе и смотритъ на него какъ на нѣчто въ родѣ подчиненнаго стряпчаго, Цицеронъ требовалъ себѣ три дня для того, чтобы явиться юрисконсультомъ, но впослѣдствіи онъ обратился къ другому образу мыслей и понялъ всю пользу изученія права. Это различіе между адвокатомъ и юрисконсультомъ имѣло свой смыслъ: въ Римѣ потому, что передъ высшимъ народнымъ судомъ ораторъ занимался только обстоятельствами дѣла; во Франціи потому, что при старомъ правѣ едва достаточно было цѣлой жизни человѣка для того, чтобы распутать весь хаосъ законовъ и обычаевъ. Въ настоящее время кодексы соединяютъ въ себѣ всѣ правила гражданаскго права,

которое сдѣлавшись такимъ образомъ наукой болѣе доступной для всѣхъ, стало настоятельно необходимымъ въ особенности для тѣхъ, кто предназначаетъ себя къ поприщу адвокатуры, на которомъ для того чтобы быть хорошимъ адвокатомъ сдѣлалось нужнымъ быть въ тоже время и хорошимъ юрисконсультомъ. Это послѣднее обстоятельство и повліяло въ значительной мѣрѣ на происшедшее преобразованіе судебнаго слога. Знаніе права изгнало декламацію и сдѣлало ее невыносимой. Съ другой стороны, практическое изученіе дѣлъ повело къ тому, что стали искать доказательствъ именно въ содержаніи дѣла и ради самого дѣла. Наконецъ этою же реформою нанесенъ былъ также послѣдній ударъ тѣмъ уклоненіямъ, тѣмъ страннымъ заимствованіямъ у древности, къ которымъ прибѣгала адвокатура двухъ послѣднихъ столѣтій. Въ то время хорошо поставленный адвокатъ долженъ былъ постараться прежде всего блеснуть своимъ близкимъ знакомствомъ съ духовными и свѣтскими авторами. Рѣчи, наиболѣе испещренныя цитатами и ученолитературными замѣчаніями, считались тогда самыми лучшими рѣчами: судъ прямо ложился на страницы комедіи *Тяжущихся*. Довольно интересно перечитывать въ настоящее время эти рѣчи нашихъ отцовъ, сходныя съ готическими памятниками, цѣлое которыхъ показываетъ иногда великую и могучую мысль, но орнаментовка которыхъ въ тоже время тяжела и безвкусна. Въ этомъ отношеніи Антуанъ Леметръ представляется удивительнымъ исключеніемъ въ XVII вѣкѣ. Если онъ дѣлаетъ еще заимствованія у древности, если тамъ и сямъ онъ говоритъ объ Аристотелѣ и Платонѣ, то уже съ такою разборчивостью и вкусомъ, которые дѣлаютъ изъ него какъ бы адвоката конца XVIII вѣка, соперника Жербье. Никто изъ адвокатовъ вокругъ него не говорилъ такимъ чистымъ, правильнымъ, умѣреннымъ языкомъ, достигавшимъ иногда необыкновенной силы. Очевидно, что заявляя мнѣніе, что Леметръ долженъ былъ служить моделью Расину для личности его „Энтиме“, Сентъ-Бёвъ не сравнивалъ рѣчей Леметра съ рѣчами его современниковъ, тѣмъ болѣе съ рѣчами собственныхъ друзей поэта. Оскаръ-де Валле, олице-

творяющій въ Леметрѣ юридическое краснорѣчіе XVII вѣка, защищаетъ его съ нѣкоторою горечью противъ этихъ предположеній, выставляющихъ его въ смѣшномъ свѣтѣ, но де-Валле недостаточно выяснилъ, насколько онъ былъ правъ, смотря такимъ образомъ на Леметра. Въ настоящее время извѣстно, что сюжетъ для комедіи *Тяжущихся* не былъ личнымъ дѣломъ Расина. Планъ пьесы былъ задуманъ имъ на дачѣ Отейль, вмѣстѣ съ друзьями, составлявшими обыкновенное общество его—Буало, Шапелемъ и Пуссе-де-Монтобаномъ, который былъ однимъ изъ первыхъ адвокатовъ парижскаго парламента и самъ написалъ нѣсколько трагедій. Каждый вложилъ въ пьесу свою часть. Самъ Расинъ нисколько не скрываетъ этого. „Наполовину поощряя меня, наполовину прилагая сами руки къ дѣлу, говоритъ онъ, друзья мои заставили меня начать пьесу, которая вскорѣ затѣмъ и была окончена“. Наиболѣе шутовскія выходки были конечно дѣломъ Шапеля; Пуссе-де-Монтобанъ могъ доставить техническія судебныя выраженія и,—кто-бы повѣрилъ?—самъ затѣмъ послужить образцемъ для этихъ постоянныхъ и несвоевременныхъ обращеній къ древности въ дѣлахъ, гдѣ, напротивъ, шла рѣчь о живыхъ интересахъ минуты [1]).

---

[1]) Въ самомъ дѣлѣ онъ въ это время только что обнародовалъ свои лучшія защиты (1660), такъ что знаменитые и веселые друзья его могли имѣть ихъ подъ руками. Что они должны были подумать, что думалъ Буало, читая высокопарное вступленіе къ рѣчи по дѣлу герцогини д'Эгильонъ противъ герцога Орлеанскаго? „Плутархъ,—такъ начинается рѣчь,—говоритъ, что послѣ смерти Клеомена, царя спартанскаго, враги его, желая отпраздновать торжество свое надъ тѣнью умершаго, вдругъ увидали появившагося змѣя, который извиваясь покрывалъ голову усопшаго властителя, какъ бы желая охранить сѣдалище и источникъ совѣтовъ, принесшихъ благоденствіе его народамъ. И если вѣрить поэтамъ, другой змѣй вышедшій изъ могилы Анхиза угрожалъ тѣмъ, кто имѣлъ намѣреніе осквернить спокойствіе его гробницы. Такъ кардиналъ Ришелье даже на лонѣ смерти подвергается нападеніямъ—его отыскиваютъ среди могилъ, чтобы нанести ему оскорбленіе. На его смертные останки не перестаютъ еще указывать съ ужасомъ, какъ на могучаго льва изъ Священнаго Писанія, хотя левъ уже мертвъ, хотя тамъ, гдѣ царила нѣкогда его сила, видятъ теперь рой трудолюбивыхъ пчелъ и

Урокъ, данный суду Расиномъ, Буало и Шапелемъ, былъ достаточно суровъ, для того чтобы выслушать его, но эта склонность къ архаизмамъ, этотъ „вкусъ къ дурному вкусу“, какъ хорошо было сказано, трудно было искоренить. Въ XVIII вѣкѣ, онъ уступилъ мѣсто цитатамъ, которыми пользовались съ разборчивостью изъ римскихъ законовъ, но тогда это было дѣйствительной потребностью, такъ какъ во Франціи господствовало тогда большею частью писаное римское право. Даже о Дюпенѣ говорили, что онъ происходилъ

соты благоухающаго меду. Судьба великихъ людей, наполнившихъ всю землю своимъ именемъ, слава которыхъ обтекаетъ всю вселенную подобно солнцу, освѣщающему ее, такова, что всегда найдется кто-либо, который станетъ защищать мужественно ихъ память“. Положимъ, что въ этомъ дѣлѣ адвокатъ поставилъ себѣ задачей защищать память Ришелье, но даже и тамъ, гдѣ дѣло идетъ о защитѣ напр. Жана Готана противъ жены его Этьенеты Пипелье, непризнававшаго законности ребенка, ссылаясь на свою неспособность, тонъ все таки не измѣнился и древность играетъ въ преніяхъ свою обычную роль. „Если нѣкогда, говорилъ Пуссе-де-Монтобанъ, мужьямъ вѣрили на слово въ неспособности къ рожденію дѣтей, за отцовъ которыхъ ихъ выдавали, если, по словамъ Геродота, Демератъ былъ изгнанъ изъ страны и потерялъ корону вслѣдствіе того только, что Аристонъ, считавшійся его отцомъ, воскликнулъ „онъ не принадлежитъ мнѣ“, если Лакедемоняне предпочли Агезилая Леотихиду при наслѣдованіи власти, потому что Агисъ часто говорилъ, что Леотихидъ былъ не его сыномъ, но плодомъ преступной связи жены его съ Алкивіадомъ, если, говорю я, мужьямъ вѣрили на слово, то можно ли не вѣрить моему кліенту, когда онъ говоритъ, что это дитя не есть его сынъ“. Въ этой же самой рѣчи адвокатъ цитируетъ далѣе Священное Писаніе, Горація, святаго Августина, Платона, Тертулліана, Сенеку, не забывая сказать слово о Грекахъ, Римлянахъ и Евреяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ нельзя сказать, что благодаря рѣчамъ Пуссе-де-Монтобана, мы познакомились со всѣмъ: съ солнцемъ и луною, Вавилонянами и Македонянами Пти-Жана? Нужно ли было послѣ этого разыскивать еще судебныя рѣчи Леметра, уже тридцать лѣтъ какъ оставившаго авдокатуру и въ 1668 г., въ то время когда дана была комедія, скромно жившаго въ Портъ-Роялѣ? Въ примѣненіи къ Пуссе-де-Монтобану и его соперникамъ строгая критика *Тяжущихся* дѣйствительно била прямо въ цѣль, но направленная противъ Леметра она пролетала, не касаясь его.

изъ парламентской школы и не вполнѣ былъ свободенъ отъ обращеній къ древности. Извѣстно, что въ рѣчахъ его цитаты встрѣчаются довольно часто и римскіе авторы приходятъ къ нему на помощь не рѣдко. Однако, для избѣжанія ошибки на этотъ счетъ, да не подумаютъ, что только въ цитатахъ состоитъ догматическая метода парламентскаго адвоката. Цитата сдѣлалась теперь въ рукахъ новѣйшаго адвоката своего рода средствомъ возбудить вниманіе и затронуть любопытство. Это—или римскій законъ, идущій прямо къ цѣли въ современномъ вопросѣ, или мысль какого либо писателя, позволяющая адвокату придать собственной мысли своеобразный блескъи умѣстное примѣненіе. Требуется ли сказать въ кассаціонномъ судѣ, передъ соединенными палатами, что президентъ этого собранія ошибся въ своихъ сочиненіяхъ относительно права наслѣдованія женщины, адвокатъ найдетъ двухъ спорящихъ римскихъ юрисконсультовъ и покажетъ какъ одинъ изъ нихъ, весьма ученый конечно, былъ разбитъ и убѣжденъ въ заблужденіи другимъ, и послѣ весьма легко принялъ его сторону. Стрѣла пущена, каждый ее почувствовалъ. Президентъ обнаружитъ только свое крайнее невѣжество, если выкажетъ болѣе упрямства и самоувѣренности, чѣмъ великій юрисконсультъ Папиніанъ. Приведеніе при случаѣ цитаты, можетъ быть даже излишне частое, никогда не заходило однако слишкомъ далеко: она была роскошью этого плодовитаго ума. Въ дѣлѣ, на которое мы уже намекали, развѣ не Дюпенъ подсказалъ одному изъ защитниковъ это грозное *forum et jus*, изъ котораго послѣдній сдѣлалъ полновѣсное оружіе во всей своей защитительной рѣчи? И такъ какъ этотъ адвокатъ — это былъ Беррье—вообще очень воздержанъ на заимствованія и обыкновенно гордо выступаетъ на судъ съ своимъ великимъ словомъ, то указавъ во время засѣданія на сидящаго рядомъ съ собою, именно на того, отъ кого онъ позаимствовался цитатой, онъ сдѣлалъ дѣйствіе ея потому гораздо болѣе неожиданнымъ и несравненно болѣе сильнымъ. „Я не могу не сказать, воскликнулъ онъ, что то, что свойственно нашей прекрасной націи, свойственно всѣмъ. И здѣсь я про-

шу позволенія привести одно историческое воспоминаніе— мнѣ на дняхъ напомнилъ его Дюпенъ. Тацитъ, въ своей странѣ, произноситъ великую хвалу Тиверію, говоря о немъ своимъ выразительнымъ сжатымъ языкомъ: Тиверій былъ бѣденъ, у Тиверія было крайне скромное имущество въ Италіи, помѣстья его были посредственны, немного жило отпущенниковъ въ его домѣ, *paucos libertos*, но когда онъ былъ въ тяжбѣ съ частными лицами, *quando cum privatis disceptaret*, суды и законъ провозглашали *forum et jus*. Вотъ что значитъ право, сильное во всѣ времена; вотъ право, безъ котораго нѣтъ общества! Да, и тирана восхваляли за то, что онъ умѣлъ уважать этотъ основный принципъ! Что же говорятъ теперь? Вы взываете къ судьямъ, вы требуете поддержки въ неоспоримомъ владѣніи, которое только что поколеблено актомъ насилія; взываете, но... для васъ нѣтъ судей! Вы указываете на документы—вамъ говорятъ: существуетъ законъ.... Но тогда стало быть существуетъ законъ, который выше всѣхъ законовъ; существуетъ право, которое выше всякаго права! Какъ! вы хотите сказать, что это такіе вопросы, для которыхъ не найдется во Франціи ни суда, ни судей. *Forum et jus*! Дайте ихъ всѣмъ принцамъ Орлеанскаго дома, которые говорятъ вамъ, что собственность ихъ ими пріобрѣтена. *Forum et jus!* Не отказывайте въ нихъ королю Бельгіи, у котораго есть брачный контрактъ его; не отказывайте въ нихъ герцогу Виртембергскому, который также можетъ представить вамъ его; не отказывайте въ нихъ наконецъ малолѣтнимъ, наслѣдовавшимъ права своей матери. *Forum et jus!* Вотъ чего мы отъ васъ требуемъ". Дѣйствіе, производимое каждый разъ этимъ повтореніемъ, было необъятно и привело аудиторію въ экстазъ. Сомнительно, чтобы парламентская адвокатура могла когда либо извлечь себѣ такое употребленіе изъ цитатъ. Для нея цитаты были тяжелымъ вооруженіемъ, въ которое она облекалась, но которое только стѣсняло ея движенія. Но въ этомъ же самомъ вооруженіи Дюпенъ однако умѣлъ быть проворнымъ въ борьбѣ, быстрымъ въ возраженіяхъ и заставлялъ любоваться ловкостью наносимыхъ имъ ударовъ. Если правда, что онъ былъ послѣднимъ изъ парламентскихъ адво-

катовъ, какъ говоритъ это Пинаръ, авторъ интересной книги объ *Адвокатурѣ*, то не былъ ли онъ, по крайней мѣрѣ, первымъ нашедшимъ въ этихъ заимствованіяхъ у древности столь поражающіе, иногда остроумные и всегда истинно оригинальные эффекты. Въ этомъ отношеніи и именно съ этой стороны намъ кажется, что онъ вполнѣ принадлежитъ къ новѣйшей адвокатурѣ, такъ какъ благодаря живости своего остроумія и своей гальской грубости онъ изгналъ изъ суда нѣсколько жеманный и постоянно натянутый слогъ парламентской методы.

Таковъ былъ Дюпенъ какъ адвокатъ. Мы не хотимъ говорить здѣсь о немъ какъ о судьѣ, и еще менѣе какъ о человѣкѣ политическомъ и о доктринахъ его. Намъ не хотѣлось бы останавливаться на различіи между гражданиномъ и судьей съ одной стороны, судьей и политическимъ дѣятелемъ съ другой,—различіи, которое для нѣкоторыхъ можетъ показаться болѣе или менѣе страннымъ. Есть вещи, о которыхъ не спорятъ. Дюпенъ старается показать, что онъ никогда не принадлежалъ ни къ какой партіи. Не наше дѣло противорѣчить ему въ этомъ отношеніи и изслѣдовать отчего это происходило. Мы думаемъ, согласно съ нимъ, что „время—честный человѣкъ, и въ концѣ концовъ каждому скажетъ правду“. Мы хотимъ разсматривать только адвоката, и въ этомъ отношеніи позволительно утверждать, что Дюпенъ оказалъ на новѣйшую судебную рѣчь вліяніе, которое не можетъ быть отвергнуто, и въ широкой мѣрѣ способствовалъ славѣ адвокатуры. Въ чемъ же слѣды его дѣятельности? Въ томъ, что личности у него предоставленъ широкій просторъ дѣйствія. Чего хотѣлъ онъ прежде всего въ то время, когда пресса наиболѣе помогала слову? Онъ хотѣлъ поразить воображеніе наибольшаго количества людей, достигая въ этомъ отношеніи, если это возможно, самыхъ послѣднихъ рядовъ толпы, не исключая и *profanum vulgus*. Для этого у него были острыя и смѣлыя выраженія, которыя быстро схватываются и избавляютъ читателя или слушателя требовать отъ оратора чего-то большаго. Это—родъ ходячей монеты, всегда легко находящей себѣ помѣщеніе и спросъ въ обществѣ. Такой

близкій къ говору народа, исполненный ядовитой сатиры умъ, есть даръ самой природы. Дюпенъ пустилъ въ обращеніе нѣсколько выраженій, которыя обошли всю Европу—вотъ почему онъ чувствуетъ къ нимъ особое расположеніе. Тѣ изъ нихъ, которыя были сказаны имъ въ то время когда онъ былъ президентомъ законодательнаго собранія при республиканскомъ правленіи, были помѣщены въ небольшомъ сборникѣ вмѣстѣ съ замѣтками и комментаріями. Тѣмъ, кто усматриваетъ въ этомъ родъ маніи и упрекаетъ его, онъ отвѣчаетъ, что Цицеронъ сдѣлалъ тоже съ своими замѣчаніями, что отпущенникъ его Тиронъ издалъ его остроты и каламбуры, а что онъ, Дюпенъ, совершенно можетъ самъ издать свои. Но что отличало его также какъ адвоката, такъ это замѣчательная ясность во всемъ, извѣстная манера дѣйствовать на духъ и разсудокъ безъ усилій и шума наиболѣе краткимъ и естественнымъ путемъ. Это—именно дѣловое краснорѣчіе, которое сдѣлалось какъ бы отпечаткомъ новѣйшей судебной рѣчи и было неизвѣстно старинной адвокатурѣ. Это наконецъ рѣдкій здравый смыслъ, изгнавшій изъ суда отступленія и всѣ пошлости слова прежнихъ временъ. Въ этомъ отношеніи Дюпенъ создалъ школу и заслуживаетъ быть поставленнымъ въ число реформаторовъ судебнаго слога Тѣмъ не менѣе въ этомъ талантѣ замѣчаются слабыя стороны и какъ бы пропуски, которые еще болѣе чувствуются при чтеніи рѣчей другаго адвоката, или лучше сказать при изученіи другой школы.

Не желая говорить въ этомъ отношеніи съ авторитетомъ наставника, мы должны однако сказать, что не всегда удобно на засѣданіи, не всегда безопасно для дѣла слишкомъ исключительно привязываться къ праву и почерпать всѣ свои силы въ законѣ. Это впрочемъ фактъ, на который Дюпенъ считалъ своимъ долгомъ обратить вниманіе, знакомя насъ съ одною изъ частностей своей юридической карьеры. Вѣрный своимъ любимымъ занятіямъ, онъ всякій разъ когда являлся на судебное засѣданіе, заботился прежде всего объ юридической сторонѣ дѣла. Скоро онъ увидалъ, что наука права не составляетъ всего въ процессѣ. Въ первыхъ моихъ дѣ-

2) Насиліе надъ вещью безъ насилія въ тоже время надъ лицомъ не составляетъ самоуправства 20

VIII. — ЮРИДИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ:

1) Недоумѣнія по поводу 1612 ст. Улож. о Нак. —**В. И. Веселовскаго** 28

2) Такъ-ли это? — **Д. П. Тихомирова.** 38

3) Взысканія по векселямъ и Московскій Промышленный Съѣздъ. — **С. М.** 48

4) Кому принадлежитъ звѣрь, попавшійся въ капканъ одному, но убитый другимъ охотникомъ? . — О — . . 58

IX. — БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ:

Диспутъ г. Саблера и его книга о давности. — **С. М.** 61

X. — НОВѢЙШАЯ АДВОКАТУРА. *(съ франц.).* —**В. И. Кохнова** . . . . . 53—68

Объявленіе отъ книжнаго магазина **И. П. Анисимова.**

Юридическій Вѣстникъ

ВЫХОДИТЪ ВЪ 1872 ГОДУ ЕЖЕМѢСЯЧНО КНИЖКАМИ ОТЪ 5 ДО 8 ПЕЧАТНЫХЪ ЛИСТОВЪ И БОЛѢЕ.

Цѣна за годовое изданіе **5** р., съ пересылкою **6** р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ **Москвѣ**: въ редакціи Юридическаго Вѣстника на Малой Бронной, въ д. Фальковской. Въ книжныхъ магазинахъ: И. П. Анисимова на Никольской улицѣ; И. Г. Соловьева на Страстномъ бульварѣ, и А. И. Глазунова на Кузнецкомъ мосту.

Въ **С.-Петербургѣ**: Въ книжномъ магазинѣ И. П. Анисимова рядомъ съ Императорскою Публичною Библіотекою.

Авторы статей, доставляемыхъ въ редакцію для печатанія, благоволятъ присовокуплять къ нимъ и условія, на которыхъ желаютъ печатать.

Редакторы: В. Н. ЛЕШКОВЪ.
А. М. ФАЛЬКОВСКІЙ.

00083626
ЮФ СПбГУ